

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Петрозаводский государственный университет»

На правах рукописи

Лебедев Александр Александрович

ПОЭТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
доцент Н. В. Патроева

Петрозаводск
2016

Содержание

Введение	4
Глава 1. Поэтический синтаксис и идиостиль П. А. Вяземского как предмет изучения	10
1.1. Поэтический синтаксис как объект лингвистического исследования.....	10
1.2. Категория идиостиля и её роль в анализе поэтического синтаксиса	18
1.3. Из истории изучения языка и стиля лирики П. А. Вяземского	28
Глава 2. Анализ синтаксических конструкций в поэзии П. А. Вяземского	34
2.1. Двусоставные предложения	35
2.1.1. Подлежащее	35
2.1.2. Сказуемое	45
2.2. Односоставные предложения	52
2.2.1. Определенно-личные конструкции	53
2.2.2. Неопределенно-личные конструкции.....	55
2.2.3. Инфинитивные конструкции.....	56
2.2.4. Безличные конструкции	58
2.2.5. Номинативные конструкции	60
2.3. Неполные структуры	62
2.4. Сложные предложения	64
2.4.1. Общий анализ.....	64
2.4.2. Сочинительная связь	69
2.4.3. Подчинительная связь	77
2.4.4. Бессоюзная связь	96
2.5. Осложненные предложения	102
Глава 3. Связь синтаксиса и композиции в лирике П. А. Вяземского	144
3.1. Структура «сильных позиций» стихотворного текста.....	144
3.1.1. Заглавие	145
3.1.2. Эпиграф	150
3.1.3. Начальные предложения.....	152

3.2. Роль синтаксической организации в создании различных стилистических приемов. Фигуры речи в поэзии Вяземского	154
3.2.1. Антитеза.....	155
3.2.2. Синтаксический параллелизм	161
3.2.3. Полисиндетон.....	166
3.2.4. Вопросительные конструкции.....	168
3.2.5. Другие фигуры речи	172
3.2.6. Языковая игра на уровне синтаксиса	175
3.3 Мелодика, строфика и метрика лирики П. А. Вяземского	188
в соотношении с ее синтаксической организацией	188
3.3.1. Соотношение строфического, ритмо-метрического и синтаксического построения текста	188
3.3.2. Интонационная структура лирики	197
Заключение	202
Список использованной литературы	207
Приложение А. Таблицы	237
Приложение Б. Использование информационных технологий в рамках анализа сложных предложений.....	251

Введение

Изучение особенностей поэтического синтаксиса (вкпе с анализом идиостилевых черт творчества того или иного писателя), а также в целом специфическая роль синтаксических форм и значений в организации художественного текста привлекали и привлекают внимание многих лингвистов. В то же время если поэтическое наследие одних авторов становится объектом пристального внимания, то другие писатели зачастую остаются в тени (порой совершенно незаслуженно). Синтаксис поэтических текстов П. А. Вяземского, творчество которого как в историко-литературном, так и лингвостилистическом аспектах до сих пор остается малоизученным, с этой точки зрения требует пристального лингвистического исследования, что и определяет **актуальность и новизну** данного **исследования**. Вяземский живо интересовался лингвистическими спорами эпохи Карамзина и Пушкина, в своих поэтических произведениях и «записных книжках» часто высказывался на злободневные темы борьбы «архаистов» и «новаторов» от поэтического цеха, был одним из первых русских лириков, обнаруживших настойчивое стремление к так называемой «языковой рефлексии». Анализ идиостиля П. А. Вяземского на синтаксическом уровне текста, игравшем в эпоху «устойчивых стилей» (слова Л. Гинзбург¹) ключевую роль в формировании «необщего лица» той или иной поэтической музыки, представляется важным и интересным как в историко-языковом, так и в лингвопоэтическом отношении.

Объектом исследования выступают особенности индивидуального стиля автора, проявляющиеся на синтаксическом уровне организации его стихотворных текстов, а **предметом** исследования стали используемые поэтом разнотипные синтаксические конструкции, их состав, семантика, функции и роль в формировании авторского идиостиля (общий объем сплошной выборки – 3449 предложений).

¹ Гинзбург Л. О лирике. М.: Интрада, 1997. С. 26.

Материалом для исследования служат стихотворные произведения, опубликованные в сборнике стихотворений из серии «Библиотека поэта», – наиболее авторитетном издании, включающем в себя 310 стихотворений автора.

Целью нашей работы стал анализ поэтического синтаксиса П. А. Вяземского. В рамках данного исследования в результате лингвостилистического анализа синтаксических конструкций были выделены ключевые составляющие творчества автора на синтаксическом уровне. Рассмотрение такого аспекта, как поэтический синтаксис, позволяет выявить специфику картины мира автора и выделить характерные особенности идиостиля.

Для достижения поставленной цели в рамках диссертационной работы был поставлен и решен ряд **задач**, в числе которых:

1. рассмотрение теоретических вопросов, связанных с поэтическим синтаксисом, идиостилем писателя, языковой личностью и иными смежными лингвистическими и стилистическими категориями;
2. анализ структуры, семантики и функций синтаксических конструкций, используемых в стихотворных текстах П. А. Вяземского (на уровне как простого, так и сложного предложения);
3. учёт «сильных позиций» стихотворного текста, напрямую влияющих на восприятие стихотворения читателем, определение роли синтаксических конструкций, которые находятся в этих подчеркнутых (актуализованных, выделенных) позициях;
4. исследование стилистических приемов, характерных для лирики поэта и составляющих основу стилистического воздействия на читателя;
5. определение степени («тесноты») взаимосвязи синтаксической организации текста с мелодикой, строфикой и интонацией на материале творчества П. А. Вяземского.

Поставленная цель и задачи определили **методы исследования**: это метод сплошной выборки, включающий в себя работу со всеми синтаксическими конструкциями, встреченными в пределах сборника; метод анализа статистических данных; структурно-, семантико- и функционально-описательные

методы; метод лингвостилистического анализа, используемый при истолковании экспрессивного потенциала отдельных языковых фактов и явлений; сравнительный метод, основанный на сопоставлении полученных данных с данными других исследователей.

Научная новизна исследования состоит в том, что в рамках данного диссертационного сочинения впервые на материале творчества П. А. Вяземского был выполнен системный, многоаспектный анализ поэтического синтаксиса в его тесной связи, с одной стороны, с протекавшими в русском литературном языке XVIII-XIX столетий процессами и, с другой – с идиостилем автора как одного из важнейших представителей «золотого века» в истории отечественной литературы.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что основные положения данного исследования представляют синтаксис П. А. Вяземского с точки зрения структурно-типологического и функционального аспектов как важнейшую составляющую идиостиля автора, а также предоставляют лингвистам, занимающимся вопросами поэтического синтаксиса и истории русского литературного языка, сопоставительный материал для дальнейших исследований.

Практическая значимость состоит в том, что полученные сведения можно использовать в рамках вузовского преподавания курсов синтаксиса русского литературного языка, истории русского литературного языка, языка поэзии, лингвопоэтики, исторической поэтики, стилистики художественной речи и т.п. Материалы, полученные в рамках анализа сложных предложений, встречающихся в поэтическом творчестве П. А. Вяземского, могут стать основой для компьютерной базы текстов с синтаксической разметкой.

Положения, выносимые на защиту:

1) Синтаксис поэтических текстов является неотъемлемой составляющей формирования индивидуального стиля автора, что в полной мере подтверждается на материале стихотворного творчества П. А. Вяземского.

2) В поэзии Вяземского значительную роль играют осложненные предложения; именно категория осложнения становится для поэта выразителем смысловой насыщенности текста. Из числа осложняющих конструкций в поэзии

Вяземского наиболее активны сравнительные, предложно-падежные и субстантивные обороты, что демонстрирует стремление поэта к перифрастичности и оценочности высказывания, а также расширению средств формирования хронотопа лирического текста.

3) Немаловажную роль в формировании идиостиля Вяземского (несмотря на малый коэффициент распространенности в сравнении с творчеством других поэтов) играют односоставные предложения, особенности использования которых автором в некоторых случаях создают эффекты, связанные с намерением оптимизировать восприятие стихотворения читателем. Помимо традиционно часто встречающихся в поэзии определенно-личных конструкций, в стихотворных текстах Вяземского часто используются и безличные односоставные предложения, через которые автор передает наполняющие его лирического героя эмоции (большой частью негативные), а также, особенно в поздние годы, стремится выразить свое отторжение от окружающего его мира.

4) Одним из неотъемлемых атрибутов идиостиля П. А. Вяземского являются составные именные сказуемые с отвлеченным глаголом-связкой, причем поэтический контекст позволяет преодолеть синкретизм экзистенциальной и связочной функции, свойственный глаголу БЫТЬ в системе языка, за счет выдвижения на первый план бытийного смысла – идеи безвозвратно ушедшего прошлого (наиболее активной оказывается форма *был*).

5) Важной составляющей поэтического синтаксиса П. А. Вяземского являются сложные предложения, разнообразные со структурной и семантической точки зрения. Разным типам сложных предложений при этом зачастую отводится строго определенная роль в тексте произведения. Фиксируемый для поэзии в целом перевес бессоюзия над подчинением в творчестве Вяземского присутствует, однако сравнительно невелик. В поэзии Вяземского наблюдается преобладание относительного подчинения над союзным, а гипотаксических синтаксических отношений над паратаксическими. Особенно активны в поэзии Вяземского, в сравнении с другими поэтическими системами (М. Ломоносова, Г. Державина, Н. Карамзина, А. Пушкина, М. Лермонтова, Е. Баратынского),

оказываются сложные конструкции с атрибутивными, разделительными и присоединительными отношениями.

6) Особая синтаксическая организация текстов П. А. Вяземского в сочетании с его идиостилевыми характеристиками повлекла за собой появление в его текстах таких фигур речи (антитеза, синтаксический параллелизм, полисиндетон), в построении которых важную роль играет структурно-семантическая специфика синтаксической конструкции, в первую очередь на уровне сложного предложения. Также П. А. Вяземский при помощи ряда приемов (ирония, фразеологические трансформации, применение интертекстуальных сравнительных оборотов, иноязычные вкрапления) может вступать в языковую игру с читателем текста.

7) Поэтический синтаксис П. А. Вяземского оказывает непосредственное влияние на строфику и интонационную структуру произведений (в частности, свидетельством тому являются частые анжамбеманы (стихотворные переносы), а также сочетание приема инверсии с особым построением сложных предложений).

Апробация исследования. Основные положения были обсуждены на заседаниях кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, а также на международных и всероссийских конференциях: «Первые Григорьевские чтения. Языковое творчество vs креативность: эстетический, эвристический и прагматический аспекты» (Москва, РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 12-14 марта 2015 г.), «Проблемы анализа художественного текста: к 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова» (Петрозаводск, ПетрГУ, 3-5 июня 2014 г.), «Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа» (Петрозаводск, ПетрГУ, 16-19 сентября 2015 г.) и др. Часть исследования легла в основу монографии «Идиостиль П. А. Вяземского: синтаксический аспект». Отдельные результаты диссертационного сочинения нашли отражение в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук («Ученые записки

Петрозаводского государственного университета», «Вестник Череповецкого государственного университета», «Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова»).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего в себя более 200 позиций, а также Приложения А, включающего в себя более двадцати таблиц со статистическими данными, и Приложения Б, содержащего в себе сведения, связанные с потенциальным использованием полученных данных при создании синтаксической разметки сложных предложений.

Глава 1. Поэтический синтаксис и идиостиль П. А. Вяземского как предмет изучения

1.1. Поэтический синтаксис как объект лингвистического исследования

Любой поэтический текст имеет особую структурную организацию, отличающую его от текста прозаического – как правило, этот тезис подается в качестве общеизвестного и неоспоримого факта: к примеру, С. И. Гиндин отмечает: «как известно, стихотворная речь обладает рядом специфических особенностей, отличающих ее от других видов и форм речи»². М. Ю. Лотман отмечает, что «в науке о литературе утвердилось <...> представление о том, что различие между поэзией и прозой заключается не только в различных формальных параметрах <...>, но и в содержательных характеристиках: поэтический текст означает другое и иначе, нежели текст прозаический»³. М. М. Гиршман в своей работе «Ритм художественной прозы» вспоминает основанное на использовании аналогий из мира точных чисел высказывание поэта П. Г. Антокольского, о том, что «разница между поэзией и прозой сравнима с разницей между алгеброй и арифметикой. Поэзия утверждает: $X+Y=Z$. Проза отвечает: $5+7=12$ »⁴. Именно поэтому, рассуждая о вопросах, связанных со спецификой поэтического синтаксиса, имеет смысл вначале определить ключевые различия между прозаическими и поэтическими текстами.

В целом, различие между поэзией и прозой сложно поставить под сомнение – оно ощутимо не только для лингвистов, работающих с текстом как объектом исследования, но и для авторов текста, а также для его читателей (в частности, существует точка зрения, в соответствии с которой «именно в области работы с читательским восприятием и находится разница между прозой и поэзией»⁵). Еще А. С. Пушкин писал о синтаксических характеристиках прозы и стиха: «точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат. Стихи

² Гиндин С. И. Структура стихотворной речи. М., 2013. С.3. URL: <http://www.verse-study.ru/Gindin1.pdf>

³ Лотман М. Ю. К основам моделирующей поэтики. URL: http://www.ruthenia.ru/reprint/trudy_ii/lotmanm.pdf

⁴ Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. М.: Советский писатель, 1982. С. 6.

⁵ Локиев А. Взгляд психолога. // Литературный клуб «XL»/ СПб.: Серебряный век, 2011. С. 14.

дело другое»⁶. Именно в стихотворных произведениях можно встретить большое разнообразие синтаксических конструкций и средств риторической выразительности, поскольку поэзия решает эстетические задачи, связанные с «желанием читателя познать мир в его творческом выражении»⁷ и «получить эстетическое впечатление (удовольствие)»⁸, а информативная функция в лирических текстах зачастую отходит на второй план. При этом критерии, связанные с формальным отделением поэзии от прозы многими ставятся под сомнение. В частности, А. А. Потебня в работе «Поэзия и проза. Их дифференцирование» замечает, что хотя «поэтическому мышлению более (в его менее сложных формах), чем прозаическому, сродна музыкальность звуковой формы, т. е. темп, размер, созвучие, сочетание с мелодией, <...> поэтическое мышление может обходиться без размера и пр., как, наоборот, прозаическое может быть искусственно, хотя и не без вреда, облечено в стихотворную форму»⁹.

В «Словаре литературных терминов» предлагается выделять два различия между поэзией и прозой – формальное, «прозе противопоставляются стихи»¹⁰ и внутреннее – «прозе, как мышлению и изложению рассудочному, противопоставляется поэзия, как мышление и изложение образное, рассчитанное не столько на ум и логику, сколько на чувство и воображение»¹¹. При этом очевидно, что упомянутая образность изложения и мышления автора обязательно должна проявить себя в структуре текста, в том числе и на уровне синтаксиса. Исследователи-лингвисты выделяют целый ряд различий между синтаксисом поэзии и синтаксисом прозы: ориентация языка поэзии на эстетическую функцию¹², большая конструктивная сложность поэтического текста, поскольку

⁶ Пушкин А. С. О русской прозе // А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. Т.6, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 255.

⁷ Алефиренко Н. Ф., Чумак-Жунь И. И. Коммуникативная ситуация как когнитивно-прагматический фактор порождения поэтического дискурса // *Auspisia. Recenzovaný neimpaktovaný časopis zaměřený na oblast společenských věd.* České Budějovice: Vysoká škola evropských a regionálních studií. № 1. 2008. С. 70.

⁸ Алефиренко Н. Ф., Чумак-Жунь И. И. Коммуникативная ситуация как когнитивно-прагматический фактор порождения поэтического дискурса. С. 70.

⁹ Потебня, А. А. Поэзия и проза, их дифференцирование / А. А. Потебня // Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. С. 149.

¹⁰ Айхенвальд Ю., Бобров С. П. Поэзия и проза // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. П—Я. С. 617.

¹¹ Там же.

¹² Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л.: Издательство ЛГУ, 1989. С. 5.

поэтическая речь «значительно усложнена по отношению к естественному языку»¹³; возможность трансформации поэтических знаков, которые «обладают своей спецификой, проявляющейся в их функциях и условиях реализации, особенностях взаимодействия языковых единиц в рамках художественного текста»¹⁴; нелинейный характер восприятия поэтического текста, определяющий «содержание читательского отклика на художественное произведение, его эмоционально-смысловую окраску»¹⁵.

На протяжении XX столетия постепенно формируется особое направление филологических исследований – грамматика поэтической речи, настаивающая на выделении «особого уровня «грамматической образности»¹⁶. Г. Г. Шпет еще в 20-х годах XX века отмечал связь грамматики и поэзии: «Поэтика в широком смысле есть грамматика поэтического языка и грамматика поэтической мысли»¹⁷. Р. О. Якобсон справедливо заметил, что в некоторых случаях «грамматические категории действуют подобно поэтическим образам»¹⁸, а связью между грамматической составляющей и индивидуальной манеры поэтического письма интересовались многие из исследователей языка (В. В. Виноградов, М. М. Бахтин, Л. В. Щерба, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, Б. В. Томашевский, Л. П. Якубинский, М. И. Шапир и многие другие). Примечательным здесь видится подход Б. В. Томашевского, изложенный им в книге «Теория литературы. Поэтика»¹⁹. Специалист предлагает учесть следующие важные составляющие поэтического синтаксиса: 1) согласование и подчинение слов одно другому, а также и одного предложения другому; 2) порядок, в котором следуют слова одно за другим; 3) узуальное значение синтаксической конструкции; 4) оформление предложений в произношении, или интонация; 5) психологическое значение конструкций. Показателем актуальности данного направления исследования стало появление

¹³ Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. С. 7.

¹⁴ Федорова Н. Н. Трансформация языкового знака в поэтическом тексте :На материале поэзии А.А. Ахматовой. автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Краснодар, 2006. С. 5.

¹⁵ Проект Ю. Л. В диалоге с М. Ю. Лермонтовым: читательский отклик на стихотворение «И скучно, и грустно» в юношеском возрасте // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2014. №2. С. 57.

¹⁶ Цивьян Т.В. Наблюдения над категорией определенности-неопределенности в поэтическом тексте (поэтика А. Ахматовой) // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 348.

¹⁷ Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты : в 3 т. Т. 2. Петербург, 1922 - 1923. С. 2.

¹⁸ Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // *Семиотика: сб. ст. переводы*. М.: Радуга, 1983. С. 462.

¹⁹ Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1999. 334 с.

двух коллективных монографий: «Поэтическая грамматика. Том I»²⁰ и «Поэтическая грамматика. Том II: Композиция текста»²¹, в рамках которых рассматриваются различные грамматические аспекты анализа поэтического текста, в том числе и на уровне синтаксиса.

Следует отметить, что «поэтический синтаксис» – словосочетание, которое не имеет пока строгого и общепринятого терминологического статуса, хотя при этом активно используется филологами. Как показывает анализ лингвистических работ, вопросы поэтического синтаксиса рассматриваются в тех случаях, когда исследователь хочет изучить конкретные особенности синтаксического строения художественного текста, напрямую связанные с поэтическим замыслом и языковой личностью автора. Безусловно, как отмечает И. И. Ковтунова, «синтаксическая специфика поэтической речи способна обнаружить себя в полной мере лишь <...> при функциональном подходе к синтаксису»²². Если формальный анализ позволяет выделить лишь некие обособленные элементы поэтической традиции (в первую очередь, архаизмы и «поэтические вольности»), то именно функциональный подход способствует выявлению преобразований языковых средств, «расширяющих семантические возможности языка и превращающих речь в язык искусства»²³. По сути дела, образно-эстетическая функция может быть реализована не только в рамках фонетических или лексических единиц, но и в пределах грамматических компонентов, традиционно скованных более жесткими нормативными рамками. Также синтаксис текста напрямую связан с композиционной структурой и ритмико-мелодической организацией текста стихотворения. При этом внимание специалистов-языковедов, занимавшихся поэтическим синтаксисом, привлекали самые разные проблемы: стихотворный перенос (анжамбеман), который, по мнению Р. Н. Бутова может пониматься как «явление, наиболее ярко отличающее стихи от

²⁰ Поэтическая грамматика. Том I. М.: Азбуковник, 2006. 429 с.

²¹ Поэтическая грамматика. Том II: Композиция текста. М.: Азбуковник, 2013. 320 с.

²² Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. С. 3.

²³ Там же, С.3.

прозы»²⁴; тип стиха (наиболее подробно эта проблема была рассмотрена в работах Б. М. Эйхенбаума²⁵, В. М. Жирмунского²⁶ и В. Е. Холшевникова²⁷); строфическое либо астрофическое построение стихотворения; порядок слов в предложении и, в частности, такое явление, как инверсия (здесь следует отметить диссертационную работу А. З. Тавасиевой «Инверсия подлежащего как синтаксическая фигура: на материале современной французской литературы»²⁸, где данная фигура рассматривается с точки зрения формирования идиостиля французских авторов М. Дюрас и И. Бонфуа).

Также на поэтический синтаксис непосредственное влияние оказывает выбор автором определенных синтаксических ресурсов и изобразительно-языковых средств, и исследователей в этом случае прежде всего интересует определение типовых грамматических характеристик творчества того или иного писателя или поэта, синтаксических доминант идиостиля. Объектом исследования могут становиться самые разные грамматические категории, как морфологические (Якобсон Р. «Поэзия грамматики и грамматика поэзии»²⁹, Скулачева Т. В. «Взаимодействие ритма, морфологии и синтаксиса в русском и английском стихе (четырёхстопный ямб)»³⁰, Огородникова Л. А. «Парадигматика родительного падежа в художественном тексте второй половины XVIII в.»³¹; Душина Н. П. «Каузативные глаголы: семантика и грамматика (на материале поэзии Серебряного века)»³², Кулева А. С. «Усеченные прилагательные в языке русской поэзии»³³), так и собственно синтаксические (при этом могут описываться как в целом особенности синтаксиса —

²⁴ Бутов Р. Н. Enjambement как феномен ритмики и графики поэтического текста (к вопросу уточнения классификации) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Т.15, 2009. С. 46.

²⁵ Эйхенбаум Б. Мелодика русского лирического стиха. Петроград: ОПОЯЗ, 1922. 199 с.

²⁶ Жирмунский В. М. Введение в метрику. Теория стиха. Л.: Academia, 1925. 284 с.

²⁷ Холшевников В.Е. Стиховедение и поэзия. Л.: ЛГУ, 1991. 254 с.

²⁸ Тавасиева А. З. Инверсия подлежащего как синтаксическая фигура : На материале современной французской литературы: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.05. М., 2002. 164 с.

²⁹ Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Poetics Poetica. Поэтика. Warszawa, 1961. С. 400-412.

³⁰ Скулачева Т. В. Взаимодействие ритма, морфологии и синтаксиса в русском и английском стихе (четырёхстопный ямб) // Стих, язык, поэзия. Памяти М.Л. Гаспарова. М., 2006. С. 565-570.

³¹ Огородникова Л. А. Парадигматика родительного падежа в художественном тексте второй половины XVIII в.: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2003. 208 с.

³² Душина Н. П. Каузативные глаголы: семантика и грамматика. На материале поэзии Серебряного века. Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 275 с.

³³ Кулева А. С. Усеченные прилагательные в языке русской поэзии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 493 с.

Аскоченская А. А. «Синтаксические особенности поэзии И. С. Никитина»³⁴, Алёхина Н. В. «Синтаксис как доминанта структуры поэтического текста»³⁵, так и отдельные его составляющие – Патроева Н. В. «Осложненное предложение и его функции в поэтической речи»³⁶ и «Поэтический синтаксис. Категория осложнения»³⁷, Грек А. Г. «Поэтика бессоюзных соединений в языке Вяч. Иванова»³⁸, Кочанова Е. Н. «Структура, семантика, функции номинативных предложений в поэтическом языке М. И. Цветаевой»³⁹, Бараночникова Л. В. «Функционирование вводных и вставных компонентов в поэзии и прозе А. С. Пушкина»⁴⁰, Хазбулатова Т. А. «Вопросительные конструкции как разновидность диалогических форм речи в поэзии Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама»⁴¹, J. Holthausen, «Zum Problem der poetischen Syntax bei Baratynski»⁴²). Таким образом, подтверждается тезис М. Ю. Сидоровой об актуальности лингвистических штудий по поэтическому синтаксису как «попытки обнаружения специфических законов построения поэтических текстов»⁴³ и как исследования «грамматики языка в поэзии и поэзии в грамматике языка»⁴⁴.

Особо следует выделить те работы, в которых связь между поэтическим синтаксисом и индивидуальным стилем автора выходила на первый план. К числу таких трудов следует отнести работу В. П. Григорьева «Грамматика идиостиля:

³⁴ Аскоченская А. А., Синтаксические особенности поэзии И. С. Никитина: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 1998. 173 с.

³⁵ Алёхина Н. В. Синтаксис как доминанта структуры поэтического текста. Дис. . канд. филол. наук: 10.02.01. Владивосток, 2005. 177 с.

³⁶ Патроева Н.В. Осложненное предложение и его функции в поэтической речи. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 272 с.

³⁷ Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 333 с.

³⁸ Грек А.Г. Поэтика бессоюзных соединений в языке Вяч. Иванова // Поэтическая грамматика. Том I. / Российская академия наук, Институт русского языка В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2005. С. 376-427.

³⁹ Кочанова Е. Н. Структура, семантика, функции номинативных предложений в поэтическом языке М. И. Цветаевой: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2009. 229 с.

⁴⁰ Бараночникова Л. В. Функционирование вводных и вставных компонентов в поэзии и прозе А. С. Пушкина: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб, 2011. 170 с.

⁴¹ Хазбулатова Т. А. Вопросительные конструкции как разновидность диалогических форм речи в поэзии Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2012. 26 с.

⁴² Holthausen J. Zum Problem der poetischen Syntax bei Baratynski // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1960. J. V. N. 3-4. S. 310-321.

⁴³ Сидорова М. Ю. Лирическое стихотворение как объект грамматики // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сб. науч. ст. к 80-летию К. Ф. Горшковой. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 452.

⁴⁴ Сидорова М. Ю. Указ. соч. С. 452.

В. Хлебников»⁴⁵, а также пятую книгу коллективной монографии «Очерки языка русской поэзии XX века»⁴⁶, в которой авторы предлагают цельные описания поэтических систем ряда авторов, включающие в себя в том числе и анализ индивидуальных синтаксических особенностей творчества. Помимо монографических работ, существует ряд научных статей, написанных в данном ключе (М. Г. Мирошникова, «Поэтический синтаксис в прозе Д. Рубиной (на материале романа Д. Рубиной «Вот идёт мессия!...»)»⁴⁷, А. И. Бойков, «Конструкции разговорного синтаксиса в поэтическом идиолекте А. Башлачёва»⁴⁸, И. В. Романова, «Синтаксический перенос и синтаксическое развертывание в поэзии И. Бродского 1970-х гг.»⁴⁹).

Также в рамках поэтического синтаксиса традиционно исследуется образный смысл и экспрессивное функционирование различных выразительных средств. Можно говорить о том, что изучить поэтический синтаксис означает проанализировать функции художественных приемов отбора и группировки в слов в определенные синтаксические конструкции. При этом в таком случае в исследование поэтического синтаксиса включается как анализ грамматических связей и синтаксических единств, так и поиск сознательного применения автором стилистических фигур, поскольку зачастую отбор определенных синтаксических конструкций определяется семантикой и тематикой произведения, замыслом автора и целым рядом других факторов, выявление которых представляет собой сложную, но в то же время важную с точки зрения анализа поэтического синтаксиса задачу. В этом плане следует выделить докторскую диссертацию Н. Н. Кузнецовой «Средства создания экспрессивности в русской поэзии

⁴⁵ Григорьев В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М.: Наука, 1983. 225 с.

⁴⁶ Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей / Институт русского языка РАН; Отв. ред. В.П. Григорьев. М.: Наследие, 1995. 558 с.

⁴⁷ Мирошникова М. Г. Поэтический синтаксис в прозе Д. Рубиной (на материале романа Д. Рубиной «Вот идёт мессия!...») // Концепт. – 2015. Современные научные исследования. Выпуск 3. – ART 85169. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85169.htm>.

⁴⁸ Бойков, А. И. Конструкции разговорного синтаксиса в поэтическом идиолекте А. Башлачёва // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. №3. С. 162 – 166.

⁴⁹ Романова, И. В. Синтаксический перенос и синтаксическое развертывание в поэзии И. Бродского 1970-х гг. / И. В. Романова // Русская филология: ученые записки. Т. 10. Смоленск: СмолГУ, 2006. С. 242 – 252.

XX века»⁵⁰, в которой рассматриваются самые разные средства создания экспрессивности, в том числе и синтаксические (повтор, параллелизм, эллипсис, парцелляция). Отдельным особенностям функционирования стилистических фигур в поэзии посвящены работы Э. Г. Суодене «Анафора в лирике М. И. Цветаевой (стилистический аспект)»⁵¹, С. А. Станиславской «Контраст как принцип организации поэтического текста: на материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева»⁵², З. П. Куликовой «Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов М. Цветаевой и Р. М. Рильке»⁵³ и т. п. Любопытно, что преимущественно такого рода анализу подвергаются стихотворные произведения XX века, в то время как творчество поэтов других столетий очень часто остается вне внимания исследователей-лингвистов (наиболее яркими исключениями из этого правила является работа Н. С. Поспелова «Синтаксический строй стихотворных произведений А. С. Пушкина»⁵⁴ и монография Л. Д. Беднарской «Синтаксис романа А. С. Пушкина "Евгений Онегин"»⁵⁵).

На наш взгляд, исследование поэтического синтаксиса должно представлять собой анализ не только особых, маркированных элементов, но и типичных для поэта конструкций (в частности, определенных типов предложений), активно используемых им в стихотворных произведениях, что позволяет проследить эволюцию поэтического синтаксиса на протяжении всего творчества писателя, а также определить доминантные компоненты, которые сохраняет в рамках синтаксической структуры своих произведений автор на протяжении всего творческого пути или отдельных его этапов. Именно по этой причине в некоторых научных работах правомерно ставится вопрос не просто об

⁵⁰ Кузнецова Н. Н. Средства создания экспрессивности в русской поэзии XX века. Дис. ...доктор филол. наук: 10.02.01. М., 2011. 594 с.

⁵¹ Суодене Э. Г. Анафора в лирике М.И.Цветаевой (стилистический аспект): Дисс. ...канд.филол.наук: 10.02.01. Минск, 1990. 216 с.

⁵² Станиславская С. А. Контраст как принцип организации поэтического текста: На материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2001. 195 с.

⁵³ Куликова З. П. «Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов М. Цветаевой и Р.М. Рильке»: Дисс. канд.филол.наук: 10.02.19., 10.02.20. Ростов-на-Дону. 2007. 191 с.

⁵⁴ Поспелов Н.С. Синтаксический строй стихотворных произведений А.С. Пушкина. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. 249 с.

⁵⁵ Беднарская Л. Д. Синтаксис романа А. С. Пушкина "Евгений Онегин". Орел :ОГУ, 2008. 372 с.

анализе поэтического синтаксиса, а об изучении эволюции поэтического синтаксиса определенного автора (см., работы Г. В. Синоло «Эволюция поэтического синтаксиса Ф. Гёльдерлина и ритмико-синтаксические особенности его поздних гимнов (к вопросу о синтезе культурологического, философского и филологического подходов при анализе поэтического феномена)»⁵⁶, а также Г. Карпи и В. Пили «Поэтический синтаксис раннего Маяковского и проблема перевода: В. В. Маяковский и Антоний Слонимский»⁵⁷).

Итак, вопросы, связанные с изучением поэтического синтаксиса тесно переплетаются с проблемами изучения идиостиля писателя. На авторский синтаксис оказывают непосредственное влияние общие характеристики его поэтики – ведь именно в рамках поэтического синтаксиса можно определить, насколько творческое дарование писателя обусловлено особенностями его синтаксического строя. Как отмечает Г. О. Винокур, «важно проследить развитие языковых примет, авторского стиля в целом на всем протяжении творчества писателя, потому что факты эволюции стиля являются фактами биографии писателя»⁵⁸. Именно поэтому необходимым видится нам анализ идиостиля как лингвостилистической (лингвопоэтической) категории и определение роли синтаксиса в формировании идиостиля поэта.

1.2. Категория идиостиля и её роль в анализе поэтического синтаксиса

В 1946 году, в своей работе «Об изучении языка литературных произведений» Г. О. Винокур, рассуждая об исследованиях, посвященных особенностям творчества отдельных авторов, писал: «Современное состояние <данного> вопроса характеризуется необычайно острым, широко распространенным к нему интересом и почти полным отсутствием исследований, которые могли бы быть признаны действительно удачным практическим

⁵⁶ Синоло Г. В. Эволюция поэтического синтаксиса Ф. Гёльдерлина и ритмико-синтаксические особенности его поздних гимнов (к вопросу о синтезе культурологического, философского и филологического подходов при анализе поэтического феномена) // Романо-германская филология в контексте гуманитарных наук. Новополец: ПГУ. С. 148-158.

⁵⁷ Карпи Г., В. Пили «Поэтический синтаксис раннего Маяковского и проблема перевода: В. В. Маяковский и Антоний Слонимский». URL: <http://www.rvb.ru/philologica/10pdf/10carpi-pili.pdf>

⁵⁸ Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология. Под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 185.

разрешением его»⁵⁹. Причину этого он видел в несовершенстве терминологической базы, которой пользовались исследователи языка: «вряд ли можно спорить против того, что все эти термины не имеют в текущем употреблении вполне ясного, установленного содержания, что очень часто остается неизвестным, одно ли и то же они означают, или же ими имеется в виду разное содержание»⁶⁰.

С тех пор прошло более шестидесяти лет, однако проблема, поднятая Г. О. Винокуром, остается актуальной и сегодня. Более того, в последние десятилетия в рамках лингвостилистики появилось большое количество терминов, значение которых является не вполне определенным и не вполне ясным (что, впрочем, не мешает исследователям использовать данные термины в своих работах). «Идиостиль» — одно из таких понятий. Во многом неопределенность истолкования данного понятия заключается в том, что проблема изучения идиостиля автора находится на стыке нескольких дисциплин: лингвистической поэтики, стилистики, теории текста, корпусной лингвистики, статистики. Н. С. Болотнова отмечает, что в целом «изучение идиостиля является одной из ключевых проблем в стилистике художественной литературы»⁶¹.

В. А. Пищальникова в своей работе «Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект» также акцентирует внимание на сложностях в терминологии: «несмотря на длительный и устойчивый интерес к категории идиостиля, до сих пор не существует единой позиции как в определении её существенных черт, так и в употреблении термина (идиостиль, идиолект, стиль, индивидуальный стиль, стилевая манера и др.)»⁶². Дать однозначное определение идиостилю затруднительно в силу того, что значительное количество исследователей в своих работах по-разному используют данный термин, вкладывая в него свое понимание. Именно поэтому вопрос понимания

⁵⁹ Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений // Избранные работы по русскому языку. М.: Academia, 1959. С. 229.

⁶⁰ Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений. С. 229.

⁶¹ Болотнова Н. С. Анализ идиостиля в коммуникативной стилистике художественного текста на основе теории текстовых ассоциаций // Труды III Международного конгресса исследователей русского языка. М., 2007. С. 365.

⁶² Пищальникова В. А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. Барнаул.: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1992. С.29.

содержания понятия «идиостиль» и смежных с ним категорий разными исследователями является одним из ключевых. Ведь стилистика текста является сравнительно молодой дисциплиной, и универсальная терминологическая база в ней еще не сформировалась.

Появление первых работ, посвященных индивидуальному стилю и языковой личности автора, связано с именем В. В. Виноградова. В своей статье «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопы Аввакума» (1923) он вводит термин «индивидуальный поэтический стиль», определяя его как «систему эстетически-творческого подбора, осмысления и расположения символов»⁶³.

Через тридцать шесть лет, в работе «О языке художественной литературы» (1959) В. В. Виноградов пользуется уже другим определением: индивидуальный стиль писателя — это «система индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения»⁶⁴. В качестве одной из задач науки о языке В. В. Виноградов выдвигал исследование стиля писателя «в историческом развитии, в изменениях и колебаниях, в многообразии его жанровых проявлений»⁶⁵. Труд «О теории художественной речи», который вышел уже после смерти исследователя, содержит в себе следующее определение образа автора: «Образ автора — это образ, складывающийся или созданный из основных черт творчества поэта. <...> Лирическое я — это не только образ автора, это — вместе с тем представитель большого человеческого общества»⁶⁶. Таким образом, во главу угла В. В. Виноградов ставил авторский образ, поскольку именно «в образе автора, в его речевой структуре, объединяются все качества и особенности стиля литературного произведения»⁶⁷.

Ученые-литературоведы также пытались определить некоторые из терминов, связанных со стилистическим анализом художественного

⁶³ Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопы Аввакума // Русская речь: Сборники статей. Сб. 1. Петроград, 1923. С. 196.

⁶⁴ Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. С. 84.

⁶⁵ Виноградов В. В. О языке художественной литературы. С. 86.

⁶⁶ Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. С. 181.

⁶⁷ Там же.

произведения. Б. В. Томашевский даже называл стилистику «связующей дисциплиной между языкознанием и литературоведением»⁶⁸. Однако во многих случаях предлагаемые ими варианты были максимально неконкретны. Например, А. В. Чичерин в работе «Ритм образа» предлагал следующее определение: «Индивидуальный стиль — это поэтическая мысль в ее действии, ее ритм, ее цепкость, вооруженность, ее способность к познанию мира и передаче сконцентрированной энергии духа»⁶⁹. Подобное определение совершенно нефункционально, поскольку не позволяет анализировать литературные тексты, выделять в них по каким-либо параметрам искомый индивидуальный стиль.

Некоторые исследователи пытались предложить альтернативные термины. К примеру, в своей работе «О языке художественных произведений» А. И. Ефимов заменяет традиционный термин «стиль писателя» категорией «слог». В его представлении «слог писателя» представляет собой «систему построения речевых средств»⁷⁰, которая вырабатывается и применяется писателем при создании художественного произведения. А «язык» писателя — грамматический и словарный фонд, «сокровищница национального языка»⁷¹, из которой черпает материал автор в ходе создания своего художественного произведения.

В 1970-е годы начали активно публиковаться работы, связанные с анализом языка и стиля писателей и ориентированные на анализ образной трансформации тех или иных лексических единиц, их словоупотребления, а также изучения определенных типов синтаксических конструкций в произведениях писателей («Синтаксис и стилистика»⁷², «Синтаксис текста»⁷³).

Термином «идиостиль» впервые активно начинает пользоваться В. П. Григорьев, вынося это понятие в заглавие своей работы «Грамматика идиостиля». По В. П. Григорьеву, «описание идиостиля должно быть устремлено к выявлению глубинной семантической и категориальной связности его

⁶⁸ Томашевский Б. В. Стилистика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 5.

⁶⁹ Чичерин А. В. Ритм образа. М.: Советский писатель, 1980. С. 233.

⁷⁰ Ефимов А. И. О языке художественных произведений. М.: Учпедгиз, 1954. С. 88.

⁷¹ Ефимов А. И. Указ. соч. С. 88

⁷² Золотова Г. А. Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976.

⁷³ Синтаксис текста / отв. ред. Г.А. Золотова. М.: Наука, 1979.

элементов, воплощающих в языке творческий путь поэта, к сущности его явной и неявной рефлексии над языком»⁷⁴. Характеристику личности, которая объединяет всё написание, В. П. Григорьев называет «образом автора идиостиля» (по аналогии с термином В. В. Виноградова «образ автора» — «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого»⁷⁵).

В качестве тенденции 1980-90-х годов следует отметить усиливающийся интерес к человеческому фактору в языке, картине мира, а также концептологический подход. Более подробно эти позиции изложены в соответствующих работах Ю. Н. Караулова⁷⁶, А. Вежбицкой⁷⁷, Е. С. Кубряковой⁷⁸, Р. М. Фрумкиной⁷⁹. Несколько особую позицию занимает представитель структурно-семиотического направления С. Т. Золян, понимающий под идиостилем «особый модус лингвистического конструирования миров, некоторую функцию, которая соотносит принимающий различные состояния язык с соответствующим определенному состоянию языка возможным миром»⁸⁰.

В заголовках научных статей последнего десятилетия термин «идиостиль» встречается часто, фактически вытеснив многие другие схожие определения (Ашимова А. Ф. «Идиостиль как проявление языковой личности автора на примере романа «Доктор Живаго»⁸¹; Фоменко Е. Г., «Проблемы

⁷⁴ Григорьев В. П. Грамматика идиостиля: В.Хлебников. М.: Наука, 1983. С. 128.

⁷⁵ Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. С. 118.

⁷⁶ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 263.

⁷⁷ Вежбицкая А. Язык. Познание. Культура. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

⁷⁸ Кубрякова Е. С. Язык и знание. Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 560.

⁷⁹ Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.

⁸⁰ Золян С.Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля // Язык русской поэзии XX в. Сб. научных трудов. М.: ИРЯ АН СССР, 1989. С. 238-259.

⁸¹ Ашимова А. Ф. «Идиостиль как проявление языковой личности автора на примере романа «Доктор Живаго» . Вестник Мининского университета. №3, 2013. URL:

http://www.mininiver.ru/mediafiles/u/files/Nauch_deyat/Vestnik/2013-12%203/Ashimova.pdf

лингвотипологического описания идиостиля писателя»⁸², Воскобойников В. В. «Актуальные аспекты изучения идиостиля в современной лингвистике»⁸³ и пр.)

При этом, как уже было упомянуто ранее, единства в определении понятия идиостиля обнаружить так и не удастся. Более того, в работах последнего времени, посвященных идиостилю, в определении этой категории часто используется слово «совокупность» (возможно, в противовес используемому В. В. Виноградовым слову «система»):

- «Поэтический идиостиль — совокупность ментальных и языковых структур художественного мира писателя»⁸⁴.
- «Идиостиль – совокупность глубинных текстопорождающих доминант и констант определенного автора, определявших появление текстов в данной последовательности»⁸⁵.
- «В функциональной стилистике идиостиль понимается как совокупность доминирующих отличительных свойств речи индивида, проявляющихся в употреблении языковых единиц — как в качественном, так и в количественном отношении - в рамках данного функционального стиля, жанра, текстовой категории и т. п.»⁸⁶.
- «В широком понимании идиостиль — это совокупность порождающих текст, а значит — и дискурс, глубинных механизмов создания текстового пространства»⁸⁷.
- «Идиостиль — совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка»⁸⁸.

⁸² Фоменко Е. Г., Проблемы лингвотипологического описания идиостиля писателя // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. №2. 2006. С. 95-102.

⁸³ Воскобойников В. В. Актуальные аспекты изучения идиостиля в современной лингвистике // Вестник ВолГУ. Серия 9. Вып. 11. 2013. С. 164-169.

⁸⁴ Тарасова И. А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля // Вестник СамГУ, 2004. № 1 (31). С. 163–169.

⁸⁵ Фатеева Н. А. Семантические преобразования в поэзии и прозе одного автора и в системе поэтического языка. // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995. С. 223.

⁸⁶ Захидова Л.С. Специфика идиостиля Ю. Полякова : (лексико-семантический аспект) : автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01. Абакан, 2009. С. 9.

⁸⁷ Арчакова Р. А. Аппроксимация и идиостиль автора художественного текста // Университетские чтения-2008. Пятигорск, 2008. Симп. 1. Ч. VII. С.105-110.

Подобные определения идиостиля как совокупности кажутся нам не вполне точными. Словари определяют понятия «система» и «совокупность» следующим образом:

- система — «множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенную целостность, единство», «устройство, структура, представляющие собой единство закономерно расположенных, взаимно связанных частей»⁸⁹.

- совокупность — «множество элементов, обладающих некоторыми общими свойствами, существенными для их характеристики, но не обязательно системными свойствами», «соединение, сочетание чего-либо»⁹⁰.

Для нас принципиально важным кажется определение идиостиля как системы элементов, в которой можно чётко проследить взаимосвязь между компонентами, а также их системные свойства. Не зря В. В. Виноградов отмечал, что «изучение литературного стиля должно быть комплексным и системным»⁹¹. Именно поэтому мы понимаем идиостиль как систему формальных и содержательных характеристик, которые присущи произведениям того или иного автора и отражают уникальный, авторский способ языкового выражения художественного содержания.

В последнее десятилетие значительную популярность получили исследования, связанные с исследованием индивидуального стиля писателя в рамках когнитивного подхода. Идиостиль здесь может пониматься как «совокупность ментальных и языковых структур художественного мира писателя»⁹², а его изучение тесно и неразрывно связано с изучением художественного концепта. Когнитивисты видят истоки такого подхода к идиостилю в развитии теоретических положений⁹³ А. А. Потебни, Л. В. Щербы,

⁸⁸ Стилистический энциклопедический словарь русского языка/ под ред. Кожинной М.Н., 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука. 2006. 696 с..

⁸⁹ Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецова. СПб: Норинт, 2000. С. 563.

⁹⁰ Там же. С. 563.

⁹¹ Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Художественная литература, 1961. С. 198.

⁹² Тарасова И. А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля // Вестник СамГУ, 2004. № 1 (31). С. 164.

⁹³ Подробнее см.: Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: На материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского: Дисс. д-ра филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2004. 484 с.

Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, Б. А. Ларина и понимают исследование концептосферы писателя как возможность лучше понять художественный мир автора, «более глубоко проникнуть в ментальный мир создателей произведений; определить особенности их речестилевой системы»⁹⁴.

В современной научной литературе взаимоотношения между понятиями «идиостиль» и «идиолект», а также близкого к ним понятия «языковая личность» однозначно не установлены. Что касается терминов «язык писателя», «слог писателя», «стиль писателя», то в научной литературе последнего времени они встречаются сравнительно редко.

Целостное изучение идиостиля писателя возможно в результате подробного анализа уровней его «языковой личности» при учете известной об авторе экстралингвистической информации. Этот ключ необходим для установления связи между уровнями в структуре языковой личности, «для перехода от одного уровня на другой»⁹⁵. Следует отметить, между тем, что опора на языковую личность играет значительную роль в том случае, если исследование идиостиля носит когнитивный характер; в нашей работе применяется преимущественно лингвистический (грамматический) подход к описанию идиостиля, поэтому нет необходимости, на наш взгляд, делать центральным понятие языковой личности. Однако совсем отказываться от данного термина также представляется непродуктивным, поскольку синтаксические особенности речевой манеры автора представляются неотъемлемой частью его языкового портрета (в ряде случаев — речевой маски). Термины «речевая маска», «языковая маска» получили распространение⁹⁶ и в лингвистике, и в литературоведении, и исследователи в первую очередь отмечают важность «оппозиции собственного идиостиля языковой личности и стиля, присущего выбранной речевой маске»⁹⁷.

⁹⁴ Фокина Ю. М. Особенности репрезентации индивидуально-авторской концептосферы в англоязычной и русскоязычной прозе (на материале рассказов А.П. Чехова и Д. Джойса). автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Ю. М. Фокина, Саратов, 2010. 184 с.

⁹⁵ Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. С. 45.

⁹⁶ Подробнее см. Геймбух Е.Ю. Языковая маска и языковая личность в «Повестях Белкина» // Русский язык в школе. 1990. №3. С. 46-54; Шпильман Н. В. Об особенностях языковой личности разных типов речевых масок. // Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. №3, 2012. С. 78-82. и т.п.

⁹⁷ Шпильман Н. В. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01. Новосибирск, 2006. 191 с.

Нужно отметить, что, хотя исследователи, пытаясь охарактеризовать идиостиль того или иного автора, опираются на лексику, в число составляющих идиостиля необходимо включить и синтаксическую составляющую, поскольку «именно от «грамматической ткани поэтического языка зависит его действительная значимость»⁹⁸: синтаксические формы в художественном тексте «не только информативно, но и эстетически нагружены, выполняют самые разнообразные функции (структурно-композиционную, ритмообразующую, интонационную, экспрессивно-стилистическую)»⁹⁹, поэтому без выяснения вопроса о роли и значении синтаксиса в формировании идиостиля¹⁰⁰ нельзя ни «установить конкретно-языковое – а следовательно, стилистическое – своеобразие отдельных писателей и целых литературных направлений, ни выяснить ту роль, которую соответствующие писатели и направления играли в общем процессе развития синтаксической системы данного языка»¹⁰¹.

В рамках опытов описания идиостилей писателей не выработана чёткая единая структура анализа. Чаще всего исследователи делают акцент на ярко выраженных особенностях творчества автора (как уже было отмечено, эти особенности обнаруживаются, как правило, на лексическом уровне). Однако существуют отдельные наблюдения, связанные с уровнем синтаксиса в творчестве тех или иных писателей или поэтов. Данные наблюдения носят несистемный характер, однако, безусловно, важны с точки зрения понимания категории идиостиля в целом и роли синтаксиса в творчестве писателя.

Так, Н. А. Кожевникова, размышляя об особенностях грамматики Андрея Белого¹⁰², приводит следующий ряд признаков его идиостиля:

1) с одной стороны, большое количество односоставных предложений, назывных и глагольных, а с другой — развернутые сложные предложения с

⁹⁸ Якобсон Р. Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге // Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С 84.

⁹⁹ Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. С. 3.

¹⁰⁰ Например, здесь можно отметить кандидатскую диссертацию И. Ю. Соиной «Синтаксис как компонент идиостиля (на материале произведений А. А. Фета и А. А. Блока)» (Харьков, 1996), в которой рассматриваются синтаксические особенности поэзии указанных авторов.

¹⁰¹ Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики. Л.: Просвещение, 1967. С. 7.

¹⁰² Подробнее см.: Кожевникова Н. А. Андрей Белый // Очерки истории языка русской поэзии. Опыт описания идиостилей. М.: Наследие, 1995. С. 7-99.

сочинением и однородным подчинением, которые могут составлять несколько строф;

2) номинативные предложения экспозиционного характера, указывающие на время или место развития действия, которые часто встречаются в начале стихотворений;

3) членение (парцеллирование) предложений с однородными сказуемыми;

4) активность повторяющихся союзов в начале строки;

5) варьирующееся графическое оформление (стихотворения-«лесенки», стихотворения, в которых каждое новое слово пишется на отдельной строке);

6) необычные знаки препинания (двоеточие между подлежащим и сказуемым, тире между однородными членами);

7) важную роль играют бессоюзные предложения (служат для установления непрямолинейных ассоциативных связей, которые иногда могут нарушать логику).

В. Н. Виноградова, анализируя синтаксис произведений Игоря Северянина¹⁰³, выявляет такие характерные особенности:

1) стилизованный диалог при помощи синтаксических конструкций;

2) разговорные эллиптические конструкции;

3) разговорные синтаксические конструкции (повторения, уточнения, восклицания, риторические вопросы), а также эмоциональные перебивы и вставки;

4) глаголы в повелительном наклонении, использующиеся в восклицательных предложениях;

5) частые номинативные и определенно-личные предложения;

6) деформация сочетаемости — появление дополнительного управления («души, расцветавшие мне под покровом ночной темноты»);

7) изменение фразеологически связанной сочетаемости («Всегда я подвержен надежде»);

¹⁰³ Виноградова В. Н. Игорь Северянин // Очерки истории языка русской поэзии. Опыт описания идиостилей. М.: Наследие, 1995. С. 100-131.

8) инверсия.

В рамках современных исследований многие авторы упоминают о важности синтаксического уровня языка в анализе идиостиля, как у отечественных, так и у зарубежных писателей (например, И. Ю. Размашкин «Кинематографичность идиостиля Ю. Н. Тынянова: композиционно-синтаксический аспект»¹⁰⁴; Е. Фоменко «Лингвотипологическое в идиостиле Джеймса Джойса»¹⁰⁵, Т. В. Латкина «Оценочность в идиостиле Ивана Алексеевича Бунина»¹⁰⁶, Ю. А. Ахмедова «Идиостиль сонетов И.-Северянина из цикла «Медальоны»¹⁰⁷ и т. п.), что позволяет признать поставленную нами проблему важной и заслуживающей пристального внимания, тем более что в подавляющем большинстве работ, посвященных индивидуальному слогу писателя, в центре внимания исследователей оказывается лексический уровень текста.

1.3. Из истории изучения языка и стиля лирики П. А. Вяземского

Петр Андреевич Вяземский был свидетелем и участником споров о языке между сторонниками «старого» и «нового» слога, где поддерживал представителей «нового языка», карамзинистов. Вместе с тем он отыскивал, как он сам говорил, «в себе собственное, коренное, родовое; ничего не перенимал, никому раболепно не следовал»¹⁰⁸. Немаловажно и то, что для издания своего собрания сочинений поэт переработал многие стихотворные и прозаические произведения. Вяземский беспокоился о судьбе русского литературного языка в современной ему России и стремился не допустить излишних нарушений устоявшихся норм, направляя свое сатирическое перо и на новейших писателей. Он «соединял в своих поэтических и прозаических произведениях

¹⁰⁴ Размашкин И. Ю. Кинематографичность идиостиля Ю. Н. Тынянова : Композиционно-синтаксический аспект : Дисс. канд. филол. наук : 10.02.01. СПб., 2001. 198 с.

¹⁰⁵ Фоменко Е. Г. Лингвотипологическое в идиостиле Джеймса Джойса : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.04 / Белгород. гос. ун-т. Запорожье, 2006. 445 с.

¹⁰⁶ Латкина Т. В. Оценочность в идиостиле Ивана Алексеевича Бунина: дисс. канд. филолог. наук : 10.02.01 / Т. В. Латкина. Волгоград, 2006. 19 с.

¹⁰⁷ Ахмедова Ю. А. «Идиостиль сонетов И.-Северянина из цикла «Медальоны» : дисс. канд. филолог. наук : 10.02.01 / Челябинск, 2008. 189 с.

¹⁰⁸ Вяземский П. А. Из "Автобиографического введения" / Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2. Литературно-критические статьи. С. 314.

философичность, аналитизм и тонкий юмор, сатиру, высокую архаику, книжный усложненный синтаксис и простонародные словечки, разговорные интонации устной дружеской беседы, намеренно сталкивал разные функциональные речевые сферы, прибегал к стилистическим сбоям, таким образом демократизируя литературный язык с опорой на его лучшие традиции»¹⁰⁹. Всё это отражалось не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне его поэтического языка.

Поэт с детства рос окруженный известными в литературном мире людьми, что во многом сформировало его личность и предопределило его дальнейшую судьбу. Как отмечает Н. В. Цветкова, «на протяжении всей жизни Вяземский осознает свою принадлежность к «арзамасскому братству», трагически, особенно после смерти Пушкина, воспринимая то направление, по которому развивается русская литература»¹¹⁰.

М. И. Гиллельсон отмечает, что истоки поэтической индивидуальности Вяземского «коренятся в литературе XVIII века, и в первую очередь в том ее направлении, которое непосредственно связано с именем Вольтера, с культурой разума»¹¹¹. О. И. Митрофанова упоминает, что «успех П. А. Вяземскому как поэту принесли язвительные эпиграммы - жанр, особенно популярный во Франции в XVIII веке»¹¹², создав ему репутацию язвительного поэта, у которого хотел учиться сам Пушкин: «Будь мне наставником в насмешливой науке...»¹¹³. Примечательно, что во Франции также знали о поэте: в 1827 г. издание *Revue Encyclopédique* дало следующую оценку поэзии П. А. Вяземского: «произведения Вяземского носят отпечаток живого и просвещенного ума; его стиль отмечен

¹⁰⁹ Патроева Н. В. Языковая личность, языковая рефлексия, языковая игра (размышления над страницами "Записных книжек" П. А. Вяземского) // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11, вып. 1 (46/47). С. 394.

¹¹⁰ Цветкова Н.В. А.С. Пушкин и П.А. Вяземский : диалог критиков, поэтов и друзей // Псков. 2002. № 16.С. 93-97. URL: http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/PSKOV/ps16/ps_16_11.pdf

¹¹¹ Гиллельсон М. И. Петр Андреевич Вяземский / Сочинения: В 2-х т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 60.

¹¹² Митрофанова О. И. Базовые концепты русской ментальности в поэтическом языке П. А. Вяземского: дисс. канд. филолог. наук : 10.02.01. Казань, 2006. С. 29.

¹¹³ Пушкин А. С. Вяземскому ("Язвительный поэт, остряк замысловатый..."). // А. С. Пушкин. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 1. Стихотворения 1814-1822. С. 497.

вдохновением, сжатостью, яркою самобытностью; его поэзия исполнена идей и острот, блестящих изобретательностью и доставляющих наслаждение»¹¹⁴.

По замечанию Л. Я. Гинзбург, поэзия начала XIX века показывает, «какого высокого совершенства может достичь словесное искусство, всецело основанное на традиции, но и о том, как насущна и неизбежна потребность освобождения от канонов ради новых художественных постижений мира»¹¹⁵. К двадцатым годам Вяземский сумел проявить себя во множестве жанров: эпиграммы, басни, нозли, послания, памфлеты, полемические стихотворения¹¹⁶. Но мироощущение раннего Вяземского можно определить как «мироощущение человека рационалистического склада, впитавшего и продуцировавшего в гораздо большей мере либерально-просветительские идеи, чем религиозно-церковные»¹¹⁷. Индивидуальность и «культ разума» Вяземский сумел пронести через всё свое творчество; вместе с тем нельзя утверждать, что поэт был сухим логиком и формалистом, поскольку даже «упростить Вяземского, сведя его к Вяземскому-сатирику или «позднему» Вяземскому-философу — значит, обеднить большого и сложного поэта»¹¹⁸.

Вяземский обращал значительное внимание не только на содержание своих стихотворных произведений, но и на ту форму, в которой это содержание передавалось. Ю. М. Лотман отмечает, что «Вяземский отстаивал свое право на орфографические ошибки как на выражение своей личности в тексте»¹¹⁹. Однако поэт при этом не терпел неточностей – в частности, в стихотворении «Крохоборам» поэт нелестно и довольно болезненно отзывался о критиках:

¹¹⁴ Дурьлина С. Н. «П. А. Вяземский и „Revue Encyclopédique"» [Электронный ресурс]. / С. Н. Дурьлина / П. А. Вяземский и Франция. — С. 89-108. Режим доступа: http://www.old.imli.ru/litnasledstvo/Tom 31-32/2_vol31-32_П.А.Вяземский.pdf

¹¹⁵ Гинзбург Л. Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. С. 21.

¹¹⁶ Подробнее см.: Гапоненко П. А. Поэтическая индивидуальность П. А. Вяземского: от «Первого снега» к «Зимним карикатурам» // Литература в школе. 2002. № 1. С.21-25.

¹¹⁷ Прохорова И. Е. Христианство в творческом сознании П. А. Вяземского 1810-х годов. // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2005. Вып. 7. С. 131.

¹¹⁸ Бондаренко В. В. Вяземский. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 89.

¹¹⁹ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 1996. С. 80.

Сорвавшейся с пера ошибкою моею

Живёте, скромники, вы несколько уж лет [с. 166]¹²⁰

Здесь отражается допущенная в свое время Вяземским ошибка при переводе слова relief (вместо «крохи» поэт перевел данное слово как «барельеф»), на которую позднее обратили внимание П. А. Катенин и Ф. В. Булгарин.

Для идиостилия П. А. Вяземского, поэта логики мысли, весьма важным было использование в поэзии всего богатства языка, его лексических запасов и грамматических форм. М. И. Гиллельсон, называя Вяземского поэтом мысли, отмечает, что «ради мысли и ее оттенков он готов жертвовать гармонией и гладкостью стиха, ради точности и афористичности мысли готов утяжелить стих»¹²¹. При этом очень часто Вяземский использовал для выражения своих мыслей такую стихотворную форму как alexandrianский стих. В одноименном стихотворении «Александрийский стих» он пишет:

Я, признаюсь, люблю мой стих alexandrianский,

Ложится хорошо в него язык российский. [с. 306]

Как отмечает О. И. Митрофанова, «поэт остался верен себе»¹²², несмотря на то, что со временем поэтов, писавших alexandrianским стихом, не осталось. До конца жизни Вяземский часто использовал в своих стихотворениях именно этот размер.

Вяземский интересовался не только литературными, но и языковыми проблемами: «его внимание всегда было приковано к стихии устной речи: каламбуры, языковые курьезы, бытовое остроловие для поэта были не менее эстетически ценны и функционально значимы, чем книжный слог»¹²³. Сам Вяземский писал: «Наш язык, как земля наша, богат сырыми материалами, как и вообще русская почва. <...> Язык наш богат в некоторых отношениях, но в других

¹²⁰ Здесь и далее стихотворные тексты П. А. Вяземского цитируются по изданию: Вяземский П. А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1986 (с указанием страницы в квадратных скобках). Тексты стихотворений даны курсивом.

¹²¹ Гиллельсон М. И. Петр Андреевич Вяземский / Сочинения: В 2-х т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 60.

¹²² Митрофанова О. И. Своеобразие идиостилия П. А. Вяземского. / О. И. Митрофанова // Вестник ВГУ. Сер. Филология, журналистика. Волгоград, 2007. №2. С. 78.

¹²³ Митрофанова О. И. Базовые концепты русской ментальности в поэтическом языке П. А. Вяземского: дисс. канд. филолог. наук : 10.02.01. Казань, 2006. С. 41.

он очень беден. Наш язык не имеет микроскопических свойств»¹²⁴. Ю. М. Лотман, называвший Вяземского «аутсайдером пушкинской эпохи», в одноименной статье отмечал, что Вяземский был способен сочетать «свой» и «чужой» языки, и «переход через границы своего языка в пространство языка чужого»¹²⁵ был одним из важнейших средств выражения эмоционального накала. Особо следует отметить важность не только собственно поэтического, но и критического наследия П. А. Вяземского; как отмечает К. С. Позднякова, именно в последние годы «изучение личности Вяземского-критика получило новый виток в своем развитии»¹²⁶.

Мало кто из поэтов был способен уйти от своего «начала» так далеко, как это сделал Вяземский. И. М. Семенко отмечает, что новая проблематика и образность стихотворных произведений Вяземского «свидетельствуют, что «пушкинская пора» в лирике осталась позади не только хронологически»¹²⁷. А выход за пределы данной поры подчеркивает ее художественное своеобразие и особую проблематику.

Последние годы Вяземского достаточно противоречиво освещаются исследователями; В. И. Коровин называет позднюю сатиру Вяземского «старческим брюзжанием», а долголетие поэта — «тяжелым бременем»; Л. Я. Гинзбург полагает, что «с начала 50-х годов Вяземский, в сущности, сходит со сцены»¹²⁸. И. М. Семенко, напротив, отмечает, что, хотя Вяземский на склоне лет казался себе самому лишь обломком прошлых поколений, «его поздние стихи заслуживают внимания <...> как несомненные удачи»¹²⁹.

Анализируя поэтический синтаксис, важно верно выбрать объект исследования, ведь именно в поэзии «семантика синтаксической формы

¹²⁴ Вяземский, П. А. Записные книжки. М.: Русская книга, 1992. С. 315.

¹²⁵ Лотман Ю. М. Аутсайдер пушкинской эпохи/ Ю. М. Лотман // Новое лит. обозрение. 1994. № 7. С. 104-108.

¹²⁶ Позднякова К. С. П. А. Вяземский – критик: к истории вопроса // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. №3, 2009. С. 147.

¹²⁷ Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М.: Художественная литература, 1970. С. 153.

¹²⁸ Гинзбург Л. Я. Вяземский // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л., 1941—1956. Т. VI. Литература 1820—1830-х годов. 1953. С. 390—399.

¹²⁹ Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. С. 153.

приобретает поэтическую функцию, отражающую мировоззрение поэта»¹³⁰. В нашем исследовании мы обращали внимание на самые разные типы синтаксических структур, рассматривая их на материале всего стихотворного творчества П. А. Вяземского комплексно – с точки зрения их построения, выражаемых ими грамматических отношений, эстетических функций.

¹³⁰ Ковтунова И. И. Синтаксис поэтического текста. // Поэтическая грамматика. Том 1. М.: Азбуковник, 2005. С. 241.

Глава 2. Анализ синтаксических конструкций в поэзии П. А. Вяземского

Для сопоставительного анализа, помимо творчества П. А. Вяземского, нами был привлечен материал из творчества других поэтов XVIII-XIX вв. Полученные статистические данные отражены в соответствующих таблицах, в частности, в таблице 1 Приложения А представлена общая сравнительная характеристика предложений в русской поэзии от Ломоносова до Пушкина и Лермонтова.

Общая характеристика предложений, используемых Вяземским в стихотворных произведениях, представлена в таблице 2 Приложения А. Всего анализу было подвергнуто 310 стихотворений, написанных на протяжении с 1808 по 1877 год. Произведения поэта были разделены на две соотносимые друг с другом части. К первому периоду творчества Вяземского мы относим стихотворения, созданные с 1808 по 1830 год: в 1808 году появляются первые его лирические произведения, а 1830 год становится для Вяземского во многом переломным — он поступает на государственную службу и резко меняет свои стихотворческие пристрастия. Ко второму периоду мы относим стихотворения, созданные после 1830 года. Помимо социальных, общественных и личных событий, на Вяземского повлияла смерть Пушкина; ряд стихотворений, написанных в конце тридцатых — начале сороковых годов, проникнут печалью и грустью. Как отмечает Г. Ю. Букина, «в поздней лирике Вяземского звучат признания в бесконечной усталости, мотив ожидания смерти, желание вернуться в прошлое»¹³¹. По сути дела, во второй половине XIX века Вяземский осознавал, что он оторван от своего поколения, а идеалы современности ему чужды — и это не могло не отразиться на синтаксисе его лирических произведений.

Если сравнивать соотношение видов предложений между периодами, то с опорой на данные из приведенной таблицы можно заметить, что во втором периоде лирика поэта становится синтаксически более нагруженной — увеличивается процент многокомпонентных сложных предложений, а количество

¹³¹ Букина Г. Ю. Онтологические мотивы в поздней лирике П. А. Вяземского // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». № 5 / 2011. С. 123.

простых предложений уменьшается. Связать это можно с отходом Вяземского от простых стихотворных жанров и большей эмоциональной, философской нагруженностью поздних стихотворений, а также с большим их объемом.

2.1. Двусоставные предложения

2.1.1. Подлежащее

Методом сплошной выборки в творчестве Вяземского была выявлена 5361 основа предложений, каждая из которых состоит из материально выраженной пары «подлежащее»+«сказуемое», и проанализировано 5675 подлежащих и 6012 сказуемых (с учетом однородных членов). Способы выражения подлежащих отражает таблица 3 Приложения А.

1. Существительное

Подлежащие-существительные, представленные в лирике Вяземского, разнообразны по своей природе. Их число остается неизменным, если сравнить раннее и позднее творчество поэта. Выполнение полноценного разбора существительных в позиции подлежащего по лексико-семантическим группам видится нам чрезвычайно сложным и трудоемким (анализ более чем трех тысяч существительных с точки зрения их отнесения к той или иной лексико-семантической группе представлял бы собой отдельную исследовательскую работу), однако можно сделать отдельные частные выводы, связанные с лексико-грамматическими разрядами таких существительных.

1) В ранней поэзии Вяземского конкретные и абстрактные существительные находятся в пропорции 75% к 25%. В позднем творчестве число конкретных существительных сокращается, а абстрактных — возрастает (60% и 40% соответственно), что подтверждает тезис о большей философичности поздней поэзии Вяземского, поскольку именно отвлеченные существительные активно используются в лирическом творчестве «для отражения духовного мира лирического героя, обозначения возвышенных нравственных и эстетических категорий»¹³².

¹³² Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Высшая школа, 1997. С. 355.

2) В поэзии Вяземского присутствуют случаи перехода отвлеченных нарицательных существительных в имена собственные, в чем, очевидно, сказывается влияние возглавлявшего русскую романтическую «школу гармонической точности» В. А. Жуковского:

*<...> дождь, гроза, растрепанна **Печаль***

По сцене бегают и водит за собою

*Свояка **Голода** с сестрицею **Чумою**. [с. 55]*

*В колодезь **Истина** засела,*

***Веселость** в погреб убралась. [с. 102]*

3) В позднем творчестве Вяземского встречается большое число абстрактных существительных, мотивированных прилагательными и глаголами:

И в ободренье обещают,

*Что будет **продолженье** впредь. [с. 412]*

*Присущны здесь и **таинство** живое,*

*И стройного **могущества** закон. [с. 371]*

*К вам темное меня **предчувствие** стремил... [с. 182]*

4) В раннем творчестве активность подлежащих – имен собственных выше, нежели в позднем — это объясняется жанром ранних стихотворений поэта (эпиграммы на конкретного адресата и стихотворения-посвящения):

*Но слезы превратил в забаву **Шутовской**... [с. 89]*

*Когда беседчикам **Державин** пред концом*

Жилища своего не завещал в наследство... [с. 103]

5) В позиции подлежащего у Вяземского часто встречаются pluralia tantum со значением «отрезки времени», «обряды», «праздники» — приметы поэтического хронотопа, нередко вовлекаемые в процесс метафоризации:

Брожу задумчиво, и с сумраком полей

*Сольются **сумерки** немой мечты моей. [с. 288]*

*Могил молчанье и **потемки** -*

Вот след непрочных наших дней. [с. 386]

***Поминки** по самом себе. [с. 403]*

И будни вслед за праздником... [с. 192]

И похороны всем - последствие крестин. [с. 414]

Эти существительные встречаются не только в позиции подлежащего, но и в роли второстепенных членов предложения:

Когда ж в каникулы зимы

Горит у нас мороз трескучий... [с. 213]

Как на руке, над ними мучась сутки <...> [с. 165]

День именин твоих днем будет горьких слез. [с. 218]

б) Отдельное наблюдение касается образования формы множественного числа от существительного «мрак» — «мраки». Форма «мраки», отсутствующая в современном русском языке, обнаруживается в «Словаре русского языка XVIII века»¹³³:

Но на лоно земли сон и мраки сошли... [с. 294]

Но по небу ходят мраки

Над напуганной землей. [с. 382]

Это слово встречается Вяземского во множественном числе не только в позиции подлежащего, но и в функции второстепенных членов предложения:

И нырнет во мраки ада... [с. 309]

Опустят в мраки подземелья... [с. 413]

Средь тяжких дум, средь грозных мраков... [с. 377]

2. Местоимение

В поэтических текстах можно «выделить целый ряд особенностей семантики и функционирования местоимений»¹³⁴. Список используемых Вяземским местоимений велик (как количественно — местоимения выступают в роли подлежащих в 2156 контекстах — более чем в трети случаях, так и качественно — он включает в себя 31 наименование местоимений). Мир стихотворений Вяземского — во многом безымянный мир (Т. И. Сильман

¹³³ Мрак // Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984—... Вып. 13. Молдавский—Напрокудить. С. 55.

¹³⁴ Азарова Н. М. Язык философии и язык поэзии – движение навстречу. М.: Логос / Гнозис, 2010. С. 117

замечает, что «безымянность заложена в самой природе лирического жанра»¹³⁵), в котором местоимения играют не последнюю роль.

Из семи наиболее часто встречающихся местоимений шесть — личные («я» - 646 употреблений, «он» — 459, «ты» — 335, «мы» — 125, «вы» — 93, «она» — 77), что подтверждает тот тезис, что именно «личные местоимения в поэтическом тексте могут получать ту или иную дополнительную окраску»¹³⁶. Поскольку лирика представляет собой особую форму коммуникации, то с помощью личных местоимений в поэзии выполняется номинация лирического субъекта и адресата, а также третьих лиц, о которых идет речь в стихотворении. За местоимением в лирическом тексте стоит «категория не только грамматического, но и поэтического лица», что превращает его в «первоэлемент поэтической личности»¹³⁷.

Основополагающая роль в поэзии Вяземского (равно как и в целом в лирической поэзии) принадлежит местоимению «я». Герой стихотворного произведения «непосредственно выражает себя через местоимения 1-го лица единственного числа»¹³⁸, что указывает на особую роль этого местоимения в лирических произведениях и подтверждается в том числе и количественными показателями (местоимение «я» составляет 30% от всего количества местоимений).

Обратимся к классификации местоимения я, разработанной О. П. Мурашевой¹³⁹, которая предлагает выделять следующие его разновидности:

1. «Собственное Я»:
 - «личностное Я»;
 - «функциональное Я»;
 - «сопоставительное Я».

¹³⁵ Сильман Т. И. Синтаксико-стилистические особенности местоимений // Вопросы языкознания. 1970. №4. С. 81-92.

¹³⁶ Патроева Н. В. Функции и семантика личных местоимений в лирике Е. А. Баратынского // Русская словесность, №6. М., 1998. С. 10.

¹³⁷ Лотман Ю.М. Заметки по поэтике Тютчева // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПБ, 1996. С. 553-564.

¹³⁸ Мурашева О. П. Семантика и функции местоимений в поэтическом тексте. // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 1-2 (38-39). С. 14

¹³⁹ Там же.

2. «Чужое Я»:

- «Я лирического персонажа»
- «опредмеченное Я»;
- «Я олицетворенного персонажа».

Все эти разновидности лирического «Я» присутствуют в поэзии Вяземского:

1) «Личностное Я» — говорящий, воспринимающий жизнь в многообразии ее проявлений:

Я жить устал — я прозябать хочу. [с. 390]

Жизнь так противна мне, я так страдал и стражду... [с. 402]

2) «Функциональное Я», связанное с осмыслением автором собственной роли, значимости, собственного предназначения:

Не я ли искупил ценой страданий многих

Всё, чем пред промыслом я быть виновным мог? [с. 403]

Всё ждет, как щучьего веленья,

Чтоб словом грянул я одним... [с. 380]

В углу своем себе я господин... [с. 108]

3) «Сопоставительное Я» предусматривает, что автор «говорит» от лица некоего литературного персонажа или исторического лица, которое в чем-то похоже на лирического героя:

А всё же я плохой солдат. [с. 343]

Счастлив, кто меч, отчизне посвященный,

Подъял за прах родных, за дом царей,

За смерть в боях утраченных друзей;

И, роковым постигнутый ударом,

Он скажет, свой смыкая мутный взор:

«Москва! Я твой питомец с юных пор,

И смерть моя - тебе последним даром!» [с. 65]

4) «Я лирического персонажа» подразумевает наличие рассказчика:

«Заброшен я в пыли, как старый календарь, <...>»

Сказал поденный враль... [с. 148]

Наш Неккер, запыхаясь,

Спасителю сквозь слез,

У ног его валяясь,

Молитву произнес: <...>

Склонись на просьбу нашу.

Рука твоя легка,

*А для тебя **я** кашу*

Начну варить пока.

***О** мастерстве моем уже здесь всякий сведал,*

Я кашу лучше всех варю,

И с той поры, как взят к царю,

***Я** только то и делал». [с. 67]*

***Я** не поэт, **я** дворянин. [с. 114]*

В последнем случае «Я лирического персонажа» (Свиньи́на, от лица которого идет повествование) пересекается с «сопоставительным Я».

Иногда Вяземский обращается к цитатам, что также позволяет проследить «Я лирического персонажа».

*И **я** бы мог сказать, хоть не с таким почетом:*

*«Из колыбели **я** уж вышел рифмоплетом». [с. 333]*

В данном контексте наблюдается отсылка к Вольтеру и его фразе: «Едва выйдя из колыбели, я лепетал стихи» [с. 333].

Более того, в некоторых случаях лирический герой Вяземского говорит от лица женщины:

*Быть может, я была бы рада
Вас к черту, ангел мой, прогнать... [с. 393]*

или даже от лица неодушевленного предмета:

*«По милости твоей я весь насквозь расколот —
Кирпич пенял гвоздю... [с. 159]*

5) «Я олицетворенного персонажа» подразумевает, что атрибуты персонифицируемого предмета, явления или животного представляются как состояние человека:

Я из берлоги вон ни пяди... [с. 255]

В данном контексте Вяземский отождествляет себя с медведем, который не желает покидать родное жилище-берлогу.

6) «Опредмеченное Я» — предельная степень «Я олицетворенного персонажа», отождествление с предметами и явлениями природы.

*Я кипарис угрюмый и унылый,
Воспитанный летами и грозой. [с. 253]*

Впрочем, следует заметить, что местоимения «Я» из группы «Чужое Я» единичны; как правило, «Я» Вяземского — это «Я собственное», воплощающее в себе всю глубину и силу личности поэта.

Остальные личные местоимения встречаются часто, выполняя свои функции. К примеру, местоимение «мы» может воплощать родовое сознание всех людей:

*Овечки милые! Как счастлив ваш удел
Недаром вашей **мы** завидуем судьбине... [с. 95]*

В то же самое время с помощью «мы» Вяземский в своем творчестве обозначает только выделяемую им группу лиц. Например, он пишет о своих лицейских друзьях:

*Будто **мы** не устарели —
Вьется локон вновь в кольце... [с. 243]*

Особо следует упомянуть о функции местоимений третьего лица в позиции подлежащего — с их помощью происходит «отдаление предмета речи, установление дистанции»¹⁴⁰ между поэтом и тем, на что он указывает:

Не будь он — мог бы я спокойно век дожить. [с. 125]

Однако в некоторых случаях поэт сравнивает себя с тем лицом, которое обозначает местоимением. Например, он пишет о Денисе Давыдове:

Но в лени я ему не уступлю

Как он, люблю беспечности забавы

Как он, досуг и тихий сон люблю. [с. 108]

Среди семи наиболее часто встречающихся местоимений единственным неличным является местоимение «кто» (81 случай словоупотребления). Его роль двойка — оно может использоваться в медитативных и риторических вопросах:

Кто разлучил соединенных

Душой, руками соплетенных? [с. 62]

Кто весь иссох из зависти к талантам? [с. 79]

Также «кто» встречается и в рамках сложноподчиненных предложений:

Достойней тот, кто всех нежнее... [с. 77]

Остальные местоимения встречаются в текстах Вяземского реже. Следует заметить, что исследователи, которые анализируют местоимения в поэтических текстах, как правило, сосредотачивают свое внимание именно на личных местоимениях, оставляя все иные варианты за пределами исследования, поскольку именно «личные местоимения играют важную роль как стилистические средства, придающие речи выразительные оттенки»¹⁴¹, а «в поэтической речи особенно заметна их экспрессивная окраска»¹⁴².

3. Синтаксически неделимое словосочетание

В рамках данного типа можно выделить несколько подгрупп:

¹⁴⁰ Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. С. 193.

¹⁴¹ Гармажапова Л. А. Личные местоимения русского языка в семантико-функциональном аспекте (в сопоставлении с бурятским языком). Дисс. канд. филол. наук: 10.02.01. Улан-Удэ, 2009. С. 96.

¹⁴² Гармажапова Л. А. Указ. соч. С. 96.

А) Словосочетание с числительным (числительные как таковые встречаются в поэзии Вяземского часто в силу его любви к точному выражению мысли, пусть даже и в рамках лирического произведения):

В вас две природы, в вас два спорят существа... [с. 168]

Владыке снилось семь коров... [с. 193]

При этом, как отмечает А. Б. Карасёв, «часто несобственные значения числительных встречаются в поэзии»¹⁴³. Подобного рода примеры с числительными в позиции подлежащего, употребленными в переносном смысле, можно обнаружить и в поэзии Вяземского:

За годом год торопится вослед,

И старику отсчитано сто лет. [с. 123]

Покажется декабрь - и тысяча обозов

Из пристаней степных пойдут за барышом [с. 216]

Поэм в стеклянном переплете

В его архивах миллион. [с. 321]

Мы можем наблюдать в некоторых из поэтических контекстов явные гиперболы; таким образом, числительное здесь играет символическую роль, демонстрируя собой не точное, а просто значительное количество элементов.

Б) Выделительные словосочетания:

Иной из них глядит картинно... [с. 84]

Из нас кто мог бы хладнокровно

Завидеть русское клеймо? [с. 340]

В) Словосочетание, называющее группу, множество, с предлогом «за»:

И только изредка чуть вздрогнет, чуть простонет

За зыбью зыбь, волна за сонною волной. [с. 357]

Скользят за мыслью мысль и год за дальним годом... [с. 361]

Г) Слово или целое высказывание, вводимое как цитата:

«День мой - век мой» — всегда моим девизом был... [с. 408]

¹⁴³ Карасёв А. Б. Значения числительных в английских и испанских идиомах. М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2007. С. 25.

В поэзии Вяземского в данной роли часто встречаются названия литературных произведений — преимущественно подобный прием характерен для его эпиграмм:

Когда при свисте кресл, партера и райка

Торжественно сошел со сцены твой «Коварный»... [с. 88]

«Вадим» твой был сожжен публично,

А публику студит холодный твой «Рослав». [с. 88]

Но «Полубарские затеи» -

Затеи полного глупца. [с. 88]

Большой редкостью для поэтического творчества Вяземского являются следующие способы выражения подлежащих:

4. Субстантивированное прилагательное

И там, где умный «выиграл ноги»... [с. 205]

5. Субстантивированное наречие:

Вчера, сегодня, завтра — звенья

Предвечной цепи бытия... [с. 227]

6. Инфинитивное подлежащее:

Жить смирно — значит жить умно. [с. 158]

Любить разлуку точно то же,

Что не любить своих друзей. [с. 196]

Таким образом, в поэзии Вяземского высока доля местоимений в роли подлежащего, причем как в количественном, так и в функциональном плане; местоимения, используемые в данной позиции, разнообразны. Наблюдается преобладание личных местоимений, объясняемое особенностями лирической поэтики в целом.

2.1.2. Сказуемое

Анализ сказуемых в поэзии Вяземского представлен в таблице 4 Приложения А.

1. Простое глагольное сказуемое

Простое глагольное сказуемое, преобладающее в поэзии Вяземского, может выражаться различными формами морфологических и синтаксических наклонений:

А) изъявительное наклонение:

*Я **призрел** всех, я всех **сберег**.* [с. 232]

В этом ряду встречаются конструкции с усилительным значением (повтор однокоренных слов осложняет простое глагольное сказуемое) и глагольными фразеологическими оборотами:

*Встречи ль **ждет** он **не дождется**...* [с. 250]

*И там, где умный **выиграл** ноги...* [с. 205]

Б) повелительное наклонение

***Спеши** в объятья их без страха...* [с. 74]

В) сослагательное наклонение:

Быть может, в их чреде светильник дарованья

***Потухнул бы** в тебе под гнетом воспитанья.* [с. 129]

Г) желательное наклонение:

*Если **б** наяву **сбылись** надежды сны!* [с. 182]

Д) условное наклонение:

*О, если **б** Бахус в наказанье*

*Мне шайку водопийц **отдал***

*Я всех **бы** их на покаянье*

*В порожний погреб **отослал**...* [с. 102]

2. Составное глагольное сказуемое

Количество составных глагольных сказуемых с фазисным глаголом невелико (лишь 29 конструкций), например:

И сдуру стал просить я службы. [с. 220]

Когда день начал убывать... [с. 369]

Составное глагольное сказуемое с модальным компонентом встречается в лирике Вяземского часто (244 случая): именно модальность является важной текстообразующей категорией лирических произведений, «связывает мир внешних явлений и внутренний мир человека»¹⁴⁴:

Здесь исповедью я хочу очистить душу... [с. 330]

Так дева робкая, пред юношей краснея,

Желает выразить и скрыть свою любовь. [с. 357]

Две группы модальностей в творчестве Вяземского можно назвать преобладающими; составные глагольные сказуемые указывают на:

А) возможность или невозможность:

Чем возбудить могу завистливую злость? [с. 222]

От сих лазутчиков, усердных и прилежных,

Невидимых всегда и всюду неизбежных,

Укрыться не могу... [с. 376]

Б) желательность и предпочтение:

Я жить устал — я прозябать хочу. [с. 390]

Покаюсь: я люблю с тобою рассуждать... [с. 187]

Редки в поэзии Вяземского сказуемые с модальностью долженствования, намерения и опасения, например:

Боюсь примерзнуть сиднем к месту... [с. 196]

3. Трехчленное (сложное) сказуемое

Следует заранее оговориться, что не все исследователи признают наличие трехчленного сложного сказуемого; мы, вслед за Н. С. Валгиной, относим к отдельной группе трехчленных сложных сказуемых синтаксические конструкции, которые образуются при помощи сочетания глагола (модального или фазового) со

¹⁴⁴ Романова Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе: Дис. доктора филол. наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 2004. С. 4.

связкой в инфинитиве и привязочным членом. В целом, случаи трехчленного сказуемого в поэзии Вяземского крайне редки:

И сыт желаю быть не взором. [с. 107]

Сознаться должен я, что наши хрестоматы... [с. 330]

Вас с Новым годом, с новым счастьем

Я не намерен поздравлять [с. 366]

Жандарм пугливыми глазами

Бурбоном рад признать меня. [с. 299]

Что волокита должен быть

Или подагрик, иль калека. [с. 171]

Предложения с отвлеченной связкой

Особо следует оговорить роль в поэзии П. А. Вяземского составных именных сказуемых с отвлеченной связкой. Составное именное сказуемое – одна из разновидностей сказуемого, характеризующаяся «раздельным выражением вещественного и грамматического значений»¹⁴⁵. Основной компонент в такой конструкции выражает вещественное значение, а грамматическое значение обеспечивается с помощью вспомогательного компонента – связки. И именно связка в качестве компонента-выразителя грамматического значения и ее роль в поэтическом творчестве привлекают наше внимание.

Очевидно, что понимание грамматической функции глагола-связки в рамках именного сказуемого может быть различным, что в своих работах отмечали многие филологи¹⁴⁶. Нами под отвлеченной связкой понимается глагол «быть», который не имеет собственного лексического значения «существовать, иметься», а выражает исключительно грамматическое значение. Основными формальными показателями такого глагола-связки «быть» для нас выступали модальное значение (форма наклонения), временное значение (форма времени),

¹⁴⁵ Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. 1976. М.: Высшая школа. С. 87.

¹⁴⁶ См. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. 1976., Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956., Русская грамматика. Т.2: Синтаксис. М.: Наука, 1980. Шведова Н. Ю. Еще раз о глаголе быть // Вопросы языкознания. 2001. №2. С. 3-13; Шатуновский И.Б. Семантическая структура предложения, «связка» и нерелевантные слова // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – с. 76–85; Гиро-Вебер М. О связке в русском языке // Предложение и слово. – Саратов, 1999. – с. 32-37.

зависимость между подлежащим и сказуемым (число и род для прошедшего времени; число и лицо для будущего времени).

В ходе работы было проанализировано 408 контекстов с отвлеченной связкой. Из них подавляющее большинство (379 примеров, 93%) относится к изъявительному наклонению, а контексты с сослагательным и повелительным наклонением составляют лишь 7% от общего числа.

Сослагательное наклонение представлено семью контекстами, шесть из которых включают в себя сочетание «был бы»:

И презрен был бы мной бессильный неприятель [с. 93]

Лишь один пример содержит в себе «была бы». Это один из редких случаев, когда лирический герой стихотворения Вяземского предстает в образе женщины (явление для творчества поэта нехарактерное):

Быть может, я была бы рада

Вас к черту, ангел мой, прогнать. [с. 393]

В случае с повелительным наклонением 21 контекст включает в себя форму связки «будь»:

Ты хочешь исправлять, но будь исправен сам. [с. 150]

И мысль о них во мгле мятежной

Звездой отрадной нашей будь! [с. 227]

Единичным случаем выступает связка «будьте»:

Но будьте искренны - нас искренность спасает [с. 274]

Выбор подобной формы связки здесь объясняется характером стихотворения – это своего рода завещание в стихах, которое Вяземский предлагал «на память обо мне, когда меня не будет». Соответственно, адресатами здесь выступают все читатели в целом, что и обуславливает множественное число формы связки.

В изъявительном наклонении отвлеченная связка представлена следующим образом: всего выявлено 379 контекстов; настоящее время обнаружено в 170 контекстах (44,9% от общего числа), прошедшее время – в 153 случаях (40,3%), будущее время – в 56 примерах (14,8%).

Настоящее время

Как отмечают исследователи, в русском литературном языке пушкинской эпохи материально выраженная связка в настоящем времени была «конструкцией, утратившей продуктивность и резко сокращавшей употребительность»¹⁴⁷, в то время как лирика Вяземского не в полной мере соответствует данному языковому стремлению, указывая на любовь поэта к «архаизаторским» грамматическим закономерностям. В современном русском языке в настоящем времени глагол-связка «быть» опускается согласно уже давно существующей узуальной традиции. Для поэзии Вяземского эта особенность характерна не в полной мере. Действительно, во многих формах именного сказуемого с отвлеченной связкой настоящего времени мы обнаруживаем контексты с тире на месте глагола-связки:

А глупость - счастья зерно? [с. 122]

Ему природа - мать родная [с. 413]

Однако встречаются и контексты с материально выраженной связкой «есть» (31 случай):

*Успех **есть** общая достоинств принадлежность* [с. 151]

*Порядок **есть** душа всего!* [с. 107]

Как показывает анализ, нельзя однозначно отнести использование материально выраженной связки в форме презенса к тому или иному периоду творчества Вяземского. Можно сделать вывод о том, что Вяземский, понимая тенденции изменения языка, сознательно допускал архаизацию в рамках данной формы отвлеченной связки, особенно в тех случаях, когда это диктовалось нормами версификации – это подтверждает вывод Н. А. Николиной о том, что грамматические архаизмы «употребляются в поэтической речи неравномерно»¹⁴⁸ и практически отсутствуют в текстах писателей XIX века. Отдельно следует отметить, что материально выраженная связка «суть», а также такие формы, как «есмы» и «еси», «бысть», «бых», в поэзии П. А. Вяземского отсутствуют, хотя, как отмечают исследователи, именно в поэзии «архаические явления сохраняются

¹⁴⁷ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке / под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1964. С. 23.

¹⁴⁸ Николина Н. А. Категория времени глагола // Поэтическая грамматика. Том I. М.: Азбуковник, 2005. С. 74.

дольше», что позволяет иногда встретить «давно ушедшие из живого употребления и стилистически отмеченные формы БЫТЬ»¹⁴⁹.

Прошедшее время

В поэзии Вяземского можно отметить преобладание формы мужского рода «был» (118 контекстов из 153, относящихся к прошедшему времени), которая может характеризовать:

1) субъект лирической ситуации:

*В литературе я **был** вольным казаком* [с. 330]

2) адресата стихотворения:

От сиротствующих пиров

*Ты **был** оторван смертью жадной!* [с. 74]

Вы прозябали,

*Вы **были** мертвы.* [с. 232]

3) некий третий субъект или объект:

*Он равнодушен **был** к ее загадкам темным* [с. 407]

Свет холодный, равнодушный

***Был** тобою пробужден* [с. 391]

Стихотворные контексты со связкой в иных родовых или числовых формах («была», «было», «были») встречаются реже (21, 7 и 7 раз соответственно):

О четырех колесах келья

*Душеспасительна **была*** [с. 196]

*Их днями ясными мои дни **были** ясны* [с. 149]

*Всё **было** приторно вблизи* [с. 355]

Преобладание форм мужского рода можно объяснить кругом знакомств поэта. Очевидно, что в кругу друзей Вяземского, которым он посвящал стихотворения, и врагов, которых он клеймил эпиграммами, преобладали мужчины, что и объясняет преобладание формы «был». В свою очередь, в

¹⁴⁹ Патроева Н. В. Зачины с экзистенциальным глаголом есть в русской поэзии XVIII-XX веков: опыт грамматического и функционально-семантического описания / Н. В. Патроева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 7 (128), вып. 1 (Т. 1). С. 72.

лирических стихотворениях именные сказуемые с отвлеченной связкой не столь частотны.

Будущее время

Будущее время в конструкциях с именным сказуемым с отвлеченной связкой выражается преимущественно глаголами третьего лица (40 контекстов):

*И **будет** вам луна сопутницей приятной!* [с. 53]

*Всегда ль судьбы к нам **будут** так преклонны?* [с. 153]

Формы первого и второго лица встречаются реже (6 и 8 раз соответственно):

И, оживя в воображенье

Часов протекших наслажденье,

*Обманом счастлив **буду** я!* [с. 62]

*В бессмыслице ж своей тогда **уверен** будешь...* [с. 124]

На уровне стихотворения делать однозначные выводы о роли и о функционировании отвлеченной связки довольно затруднительно. В одном из стихотворений («Когда? Когда?») поэт сознательно опускает связки в именных сказуемых будущего времени, чтобы не перегружать контекст грамматической тавтологией:

*Когда поэты **будут** скромны,*

При счастье глупость не горда,

Красавицы не вероломны

И дружба в бедствиях тверда? [с. 80]

В то же самое время в некоторых случаях (в частности, при однородных сказуемых) поэт сознательно повторяет связку. Возможно, это так же может быть объяснено стремлением к достижению правильного построения стиха:

*Казалось мне - я **был** здесь застрахован,*

***Был** огражден привычкой суеверной*

От треволнений жизни ненадежной

И от обид насмешиливой судьбы. [с. 338]

В ряде случаев перестановка слов в конструкции «подлежащее+именное сказуемое с отвлеченной связкой» затрудняет понимание стихотворения, вынуждая читателя вновь перечитывать строки:

*Рассеянность его **была** не беспредельной,*

*В ином **был** человек и он отменно дельный.* [с. 348]

Таким образом, в позиции сказуемого в подавляющем большинстве встречаются простые глагольные сказуемые и составные именные сказуемые с отвлеченной связкой. Вероятно, в поэзии Вяземского ярко проявляется тот синкретизм, который свойственен русскому глаголу БЫТЬ – синкретизм связочной и экзистенциальной функции, что позволяет поэту во вспомогательном слове подчеркнуть важный для него бытийный смысл, связь со временем, антитезу бытия и небытия, превратить «формальное в содержательное»¹⁵⁰.

Все остальные варианты сказуемого обнаруживаются в лирике Вяземского сравнительно редко. Преобладание сказуемых с модальной связкой над сказуемыми с фазисной связкой объясняется родовой спецификой лирических произведений, причем для позднего творчества Вяземского эта черта становится еще более характерной (119 примеров с модальной связкой и 7 с фазисной — контекстов с модальной связкой в 17 раз больше). В то же самое время можно говорить о преобладании двух видов модальности в рамках двусоставных полных предложений: возможности-невозможности и желательности.

2.2. Односоставные предложения

Актуальность анализа односоставных предложений в исследовании идиостиля писателя была отмечена в коллективной монографии «Очерки языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей»¹⁵¹, где выдвигается и обосновывается идея особой активизации односоставных и неполных предложений в лирике конца XIX — начала XX столетия. В нашей работе ставится цель продолжения этой исследовательской традиции на материале

¹⁵⁰ Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: лингвистический аспект. Л.: Издательство ЛГУ, 1989. С. 208.

¹⁵¹ Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыты описания идиостилей / Институт русского языка РАН; Отв. ред. В.П. Григорьев. М.: Наука, 1995. 558 с.

предшествующего периода, что позволит в дальнейшем прийти к важным обобщениям относительно стилистической динамики и развития традиции использования односоставных структур в русской стихотворной речи в направлении от «золотого века» к «серебряному».

В 310 стихотворениях Вяземского было выявлено 678 односоставных конструкций (в среднем 2,2 односоставных конструкции на стихотворение). При этом простых односоставных предложений в поэзии Вяземского 136 (0,4 односоставных конструкции на стихотворение). Частотность употребления односоставных конструкций представлена в таблице 8 Приложения А.

2.2.1. Определенно-личные конструкции

Главный компонент данных конструкций выражается преимущественно в форме первого лица единственного числа, что объясняется отнесенностью описываемой в стихотворении ситуации прежде всего к лирическому «Я». Однако даже в данном случае сообщение, формально направленное самому себе говорящим, «втягивает в текст в качестве его внутреннего адресата одного из внешних адресатов»¹⁵² — то есть читателя. Более того, М. М. Бахтин предлагает видеть в таких конструкциях еще и некоего третьего, высшего наадресата, «справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени»¹⁵³.

Люблю вас, баденские тени... [с. 340]

Стремглав не рвусь к ступеням книжной лавки

И счастья жду в смиренном уголке... [с. 192]

68 конструкций из 279 (т.е. более четверти) включают в себя элементы отрицания описываемого в предложении явления:

Пусть генеральских эполетов не вижу на плечах твоих... [с. 74]

Также встречаются:

А) Случаи использования Вяземским второго лица единственного числа:

¹⁵² Кашкарова О. Н. Из стилистического арсенала ранней лирики А. А. Ахматовой // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2010, № 2. С. 50.

¹⁵³ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 305.

*Не увидишь, как проскачешь,
И не чувствуешь скачков...* [с. 257]

Форма 2-го лица обычно при этом создает впечатление «сопричастности» высказанному не только внутреннего субъекта стихотворения, но и потенциального читателя текста, что переводит подобные конструкции в сферу обобщенно-личных.

Обобщенно-личные односоставные предложения с максимально широкой референтной отнесенностью представляют собой обычно пословицы и поговорки, общие моральные сентенции, но такой очевидный случай обобщенности значения синтаксического лица в контекстах Вяземского единичен:

*Когда в тебе есть совесть,
В чужие сани не садись.* [с. 112]

Здесь при этом можно наблюдать буквализацию фразеологического значения, создающую своеобразный каламбур – в сознании читателя «сани» могут восприниматься и как собственно материальный объект, и как знак определенной культурно-исторической принадлежности, маркирующий свое и чужое. При этом замена местоименного компонента «не свои» на прилагательное «чужие» способствует усилению коннотативного элемента значения и характеризует патриотический настрой лирического героя более ярко.

Б) Повелительное наклонение в определенно-личных конструкциях Вяземского представлено сравнительно часто:

Почий, счастливец, кротким сном! [с. 62]
*Вспомни прах Кремля, сей памятник свободы,
Вспомни славную в падении Москву!* [с. 102]

В) Встречается и первое лицо множественного числа глагола в индикативе:
Вотще возносим к небу руки... [с. 62]

В лирике Вяземского присутствуют особые случаи использования односоставных определенно-личных конструкций:

А) Один и тот же повторяющийся глагольный предикат, позволяющий «акцентировать внимание читателей на тех фрагментах текста, которые напрямую связаны с авторским подсознанием»¹⁵⁴:

*Едешь, едешь, едешь, едешь,
Дни и версты нипочем...* [с. 292]

В данном случае повтор глагола «ехать» значим с точки зрения авторского замысла: поэт хочет передать читателю собственное, авторское видение течения времени.

Б) Несколько односоставных частей сложной конструкции, соединенных многократным союзом «то..то»:

*То бродишь по лугам, то по лесу гуляешь,
То лирою своей Климену восхищаешь,
То быстро на коне несешься по полям,
Как шумный ветер пустынь; то ходишь по утрам
С собакой и ружьем — и с птицами воюешь;
То, сидя на холме, прелестный вид рисуешь!* [с. 53]

2.2.2. Неопределенно-личные конструкции

Как отмечает В. В. Виноградов, если при глаголах третьего лица «не обозначен производитель, они свободно относятся к неопределенному лицу, то есть они в этих случаях не указывают на определенного производителя действия, а предполагают множественную неопределенно-личную массу в качестве действующей среды»¹⁵⁵.

Преимущественно поэтом используется третье лицо множественного числа настоящего и будущего времени:

*Приключись хоть смерть дорогой*¹⁵⁶,
Умирай, а всё лети!

¹⁵⁴ Кретьова, Л. Н. Элементы идиолектной семантики в ранней лирике Н. А. Заболоцкого (на материале глагольной лексики) : дисс... кандидата филологических наук : 10.02.01. Новосибирск, 2003. С. 78.

¹⁵⁵ Виноградов В. В. Русский язык: (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. С. 461.

¹⁵⁶ Здесь следует отметить характерное еще для пушкинской эпохи и демонстрируемое в данной конструкции употребление императива не при местоименном подлежащем, а при субъекте – неодушевленном существительном.

Не дадут душе убогой

С покаяньем отойти. [с. 311]

Завтра, может быть, с постели

Понесут меня на стол. [с. 105]

Также в лирических произведениях Вяземского встречается множественное число прошедшего времени изъявительного наклонения (14 иллюстраций):

Чтоб более меня читали,

Я стану менее писать! [с. 79]

Пса утром отодрали. [с. 123]

Употребление подобных конструкций позволяет Вяземскому акцентировать внимание на глаголе-сказуемом, непосредственно на действии, а субъект действия отодвигается на задний план, вуалируется, что способствует формированию релевантной для лирики категории неопределенности, а также стилистического приема умолчания, придания поэтическому контексту флёра загадочности, таинственности или иронической коннотации; в некоторых случаях при помощи подобной односоставной конструкции подчеркивается незначительность личности агенса.

За ним, салфеткою спеленутую чинно,

Несут вдову Клико, согретую в руках. [с. 216]

Когда я приглашен к обеду,

Где с чванством голод за столом,

Или в ученую беседу,

Пускай везут меня шажком. [с. 139]

2.2.3. Инфинитивные конструкции

Как правило, инфинитивные конструкции, встречаемые в поэзии Вяземского, представляют собой придаточную часть сложноподчиненного предложения с союзом «чтоб» («чтобы»):

Дан меч ей, чтоб разить невинность без защиты,

Весы - чтоб точный вес червонцев узнавать. [с. 135]

Чтоб сплетни все и все напасти

Не брать мне на душу, как грех. [с. 380]

Однако возможны и другие единичные употребления с яркими модальными смыслами (возможности, невозможности, необходимости, предначертанности судьбой).

Детям будь она острасткой,

Но пугать ей не меня. [с. 309]

В моем сознанье проку мало:

В нём бодрых сил не почерпнуть... [с. 411]

Иногда используется сочетание «инфинитив-связка + имя»:

Пред алтарем души в смиренье клятву дал:

Тирану быть врагом и жертве верным другом. [с. 133]

Есть отреченье личной воли,

Чтоб быть винтом в паровике... [с. 360]

Также цепочка инфинитивных предложений выведена Вяземским в заглавие стихотворения («Любить. Молиться. Петь») и повторяется в первой строке стихотворения, напоминая некую «программу жизни» лирического Я:

Любить. Молиться. Петь. Святое назначенье

Души, тоскующей в изгнании своем. [с. 268]

Н. П. Пинежанинова отмечает, что инфинитивные конструкции «не просто фиксируют существенные элементы человеческого опыта, но и интерпретируют их как нечто существующее вне воли человека и закономерно вытекающее из самой логики происходящего»¹⁵⁷. Именно поэтому данный ряд инфинитивных предложений можно воспринимать как выдвигаемую автором и его лирическим «Я» своеобразную «программу жизни» - то, что должно и необходимо совершить. Подобный прием умножения инфинитивных рядов активизируется в русской поэзии только в XX столетии.

¹⁵⁷ Пинежанинова Н. П. Специфика русских инфинитивных предложений: семантика, прагматика, поэтика. // XXXIX Международная филологическая конференция. Вып. 22: Русский язык как иностранный и методика его преподавания: 60-летие преподавания РКИ в СПбГУ. 15–20 марта 2010 г., СПб., 2011. С. 51.

2.2.4. Безличные конструкции

Как отмечает А. В. Петров, «безличность является одним из наиболее ярких и уникальных явлений русского языка»¹⁵⁸. Вяземским активно используются отрицательно-генитивные безличные предложения (как с отрицательным словом, так и отрицательным местоимением или местоимением-наречием). Следует отметить, что количество безличных предложений в позднем творчестве Вяземского значительно выше. Это связано с тем, что поздняя поэзия Вяземского – во многом поэзия отрицания не удовлетворяющей автора действительности, далекой от идеалов поэтического содружества пушкинской поры. Г. Ю. Букина, отмечая важность онтологических мотивов для лирики Вяземского, упоминает, что в поздних стихотворениях поэта присутствует «подведение итогов прожитой жизни, размышления о Смерти, её ожидание»¹⁵⁹, что отразилось в том числе и в выборе соответствующих безличных конструкций.

Отрицание в стихотворениях Вяземского может быть различным. Могут отрицаться:

А) отдельные качества человека (в первую очередь, лирического героя либо того человека, к которому обращается поэт):

Чистосердечен ты, в тебе коварства нет. [с. 88]

Нет к ближнему любви, нет кротости в помине... [с. 403]

В душе усталой и недужной

Уж нет порывов, нет уж сил. [с. 355];

Б) элементы природы, окружающего мира:

Снег сверху бьет, снег прыщет снизу,

Нет воздуха, небес, земли... [с. 213]

Ни движенья нет, ни шуму

В этом царстве тишины. [с. 315];

¹⁵⁸ Петров А. В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка. Архангельск: Поморский университет, 2007. С. 268.

¹⁵⁹ Букина Г. Ю. Творчество П.А. Вяземского 1860 – 1870-х годов: проблемы мировосприятия и жанровое многообразие. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.: 10.01.01. М., 2012. 28 с.

В) подчеркивается небытие утраченных близких людей, их отсутствие в мире живых:

Час от часу на жизнь темней ложится мгла

На жизнь, где нет тебя... [с. 253]

Вещал глагол богов на севере угрюмом,

Что скорбь постигла нас, что Пушкина уж нет. [с. 261]

Уж многих наших нет, и лучших нет из братии. [с. 370];

Г) движение времени, старение мира и души:

Век золотой! Тебя уж нет в помине. [с. 223]

Но ничего уж завтрашнего нет. [с. 260].

Предельное отрицание — отрицание себя — встречается в одном из поздних стихотворений поэта:

Того, которого вы знали,

Того уж Вяземского нет. [с. 402]

Также в лирике встречаются случаи использования односоставных безличных конструкций со словами категории состояния в модальном или эмоционально-оценочном значениях:

Как будто стыдно поскудиться

И днем единым поживиться

Из жизни, отданной в расход. [с. 196]

Стыдно сесть в чужие сани

Коренному русаку... [с. 301]

Модальность односоставных безличных конструкций преимущественно можно определить как «потребность», «необходимость»:

И чувствами мне освежиться нужно... [с. 378]

В стихотворении «Надо помянуть, непременно надо» заданное в первой строке безличное предложение с предикативом «надо» повторяется в разных вариациях, что создает особый стилистический эффект — имитация канцелярского стиля протокольного текста (автор, очевидно, пародирует слог писателей-архаистов и противников Карамзина, входивших в «Беседу любителей

русского слова» и составлявших протоколы каждого из прошедших за дружеским столом заседаний):

Надо помянуть, непременно помянуть надо: <...>

Надо помянуть, помянуть надо, непременно надо: <...>

Надобно помянуть и тех, которые, например, между прочими: <...>

Надо помянуть: <...>

Надобно помянуть: <...> [с. 245]

Использует Вяземский и конструкции с личными глаголами в безличном употреблении:

Нет, нет, я не хочу, и вовсе мне не льстит,

Чтоб ... [с. 410]

Когда нас знойным полднем жгло. [с. 270]

2.2.5. Номинативные конструкции

Как отмечают исследователи, именно номинативным предложениям отводится «особая роль в актуализации авторского видения мира»¹⁶⁰. В качестве главного компонента в таких конструкциях используется именительный падеж существительного. В поэзии Вяземского, как правило, это описательные ряды, рассказывающие читателю об окружающей лирического героя обстановке, о природных явлениях, наблюдаемых в режиме «здесь» и «сейчас»:

Трубный глас, гром пушек, барабаны,

Кровавая война, сраженье, вопли, раны... [с. 55]

Бархат пестрых лугов,

Храмы, замки, беседки

И зеленые сетки

Виноградных садов. [с. 313]

Тихие равнины,

¹⁶⁰ Кочанова Е.Н. Актуализация семантики номинативных предложений в стихотворном тексте (на материале лирики М. Цветаевой) // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». № 1. 2009. С. 106.

Ель, ветла, береза,

Северной картины

Облачная даль. [с. 400]

Часто используются эмоционально-оценочные номинативные предложения:

Что за грозная картина,

Что за прелесть, что за страх! [с. 276]

Что за очи! за повадка!

Что за русая коса! [с. 257]

Встречаются указательные номинативные предложения с дейктическим значением:

Вот аббат в мантилье черной,

В нем минувший быт и век... [с. 315]

Вот курганы, вот загадки

Неразгаданных времен. [с. 292]

Н. А. Николина, отмечая интенсивность употребления многочленных номинативных рядов, организующих строфы текста, упоминает первую строфу стихотворения П. А. Вяземского «Палестина»:

Свод безоблачно синий

Иудейских небес,

Беспредельность пустыни,

Одиноких древес.

Пальмы, маслины скудной

Бесприютная тень,

Позолотою чудной

Ярко блестящий день. [с. 296]

Исследовательница отмечает, что это стихотворение является одним из первых «опытов использования именно номинативных предложений,

реализующих бытийное значение, как конструктивной основы композиционной части текста»¹⁶¹ в русской поэзии.

2.3. Неполные структуры

Неполные предложения в лирике Вяземского — нечастое явление. В творчестве поэта встречаются лишь 32 примера неполных предложений (на 310 стихотворений). Подавляющее большинство неполных конструкций проявляется в рамках одного сложного предложения.

Единственное исключение из этого правила — стихотворение «Хандра с проблесками»:

Как много в книге опечаток!

Как много непонятных мест! [с. 412]

Как правило, неполнота предложений в текстах Вяземского контекстуальная (23 примера), и пропущенный член предложения может быть восстановлен из предыдущей части сложной конструкции. Это может быть:

1) подлежащее

Из твердых тех зубов, которые имел,

Ты видишь — редкий уцелел... [с. 159]

2) сказуемое

И музы в наши дни страдают,

Как предки наши от татар. [с. 57]

Трус Марсом прослывет, Катоном — раб царя. [с. 125]

3) обстоятельство

Пишу наитием благим,

И всё не языком людским,

А самым уж библейским. [с. 69]

4) дополнение

Так надоел мне первый том,

¹⁶¹ Николина Н. А. Номинативные предложения в композиции поэтического текста // Поэтическая грамматика. Том II: Композиция текста. М.: Азбуковник, 2013. С. 40.

*Что мне зараней думать больно,
Что вновь засяду на втором.* [с. 412]

В одном из контекстов пропущено сразу два дополнения:

*Я трюфли запивал шампанским,
Бог даст, и буду запивать.* [с. 173]

Также в поэзии Вяземского можно обнаружить 9 контекстов с эллиптическими предложениями, например:

*Когда я приглашен к обеду,
Где с чванством голод за столом.* [с. 139]
Искусства не видать: искусство — в простоте... [с. 308]

В некоторых лирических произведениях на неполноте предложения выстраивается структура целой стихотворной строфы; отсутствие повторяющегося глагола позволяет при этом изменить, ускорить ритм стихотворения и «сблизить», в силу формальной элиминации предиката, субъект и объект ситуации:

*Графиня ждет от графа денег на дом,
На бале граф — жену до петухов,
Бедняк — давно обещанного места,
Купец — долгов, невеста - женихов,
Пилад — услуг от верного Ореста...* [с. 204]
*Невинности даю лилею,
Мак сонный — приторным мужьям,
Душистый ландыш полевой —
Друзьям смиренным Лизы бедной,
Нарцис несчастливый и бледный —
Красавцам, занятым собой.* [с. 112]

Поскольку для лирики Вяземского неполные предложения - скорее исключение, чем правило, то делать какие-то выводы об их количественном влиянии на идиостиль поэта затруднительно. Можно сказать, что именно минимальное присутствие таких конструкций является типичной чертой

синтаксического строя лирики поэта. Как отмечает А. Н. Гвоздев, неполные предложения широко используются «в стиле писателей, типизирующих живую, разговорную речь»¹⁶². Таким образом, минимальное число неполных предложений подтверждает удаленность поэзии Вяземского на уровне синтаксиса от простого, разговорного стиля. Вместе с тем в некоторых случаях именно неполнота предложений позволяет автору структурно выстроить стихотворение, сделав его более лаконичным и динамичным, а намеренный пропуск членов предложения привлекает большее читательское внимание и демократизирует книжно-поэтическую речь, сближая ее с разговорной.

2.4. Сложные предложения

После рассмотрения вопросов, связанных с особенностями построения и семантики простых предложений, обратимся к анализу сложных предложений из лирических произведений Петра Андреевича Вяземского.

2.4.1. Общий анализ

Всего нами было выявлено 1638 сложных предложений (в среднем 5,7 сложных конструкций на стихотворение). Вместе с тем средний показатель в 4-7 сложных предложений на стихотворение достаточно редок (всего 48 стихотворений); чаще всего сложных конструкций в стихотворениях либо меньше четырёх, либо больше семи. Это объясняется, с одной стороны, жанровой и тематической спецификой произведений Вяземского (небольшие стихотворения сатирического содержания или же, наоборот, большие по объему стихотворения-рассуждения), а с другой стороны – особенностями мировосприятия и психологии автора, неизбежно накладывающими отпечаток на ритмико-синтаксический строй его произведений.

Отдельно следует отметить те случаи, когда стихотворение целиком состоит из сложных предложений. К примеру, в этот список можно отнести сравнительно небольшие по объему стихотворения «Милонову», «Картузов — сенатор...», «На степени вельмож Сперанский был мне чужд...», «К итальянцу,

¹⁶² Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. С. 375.

возвращающемуся в отечество». В то же время, и более объемные произведения также могут компоноваться из сложных предложений. Стихотворение «Когда? Когда?» состоит из восьми строф, каждая из которых представляет собой сложное предложение с примыкающим к нему рефреном «Когда, когда?». В стихотворении «Стол и постеля» также сохраняется принцип «одна строфа — одно сложное предложение».

Если проводить параллели между синтаксисом лирики Вяземского и общеязыковыми тенденциями, связанными с углублением и расширением иерархии и средств выражения подчинительной связи в русском литературном языке XVIII-XIX вв., то нельзя не отметить тот факт, что у Вяземского гипотаксический тип связи преобладает над паратаксическим (хотя и незначительно, на 5%). Вместе с тем тенденции, связанные с демократизацией литературного языка на уровне синтаксиса (сокращение длины предложения, устранение тяжеловесных конструкций), не вполне нашли отражение в его творчестве. Обновление и демократизация языка у Вяземского заметны в первую очередь на лексическом и морфологическом уровне, в то время как синтаксис лирики поэта (особенно применительно к торжественным, декламационным произведениям) по-прежнему близок традициям классицистов.

Как будет показано далее, синтаксис Вяземского, в том числе и на уровне сложного предложения, весьма необычен: особые композиционные и интонационные черты, присущие его лирике, формируют тот уникальный и неповторимый стиль, которым написаны произведения поэта.

Количество частей в сложных конструкциях отражено в таблице 9 Приложения А. Хотя в творчестве Вяземского (как в первом, так и во втором периоде) преобладают двух- и трехчастные сложные предложения, встречаются и сложные конструкции, которые состоят из пяти и более частей. Такие предложения чаще всего используются не более чем единожды в том или ином стихотворении. Однако есть и исключения, к примеру, стихотворение «Станция» [с. 171], в котором присутствует восемь конструкций, состоящих более чем из пяти частей.

Стихотворения с такими многочастными конструкциями носят философский характер, наполнены разнообразными рассуждениями, наблюдениями и сравнительно велики по объему. Конструкции с большим количеством частей, вкуче с преобладающей в целом бессоюзной связью, создают значительные трудности для восприятия содержания стихотворений современным читателем в силу перегруженности стихотворения атрибутами и событиями-пропозициями. В качестве примера обратимся к пятнадцатичастному сложному предложению из стихотворения «Литературная исповедь»:

¹Здесь Петр Иванович Бобчинский с крестным братом,

²Который сам глупец, ³а смотрит меценатом;

⁴Не кончивший наук уездный ученик,

Какой-нибудь NN, оратор у заик;

⁵Другой вам наизусть всего Хвостова скажет,

⁶Граф Нулин никогда без книжки спать не ляжет

И не прочтет двух строк, ⁷чтоб тут же не заснуть;

⁸Известный краснобай: ⁹язык - живая ртуть,

¹⁰Но жаль, ¹¹что ум всегда на точке замерзанья;

¹²"Фрол Силич", календарь Острожского издания,

Весь мир ему архив и мумий кабинет;

¹³Событий нет ему свежей, как за сто лет,

¹⁴Не в тексте ум его ищите вы, а в ссылке;

¹⁵Минувшего циклоп, он с глазом на затылке. [с. 332]

Система взаимоотношений между частями предложений очень сложна - здесь присутствуют разные виды синтаксической связи. Помимо этого, стихотворение осложняется рядами однородных членов и обособленными оборотами, что ещё больше затрудняет восприятие и понимание смысла сказанного.

Традиция использования таких больших по объему синтаксических структур восходит ещё к М. В. Ломоносову, который «владел большими синтаксическими структурами в виде сложноподчиненных предложений с

большим числом параллельных придаточных»¹⁶³, будучи в свою очередь ориентированным на более ранние латино-немецкие образцы, и Г. Р. Державину (в частности, «Жизнь Званская» с длинной стихотворной фразой подобного типа, где к стиху «...и для прикрас моей светлицы» относятся семь строф подчиненных предложений¹⁶⁴).

В ходе анализа было обнаружено 3490 репрезентаций связи между частями сложных предложений (1783 случая в первом периоде и 1707 — во втором). Из них на сочинительную связь приходится 902 случая (25,85%), на подчинительную связь — 1061 пример (30,40%), на бессоюзную связь — 1527 употреблений (43,75%).

Таким образом, отчетливо выражается преобладание бессоюзной связи, что в целом является спецификой поэтической речи, её близостью к разговорной и внутренней, по особенностям синтаксической организации, тенденцией к недифференцированности грамматической семантики, однако «перевес» бессоюзия над гипотаксисом сравнительно невелик, если иметь в виду средние количественные показатели для поэзии в целом (см. Таблица 1 Приложения А). Вместе с тем и в ряде стихотворений Вяземского подобный «средний баланс» между типами связей не соблюдается. К примеру, стихотворения «К подушке Филлиды», «Ты требуешь стихов моих...», «К подруге» характеризуются преобладанием сложноподчиненных конструкций, что создаёт определенные противоречия между заявленной в стихотворениях темой любви и нарочитым рационализмом синтаксиса. Преобладание подчинительной связи наблюдается в стихотворениях-рассуждениях: чем сложнее и масштабнее тема повествования, чем оно «философичнее», тем выше процент гипотаксиса:

*Беда душе веселья ждать
И жаждать новых наслаждений,
Когда день начал убывать
И в землю смотрит жизни гений;*

¹⁶³ Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. Т.2. М.: Учпедгиз, 1954. С. 273.

¹⁶⁴ Булаховский Л. А. Указ. соч. С. 273.

*Когда уже в его руке
Светильник грустно догорает
И в увядающем венке
Остаток листьев опадает.
Вольтер был прав: несчастны мы,
Когда не в уровень с годами,
Когда в нас чувства и умы
Не одногодки с сединами. [с. 369]*

«Эпизодический отрывок из путешествия в стихах Вздыхалова», напротив, характеризуется сравнительно большой долей предложений с сочинительной связью (36%), что может объясняться изобразительно-описательным характером текста. Подобные случаи наблюдаются также в стихотворениях «Кибитка» [с. 214] и «Ухабы. Обозы» [с. 216] из цикла «Зимние карикатуры»:

*Неволя, духота и холод;
Нос зябнет, а в ногах тоска,
То подтолкнет тебя в бока,
То головой стучишь, как молот. [с. 214]
Кибитка-ладия шатается, ныряет:
То вглубь ударится со скользкой крутизны,
То дыбом на хребет замерзнувшей волны
Ее насильственно кидает. [с. 217]*

Также можно установить определенную взаимосвязь между монологическим и диалогическим характером текста: стихотворения монологического характера обладают более сложным построением, поскольку чаще всего выражают мысли самого Вяземского, здесь уместно говорить о многочастных конструкциях, с преобладанием бессоюзной или подчинительной связи. Диалогическая структура произведения чаще всего характеризуется большим процентом сочинительного типа связи. Однако есть и исключения, к примеру, эпиграмма на «Липецкие воды» А. А. Шаховского:

Каков ты? — Что-то всё не спится,

*Хоть пью лекарства по ночам.
 — Чтоб от бессонницы лечиться,
 Отправься к Липецким водам.
 — Каков ты? — Пламя потаенно
 Жжет кровь мою назло врачам.
 — Чтоб исцелиться совершенно,
 Отправься к Липецким водам [с. 88]*

Ответные реплики в данном диалоге построены одинаково, в форме двух сложноподчиненных предложений с придаточными цели. Главная часть в них одинакова, зависимая – варьируется.

Жёсткой зависимости между типами связи в сложном предложении и жанровой отнесенностью стихотворения не обнаружено; можно лишь отметить, что во многих стихотворениях-посвящениях (в их числе «К перу моему», «К Батюшкову», «Послание к Тургеневу», «К вдове С. Ф. Безобразовой») обнаруживается очень высокий процент сложноподчиненных предложений. Эпиграммы, напротив, построены чаще всего на бессоюзных предложениях (в первую очередь, в силу своей малообъемности).

2.4.2. Сочинительная связь

Характеристика сочинительной связи по типам союзов отражена в таблице 10 Приложения А. Преобладание у Вяземского соединительных союзов и наличие большого количества противительных союзов вполне типично для сложных предложений в русской речи; также иногда используются и присоединительные союзы с целью донесения до читателя дополнительных сведений, о которых шла речь в первой части предложения. Как отмечает М. Б. Голуб, «чистые» сложносочиненные предложения в книжных стилях сравнительно редки, так как не выражают всего многообразия причинно-следственных, условных, временных и других связей, возникающих между предикативными единицами»¹⁶⁵.

¹⁶⁵ Голуб И.Б. Грамматическая стилистика современного русского языка. М.: Высшая школа, 1989. С. 181.

По мнению исследователей русского синтаксиса XIX столетия, «вся семантическая структура сочинительной связи в сложном предложении аналогична структуре сочинения сложных предложений современного русского языка»¹⁶⁶, поскольку изменения в показателях сочинения (союзах) незначительны, а изменяются в значениях и употреблении лишь отдельные союзы (в частности, ряд средств с маркированными элементами остается на периферии грамматической системы — «только...но», «колько...только», «еще...еще», «паче же еще» и т.п.¹⁶⁷). Такие союзы в лирике Вяземского уже не встречаются, что является продолжением тенденций, намеченных еще в XVIII веке, по «осознанному отбору нейтральных по своей стилистической окраске связующих скреп, знаменующих становление среднего стиля»¹⁶⁸.

Нельзя не обратить внимание на то, что для сложных предложений Вяземского характерно наличие сочинительных союзов в начале сложного предложения, которые связывают эту конструкцию с предыдущей, например:

*И, может быть, сей сердца стон
Вотще по воздуху несется... [с. 62]*

*А вы, товарищи-друзья,
Явитесь мне хоть в сновиденье... [с. 63]*

*А там старик, прибредший на клюках
На хладный пепл родного пепелища,
Не узнает знакомого жилища... [с. 65]*

*А там еще стократ коварней покидают,
Когда вы, соблазнясь притворной лаской их,
Владычиц видите в них и богинь своих! [с. 71]*

*Но вот уж мрак сошел с полей
И вьюга с ночью удалилась... [с. 62]*

Здесь бурям и орлам одним испокон веку

¹⁶⁶ Стеценко А. Н., Холодов Н. Н. Об основных тенденциях и путях развития системы сочинения в русском языке (на материале сложного предложения) / А. Н. Стеценко, Н. Н. Холодов // Вопросы языкознания. 1980. №2. С. 99.

¹⁶⁷ Дмитрук Т. И. Средства связи в однофункциональных конструкциях простого предложения в литературном языке XVIII в.: автореф. дис.... канд. фил. наук. 10.02.01 / Т. И. Дмитрук. Петрозаводск, 2006. С. 12.

¹⁶⁸ Там же, с. 17.

Раздолье и простор! А ты будь домосед. [с. 395]

Но смертный на земле есть гость неугомонный,

Природы-матери он непослушный сын. [с. 395]

Как отмечает И. В. Бондаренко, подобное использование сочинительных союзов в начале предложения в целом «характерно для стиля художественной литературы, где оно служит средством логического развития повествования, связи и противопоставления отдельных суждений»¹⁶⁹. Такие конструкции в поэзии можно считать ещё «отголоском» стиля древнерусских памятников, в которых было «затруднительно определить, соединяет ли союз части сложного предложения или начинает простое предложение»¹⁷⁰, при этом начинательные союзы отличались по своему значению. Вяземский продолжает такую традицию паратактического «нанизывания» предложений друг на друга, тем самым создавая отношения сопоставления или, напротив, противопоставления с предыдущим предложением или с каким-либо предыдущим отрезком текста, но нужно отметить, что такая тенденция была присуща только раннему творчеству поэта, в то время как в поздних произведениях Вяземского мы таких конструкций почти не обнаруживаем.

Соединительные отношения

Отношения, выражаемые соединительными союзами, отражены в таблице 11 Приложения А. Среди соединительных союзов заметна активность выражающих соединительно-перечислительные отношения — так происходит по той причине, что чаще всего сочинительная связь используется Вяземским при комментировании тех или иных событий, происходящих одновременно:

Рассеялись пары, и засверкали горы,

И солнца шар вспылал на своде голубом. [с. 130]

¹⁶⁹ Бондаренко И. В. Функционирование сочинительных союзов на межфразовом уровне. Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 2. С. 21. С. 21—27.

¹⁷⁰ Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: КомКнига, 2007. С. 466.

Использование соединительных отношений позволяет подчеркнуть взаимосвязь событий (в первую очередь, через соединительно-результативные и причинно-следственные отношения):

*Исполнятся судьбы земные,
И мы не будем без дорог.* [с. 171]

Также с помощью соединительных союзов Вяземский рисует природу и окружающую действительность:

*Палацца залились потоком искр златых,
И храмов куполы, и кампанилы их,*

И мачты кораблей, и пестрые их флаги,

И ты, крылатый лев, когда-то царь отваги,

А ныне, утомясь по вековой борьбе,

Почивший гордым сном на каменном столбе. [с. 380]

Где дичь вкусней, и трюфли благовонней,

И пьяный Вакх плодит роскошный дол... [с. 140]

Разделительные отношения

Отношения, выражаемые разделительными союзами, отражены в таблице 12 Приложения А. Частотность употреблений разделительных союзов у Вяземского гораздо выше в сравнении с другими поэтическими идиостилиями, что говорит о пристрастии поэта к дизъюнктивному, альтернативному типу мышления. Примерами подобного рода альтернатив могут служить следующие контексты:

*Иль я игрок плохой, иль жизнь игра плохая,
Но всё я в дураках, внаклад себе играя,
То в картах синглетон, то на бильярде кикс.* [с. 376]
*Встают ли села предо мною,
Святыни скорби и труда,*

Или с роскошной ницетою

В глазах нестреют города! [с. 272]

Встречи ль ждет он не дождется

Иль покинутого жаль? [с. 251]

Почти четверть всех конструкций с разделительными союзами приходится на цикл стихотворений «Зимние карикатуры», где можно встретить целый ряд сложных предложений с разделительным повторяющимся союзом «то...то». Как отмечает Ф. И. Джаубаева, «тексты с повторением разделительных союзов ТО...ТО выражают отношения пояснения взаимоисключающих явлений или действий, чередование действий, явлений, признаков <...> способствуют соединению однородных или разнородных явлений»¹⁷¹.

Тут выскочит проказник леший,

Ему раздолье в кутерьме:

То огонек блеснет во тьме,

То перейдет дорогу пеший,

Там колокольчик где-то бряк,

Тут добрый человек аукнет,

То кто-нибудь в ворота стукнет,

То слышен лай дворных собак. [с. 215]

Данный пример как нельзя лучше иллюстрирует многообразие возможностей, которые открываются перед лирическим героем стихотворения — и такая выразительность достигается в том числе и при помощи разделительных союзов. С помощью таких внутренних повторов удастся добиться большей организованности стихотворения, соединить несколько смысловых блоков воедино.

Как отмечается в статье «Монтаж экспрессивного художественного текста средствами разделительной связи», разделительные союзы являются «удобным синтаксическим средством для выражения размышлений и раздумий по разным

¹⁷¹ Джаубаева Ф. И. Гармония поэтического текста А. С. Пушкина. Полисиндетон. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. С. 138.

поводам, когда субъект речи в чем-то сомневается и ищет истину»¹⁷². Поэзия Вяземского в полной мере соответствует высказанному: особенно часто в ней встречается союз «иль»:

*Смиренья ль чистого возвышенная страсть,
Иль безмятежный сон холодного бесстрастья?
Вы совершенней ли, иль хладнокровней нас? [с. 169]
Вы жизни выше ли, иль, как в избранный камень
От Пигмальноновой любви, равно и в вас
Ударить должен чистый пламень? [с. 169]
Иль в тяжбе с обществом и с силою в борьбе,
Страшась испытывать игру превратных долей,
Заране ищите убежища себе
В благоразумье и неволе? [с. 169]*

Противительные отношения

Отношения, выражаемые противительными союзами, отражены в таблице 13 Приложения А. В области противительных союзов преобладание сопоставительных и противительно-ограничительных отношений может объясняться стремлением Вяземского показать логичность и взаимосвязанность изображаемого. Также при помощи противительно-ограничительных отношений Вяземский показывает исключительность той или иной ситуации:

*Отечество спаслось Кутузова мечом
От мстительной вражды новейшего Батыя,
Но от твоих стихов, враждующих с умом,
Ах, не спаслась Россия! [с. 66]*

В некоторых случаях противительные союзы употребляются чаще, чем сочинительные; к примеру, в стихотворении «Спасителя рождением...», где по сюжету к родившемуся Спасителю по очереди приходят видные современники

¹⁷² Ананьева О. А., Бакалова З. Н. Монтаж экспрессивного художественного текста средствами разделительной связи. / Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 11, 4 (5), 2009. С. 1247.

Вяземского, в речи посетителей очень часто используются противительные конструкции с союзом «но»:

Бог весть, как с вами очутился,

Летел я к славе налегке,

Летел, летел с мечом в руке,

Но с Люцена я сбился! [с. 68]

Я знаю, — говорит, — сукно мое дрянное,

Но ты носи, любя меня. [с. 70]

Малютку рад учить всем лексиконам в мире,

Но математике никак. [с. 70]

И. Е. Прохорова отмечает, что в данном стихотворении «евангельская ситуация поклонения волхвов по правилам жанра обыграна в пародийном плане»¹⁷³. Такому «осмеянию» современников способствует в том числе и речь приходящих героев, в которой часты противительные конструкции.

Некоторые из противопоставлений, оформленных при помощи противительных союзов, были настолько необычными и в то же время интересными, что их надолго запомнили современники, и эти фразы перешли в разряд «крылатых». В частности, строка из стихотворения «К друзьям» («Успехов просит ум, а сердце счастья просит!») попала в анналы русской поэзии и, в частности, цитировалось К. Н. Батюшковым в своих письмах, в частности, в письме к самому Вяземскому: «Успехов просит ум, а сердце счастья просит. Но пусть ум просит великих успехов, а сердце — счастья... если не найдет его здесь, где все минутно, то не потеряет права найти его там. Где все вечно и постоянно»¹⁷⁴.

Другие разновидности сочинительных отношений

Присоединительные отношения в лирике Вяземского достаточно часты, поскольку вносят «нечто добавочное, дополнительное к предшествующему

¹⁷³ Прохорова И. Е. Христианство в творческом сознании П. А. Вяземского 1810-х годов. // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2005. Вып. 7. С. 131.

¹⁷⁴ Зуев Н. И. Константин Батюшков / Н. Н. Зуев. - 2-е изд. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. с. 110,

предложению»¹⁷⁵. Присоединительные соотношения большей частью реализуются при помощи союза «и», лишённого собственно перечислительного значения:

За годом год торопится вослед,

И старику отсчитано сто лет. [с. 123]

Всё гибнет, и всему погибель — просвещенье. [с. 128]

Однако в синтаксисе произведений Вяземского присутствуют и другие присоединительные союзы, в частности союз «а»:

Рука твоя легка,

А для тебя я кашу

Начну варить пока. [с. 67]

Пример пояснительных отношений, более характерных для канцелярского слога, единичен:

Не понимаю, как иной

Живет и мыслит в то же время,

То есть живет, как наше племя

Живет, - под вихрем и грозой. [с. 196]

В стихотворных произведениях поэта встречаются сложные предложения с несколькими типами сочинительной связи:

1) Сочетание соединительных и противительных союзов:

И так жизнь наша коротка,

И время годы быстро косит,

А сон из этого клочка

Едва ль не треть еще уносит. [с. 377]

2) Сочетание разделительных и противительных союзов (при этом противительные союзы встречаются в предложении дважды):

Иль я игрок плохой, иль жизнь игра плохая,

Но всё я в дураках, внаклад себе играя,

То в картах синглетон, то на бильярде кикс. [с. 376]

¹⁷⁵ Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. С. 323.

2.4.3. Подчинительная связь

Способы оформления придаточных предложений в поэзии Вяземского отражены в таблице 14 Приложения А. Приблизительно четверть всех сложных предложений с подчинительной связью представляют собой конструкции с придаточным определительным. Вместе с тем при прочтении они почти не бросаются в глаза, поскольку вписаны органично в развитие лирического сюжета. В целом синтаксис сложноподчиненных предложений является логическим способом передачи поэтической информации, а также служит для передачи идей и мыслей лирического героя (преимущественно в последних строфах стихотворений, когда необходимо сделать вывод). И. Б. Голуб указывает на то, что «сложноподчиненные предложения как бы «приспособлены» для выражения сложных смысловых и грамматических отношений»¹⁷⁶, и, несмотря на то, что сложноподчиненные предложения характерны в первую очередь для научных и официально-деловых текстов, в лирике Вяземского они играют значительную роль.

Нужно отметить, что в литературном языке XIX века развитие конструкций сложноподчиненного предложения «осуществляется в структурном взаимодействии с семантически соответствующими им конструкциями осложненного, сложного и бессоюзного предложения, с которыми они вступают в синонимичные отношения»¹⁷⁷. Поэзия Вяземского иллюстрирует эту тенденцию, так как в ней параллельно сосуществуют присубстантивно-определительные конструкции и причастные обороты, временные конструкции и конструкции с деепричастным оборотом, временные, условные и причинно-следственные конструкции с подчинительными союзами сочетаются с соответствующими бессоюзными конструкциями.

Если сравнивать союзное (при помощи союзов) и относительное (при помощи союзных слов) подчинение, то в поэзии Вяземского наблюдается

¹⁷⁶ Голуб И.Б. Грамматическая стилистика современного русского языка. М.: Высшая школа, 1989. С. 181.

¹⁷⁷ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: изменения в строе сложноподчиненного предложения / под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1964. С. 12-13.

преобладание относительного подчинения над союзным. Список союзных слов, используемых Вяземским, достаточно широк и включает в себя:

1) местоимения-существительные «кто», «что»:

Но из поклонников любви

Достойней тот, кто всех нежнее. [с. 77]

Вот всё, чего бы в скромну хату

От неба я просить дерзал. [с. 158]

2) местоименные прилагательные (какой, который, кой):

Тобой люблюсь я, какой и прежде знал... [с. 345]

Виднеется вблизи другая мне дорога,

Которую меня отправят на погост. [с. 356]

А здесь, перед людьми и небом обвиня,

Смущенный моралист безделкою невинной

За шутку отомстит мне проповедью длинной,

От коей сном одним избавлюсь разве я. [с. 91]

Местоимение «кой» уже в пушкинское время носило печать устарелости и постепенно уходило из поэтического слога, оставаясь канцеляризмом¹⁷⁸. Использование этого местоимения могло быть продиктовано версификационной целью — стремлением авторов соблюдать ритмометрическую схему (поскольку односложное местоимение позволяло экономить пространство стиха, в отличие от трехсложного «который»).

Любопытно сочетание двух разных союзных слов в рамках однородных придаточных предложений:

Но нам вещающей о тайне страшной той,

Пред коей гордый ум немеет боязливо,

Которую весь мир хранит красноречиво! [с. 184]

3) местоименные наречия (где, куда, откуда, когда, зачем):

Восторг стихов вы там ищите,

Где расцветает виноград. [с. 102]

¹⁷⁸ Рогожникова Р. П., Карская Т. С. Словарь устаревших слов русского языка. М.: Дрофа, 2005. С. 309.

Нет дома, нет палат, куда б он не влетел. [с. 275]

Особенно мила мне тихая пора,

Когда сгорает день, великолепно рдея

Под пурпурным огнем небесного костра. [с. 357]

И умер, не узнав, зачем он умирает. [с. 407]

4) местоименное числительное «сколько»:

Скажи мне, сколько слез укору

И ревности упало слез

В тебя... [с. 77]

Нужно отметить, что Вяземский не следовал общим тенденциям XIX века в сфере употребления новых производных союзов. Как отмечают исследователи, в XIX веке начали активно функционировать два союза — уступительный «добро бы» и условно-причинный «раз»¹⁷⁹. Однако ни тот, ни другой союзы в лирике Вяземского не встречаются, что может свидетельствовать о стремлении поэта, чуждавшегося «площадного» языка¹⁸⁰, к опоре на традиции при выборе союзных средств для своих стихотворных произведений.

Далее мы рассмотрим иллюстрации из творчества П. А. Вяземского на каждый из типов придаточных предложений (будет предложено несколько примеров на каждый тип связи).

1. Сложноподчиненные предложения с придаточным определительным:

Для большинства предложений с атрибутивным значением характерно союзное слово «который»:

И горе смертному, который в слепоте

Взысканьям общества сей вышний дар уступит. [с. 168]

Конструкции с союзным словом «который», конкурировавшие в XIX веке с причастными оборотами, в лирике Вяземского присутствуют в меньшем

¹⁷⁹ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века / Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1964. С. 298-299.

¹⁸⁰ В своих «Записных книжках» поэт сетует: «Бездарность, талантливый – новые площадные выражения, вкравшиеся в наш литературный язык. Дмитриев правду говорил, что наши новые писатели учатся языку у лабазников» (Вяземский П. А. Записные книжки. М.: Русская книга, 1992. С. 219).

количестве, чем обороты с причастиями (148 конструкции с «который» в сравнении с 181 причастным оборотом¹⁸¹), что как будто бы может свидетельствовать о том, что Вяземский не вполне следовал тенденции к сближению книжного синтаксиса с синтаксисом разговорной речи, не желая устранять такие синтаксические структуры, как причастные обороты. Однако «повышенная» частотность определительных придаточных в целом (на фоне предшественников и современников) у Вяземского все же заставляет прийти к заключению о большем пристрастии поэта к синонимам причастных синтагм.

В ряде случаев в атрибутивных придаточных вместо союзного слова «который» можно встретить союзное слово «где», которое придает некий оттенок пространственности в добавление к основному значению придаточного предложения:

*У камелька, где яркою струею
Алел огонь, вечернею порою,
Задумчивость, красноречивый друг,
Живила сон моей глубокой лени.* [с. 108]

Также данный тип придаточных может характеризоваться через местоимение, которое находится в главной части предложения, и непосредственно к которому относится придаточное. В качестве такого местоимения в большинстве случаев выступает местоимение «тот»:

Пусть рабствует в пыли лишь тот, кто к рабству сроден. [с. 128]

В одном контексте используется местоимение «каждый»:

*И каждый, кто прочтет твоих трудов собранье
Или послушает тебя минуты две,
Увидит, как насквозь: в душе вредить желанье
И неспособность в голове.* [с. 89]

В большинстве случаев местоимение выражено в форме им. п. ед.ч. м.р.; иные случаи достаточно редки. К их числу относятся

¹⁸¹ Данные взяты из приложения к монографии Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения / Н.В. Патроева. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2002. 333 с.

1) Местоимение в форме в.п. ед.ч.:

*Проклятью предаю я, наравне с убийцей,
Того, кто первый стих дерзнул стеснить границей
И вздумал рифмы цепь на разум наложить.* [с. 125]

2) Местоимение в форме в. п. мн. ч.:

Гладит тех, с кого ждет дачи... [с. 160]

3) Местоимение в форме тв.п. ед.ч. и мн. ч.:

Он возникает предо мной <...>

И с тем и теми, коих траты

Душа моя пережила. [с. 227]

В поэзии Вяземского часты случаи, когда местоимение постпозитивно по отношению к придаточной части (в прозаической речи такие конструкции редки):

*И часто, кто за дар прославлен целым светом,
Тот проклиняет день, в который стал поэтом.* [с. 125]

В ком нравиться есть дар, тот пусть один злословит [с. 148]

Желанье есть души дыханье:

Кто не желает, тот уж мертв. [с. 208]

2. Сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительно-объектным (дополнительным):

Как отмечает С. Г. Ильенко, изъяснительные сложноподчиненные предложения «позволяют представить факты и события окружающей действительности антропоцентрически окрашенными»¹⁸². Контексты из поэтического творчества П. А. Вяземского в полной мере подтверждают этот тезис – зачастую в главной части таких сложноподчиненных предложений поэт использует глаголы «слышать», «верить», «сказать», что в полной мере позволяет характеризовать такие события как пропущенные «через чувство, мысль, речь

¹⁸² Ильенко, С. Г. Лексико-синтаксический словарь русского языка : Модели сложноподчиненного предложения. СПб., 2007. С. 3-4. Цит. по Шейко Е. В. Типы контекстов в изъяснительных сложноподчиненных предложениях. Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22. С. 154.

субъекта».¹⁸³ Если же рассуждать о собственно формальных характеристиках данного типа сложноподчиненных предложений, то следует заметить, что отношения данного типа выражены преимущественно при помощи союзов «что» (такие придаточные изъяснительные у Вяземского зачастую передают косвенную речь, хотя, как отмечают исследователи, «косвенная речь более характерна для прозы, чем для стиха»¹⁸⁴) и «чтобы»:

*Но, впрочем, я слыхал не раз,
Что наш желудок - чувств властитель
И помышлений всех запас. [с. 114]
Как верить тяжело, чтобы твоя природа,
Чтобы тот светлый мир, который создал ты,
Который ты облек величьем красоты,
Могли быть смертному таинственно враждебны. [с. 234]*

Встречаются и другие союзы, в частности, союз «как» (в значении «что») а также союзное слово «кто»:

*Не сказывай ты мне равно,
Как уст прелестных осязаньем
И сладостным она дыханьем
Твое согрела полотно! [с. 77]
Хочу ль сказать, к кому был Феб из русских ласков... [с. 125]*

3. Сложноподчиненные предложения с придаточным сравнительным

В творчестве Вяземского преимущественно встречаются полные сравнительные конструкции:

*Пусть сей оценичик слов и в азбуке знаток
Теребит труд ума с профессорских досок,
Как поседевшая в углах архивы пыльной
Мышь хартии грызет со злостью щепетильной. [с. 148]
Играй вино на чистом дне,*

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Буякова М. В. Сочинение и подчинение в стихе и прозе в русском и французском языках / М. В. Буякова // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 59.

Как кровь играет в юном теле! [с. 193]

Однако в творчестве поэта можно найти и неполные придаточные сравнительные с пропущенным сказуемым:

Ты ль будешь в праздности постылой

В деревне тратить век унылый,

Как в келье дремлющий монах? [с. 105]

И музы в наши дни страдают,

Как предки наши от татар. [с. 57]

В творчестве Вяземского абсолютное большинство составляют одиночные сравнительные конструкции:

И блее и румяней

Дева блещет красотой,

Как алеет на поляне

Снег под утренней зарей. [с. 301]

В большинстве случаев в конструкциях с придаточными сравнительными используется союз «как»; отступления от этого правила («словно», «как будто») единичны:

Степь широко на просторе

Поперек и вдоль лежит,

Словно огненное море

Зноем пышет и палит. [с. 292]

Разносторонний ум и вместе специальный,

И примадонне он, и бабке повивальной

Все тайны ремесла готов преподавать,

Как будто б сам рожден он петь и повивать. [с. 348]

4. Сложноподчиненные предложения с придаточным времени

Ю. О. Пospelова, рассуждая об описании сложноподчиненных предложений с придаточным времени, отмечает, что такие придаточные «помогают раскрыть концепцию текста, организуют взаимодействие автора,

читателя и персонажа»¹⁸⁵. Этот тезис может быть применим и к поэтическим произведениям П. А. Вяземского – именно через временные отношения поэт развертывает картину мира, сопоставляя события прошлого с тем, что происходит в настоящем. Как правило, для организации таких синтаксических отношений Вяземский использует союз «когда»:

*Как я заслушивался нежно
Тебя, варшавский вестовщик,
Когда в душе, во дни разлуки,
Будил замолкнувшие звуки
Словоохотный твой язык. [с. 171]
Как много сверстников не стало,
Когда нас знойным полднем жгло. [с. 270]*

Столь частое употребление союза «когда» в целом совпадает с тенденциями XIX века, в котором этот временной союз «уже завоевал себе господствующее положение в литературном языке»¹⁸⁶ в системе временных подчинительных конструкций. Отступлений от этого правила в лирике поэта немного, и почти все они связаны с союзом «пока»:

*Одна в убежище безбурном
Нам память мир свой бережет,
Пока детей своих с Сатурном
Сама в безумье не пожрет. [с. 227]
Итак, пока нет лошадей,
Пером досужным погуляю. [с. 171]
Единичный случай — союз «что»:
Теперь, что к гробу я всё ближе подвигаюсь,
Я только сознаю, что разучился жить. [с. 327]*

5. Сложноподчиненные предложения с придаточным места (локальные)

¹⁸⁵ Поспелова Ю. О. Традиции и новаторство в описании сложноподчиненных предложений с придаточными времени. Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). С. 118.

¹⁸⁶ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в строе сложноподчиненного предложения / под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1964. С. 84.

Для выражения отношений, связанных с указанием пространства, или места, направления, Вяземский использует два союзных слова:

1) Сложноподчиненные предложения с союзным словом «куда»:

Иди, куда тебя отца зовут моленья... [с. 102]

Куда рассеянно ни поведу глазами,

Везде волшебный ряд пленительных картин... [с. 357]

2) Сложноподчиненные предложения с союзным словом «где»:

Восторг стихов вы там ищите,

Где расцветает виноград. [с. 102]

А. А. Бекбалаев и Р. В. Вальваков в статье «Русские сложноподчиненные предложения с придаточными места: функционально-семантический аспект»¹⁸⁷, помимо собственно пространственных придаточных места, выделяют три синкретичных по значению типа (пространство и условие, пространство и причина, пространство и сопоставление).

Синкретизм пространства и сопоставления характерен для творчества поэта:

И там с бедой встречались,

Где мы найти ласкались

И счастье, и покой. [с. 84]

Их не было там, где мы были,

Где будут - нам уж не бывать! [с. 270]

Ориентиром здесь выступает хронотоп, связанный с прошлым лирического героя, обозначаемые при помощи указания на некую уже совершившуюся ситуацию. Чаще всего в творчестве поэта из трех перечисленных выше типов встречаются сложные предложения с синкретизмом пространства и условия:

И там, где умный выиграл ноги,

Там дурачок всех срезал с ног. [с. 207]

¹⁸⁷ Бекбалаев А. А., Вальваков Р. В. Русские сложноподчиненные предложения с придаточными места: функционально-семантический аспект // Вестник КРСУ. 2012. Том 12. № 8. С. 131-135.

Конструкции с синкретизмом пространства и условия представляют собой некую обобщенную жизненную ситуацию, моральную сентенцию. Одно из четверостиший целиком построено на связях подобного типа:

*Где есть поветрие на чтенье,
В чести там грамота, перо;
Где грамота - там просвещение;
Где просвещение - там добро. [с. 208]*

6. Сложноподчиненные предложения с придаточным причины (каузальные)

Отношения данного типа достаточно редки в лирике Вяземского и выражаются при помощи союза «что»:

*И, силы истоца в страдальческой работе,
Тем боле мучусь я, что мучусь по охоте. [с. 125]*

Единственное исключение из данного правила - союз «затем что»:

*Я вас напутствую единым скорбным словом,
Затем что скорбь моя превыше сил моих... [с. 261]*

Любопытен тот факт, что в текстах Вяземского нами не были обнаружены союзы «потому что» и «так как», хотя в целом в письменной речи эти союзы достаточно часты. А. Н. Гвоздев отмечает, что «художественная речь исключительно широко пользуется для обозначения причины бессоюзными предложениями, в которых причинные отношения выражаются без особой четкости»¹⁸⁸, а союз «потому что» может употребляться как в разговорной, так и в книжной речи, и «может быть, он не проникает только в лирику»¹⁸⁹.

Вместе с тем у Вяземского в эпиграмме на смерть поэта С. С. Боброва присутствует близкий к союзу «потому что» устаревший союз «бо»:

*Нет спора, что Бибрис богов языком пел,
Из смертных бо никто его не разумел. [с. 55]*

¹⁸⁸ Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. С. 641.

¹⁸⁹ Там же.

«Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля определяют слово «бо» как союз «потому что»; а согласно «Материалам для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского¹⁹⁰, «бо» может быть как союзом, так и частицей, сходной по значению с частицей «же» (в таких контекстах, как «Кто бо есть верный раб»). Однако данный контекст позволяет отнести слово «бо» к союзам, поскольку оно близко по значению к союзу «потому что».

В «Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX века» отмечается, что «бо» - единственный из непроемных союзов, который был утрачен в XIX веке¹⁹¹. Вяземский в целом следует тенденции времени, так как употребление этого союза единично и представляет собой архаизм-иронизм, поскольку союз встречается в эпиграмме.

7. Сложноподчиненные предложения с придаточным условия

Данный тип придаточных оформляется при помощи двух союзов - «если» и «когда»:

*Бедствий меньше бы терпели,
Если б люди, страстны к злу,
Были верны в ночь постели,
Верны днем, как я, столу. [с. 105]
Когда в тебе есть совесть,
В чужие сани не садись... [с. 112]*

Таким образом, в лирике Вяземского можно наблюдать тенденцию к унификации структурного оформления условных конструкций «путём постепенного ухода из литературного языка конструкций, характерных для разговорной речи (с союзами ежели, коли, как бы)¹⁹², а также к сохранению союза «когда», который имел «широкое распространение в первой половине

¹⁹⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : В 3 т. / И.И. Срезневский; Изд. А. Кошелев. М.: Знак, 2003. 773 с.

¹⁹¹ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века / Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1964. С. 277.

¹⁹² Там же. С.17.

ХІХ века»¹⁹³. Даже несмотря на то, что, по словам Л. А. Булаховского, «в начале ХІХ века союзы «ежели», «коль» и «коли» употреблялись без специальной стилистической окраски»¹⁹⁴, в лирике Вяземского эти союзы отсутствуют.

8. Сложноподчиненные предложения с придаточным уступительным

Данный тип придаточных в большинстве случаев сопровождается союзом «хоть» (иногда в сочетании с «но»):

Хоть наш разрыв с тобой и мудр, и осторожен,

Но, с грустью признаюсь, не может быть надежен... [с. 91]

Что-то всё не спится,

Хоть пью лекарства по ночам. [с. 89]

Ю. Мяосой, рассматривая сложноподчиненные уступительные предложения, упоминает об отдельном типе (уступительные предложения фразеологизированной структуры). Автор отмечает, что «сочетания «хоть+глагол в повелительном наклонении» часто употребляются для выражения нейтрально-уступительного допущения»¹⁹⁵. Такого рода примеры часто встречаются и в творчестве Вяземского:

Что госпожа Ослица,

Хоть с лаю надорвись, не будет век лисица. [с. 90]

Приключись хоть смерть дорогой,

Умирай, а всё лети! [с. 309]

Из других союзов, которые помогают оформить придаточное уступительное, выделяются союзы «пусть» и «тогда как»:

Ты грызть пришла здесь Дмитриева том,

Тогда как у меня валялись под столом

Графова сочиненья! [с. 57]

Пусть гордый свет меня купает в Лете,

Лишь был бы я у дружбы на примете... [с. 192]

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины ХІХ века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М.: Учпедгиз, 1954. С. 415.

¹⁹⁵ Мяосой Ю. Хоть горшком назови... // Русская речь. 2011. №5. С. 55. С. 51-56

Предложения со служебным словом *пусть* частотны в русской классической поэзии и демонстрируют семантический синкретизм: поскольку категория оптативности в целом очень характерна для лирики, в подобных контекстах можно обнаружить функциональное подобие и аппликацию смыслов уступительного союза и императивной частицы.

9. Сложноподчиненные предложения с придаточным цели

В таких придаточных Вяземским используется союз «чтобы»:

Пью по ночам хлорал запоем,

Привыкший к яду Митридат,

Чтоб усладить себя покоем

И сном, хоть взятым напрокат. [с. 410]

Чтоб от бессонницы лечиться,

Отправься к Липецким водам. [с. 89]

По мнению А. Н. Гвоздева, употребление союза «чтобы» в подобных конструкциях не случайно, поскольку отражает указание не на некий одиночный факт, а «выражает обобщение, широкий охват фактов известной категории»¹⁹⁶.

Также внимание привлекает контекст с союзом «чтоб», в котором придаточное цели (ответ на вопрос, для чего же плачет море) содержит в себе выражаемое с помощью модальной частицы «словно» сравнение (шум моря сравнивается с сильным плачем):

И слушал я, как плачет море,

Чтоб словно выплакать всё горе

Из глубины груди своей. [с. 394]

Типичные случаи сложных предложений с несколькими видами подчинительной связи

1) В лирике Вяземского встречаются сложные предложения с несколькими случаями подчинительной связи; обратимся к наиболее ярким и распространенным случаям. В поэзии Вяземского часты случаи сочетания сравнительных придаточных и придаточных времени:

¹⁹⁶ Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. С. 331.

*Внемли страдальческой мольбе,
 Как внемлешь ты сердечной клятве,
 Когда твой юный друг на жатве
 Любить тебя клянется вновь! [с. 59]*

*Зачем не увядаем мы,
 Когда час смерти наступает,
 Как с приближением зимы
 Цветок спокойно умирает? [с. 413]*

Такое сочетание придаточных позволяет автору, с одной стороны, сопоставлять события и факты между собой (при помощи придаточного сравнительного), а с другой стороны, соотносить их с определенным временем или условием совершения (при помощи придаточного времени).

2) Также придаточные времени, как и придаточные цели, часто сочетаются с присубстантивно-определятельными придаточными:

*Родоначальников литературной черни,
 Которая везде, всплывая в час вечерний,
 Когда светилу дня вослед потьма сойдет,
 Себя дает нам знать из плесени болот. [с. 330]*

Здесь соотнесенность с определенным моментом действия, обеспечиваемая одним придаточным, дополняется иным, которое конкретизирует, живописует ситуацию.

3) Иногда при помощи омонимичных или многозначных союзов Вяземский выражает разные подчинительные отношения, в частности, объединяет отношения меры и степени (при помощи первого союза «что») и изъяснительные отношения (при помощи второго союза «что»):

*Так надоел мне первый том,
 Что мне заранее думать больно,
 Что вновь засяду на втором. [с. 412]*

В другом контексте омонимичные союзы «что» также выражают два разных отношения — времени (при помощи первого союза «что») и изъяснительные (при помощи второго союза «что»):

*И, видя дней своих скудеющую нить,
Теперь, что к гробу я всё ближе подвигаюсь,
Я только сознаю, что разучился жить,
Но умирать не научаюсь. [с. 327]*

Подобные случаи демонстрируют нам «игру» союзными значениями, которая сродни каламбуру, и «остранение» художественного контекста, формирование категории неоднозначности, неопределенности.

4) Напротив, в ряде случаев для реализации одних и тех же отношений Вяземский использует разные союзы и союзные слова. В частности, для того, чтобы выразить атрибутивные отношения, в данном контексте Вяземский использует слова «который», «когда», «где»:

*Ты облако мое, которым день мой мрачен,
Когда задумчиво я мыслю о тебе
Иль измеряю путь, который нам назначен
И где судьба моя чужда твоей судьбе. [с. 260]*

В данном случае только придаточное с союзным словом «который» выражает чистые атрибутивные отношения; два других придаточных имеют синкретичные значения (союз «когда» может указывать на время, а союзное слово «где» — на место действия).

Последовательное и параллельное подчинение придаточных

Для лирики Вяземского весьма характерны сложные предложения с несколькими придаточными; при этом взаимосвязь придаточных может быть различной:

1) Последовательное подчинение придаточных – используется в том случае, когда Вяземскому надо более подробно и детально раскрыть мысль придаточного предложения.

Пусть чернь блестящая у праздности в объятых

*О ваших именах, заслугах и занятиях
Толкует наобум и в адрес-календарь
Заглядывать должна, чтоб справиться, кто встарь
Был пламенный Петров, порывистый и сжатый,
Иль юной Душеньки певец замысловатый. [с. 187]*

*Всё ничтожно
Пред жалобой твоей ночной,
Когда смутишься вдруг тревожно
И зарыдаешь так, что можно
Всю душу выплакать с тобой. [с. 267]*

2) Параллельное подчинение придаточных делится на однородное и неоднородное; примеров однородных придаточных в лирике Вяземского достаточно много, и поэтому эти иллюстрации вынесены в отдельный параграф. Неоднородные придаточные не столь часты, однако также встречаются в лирике поэта:

*И часто, кто за дар прославлен целым светом,
Тот проклинает день, в который стал поэтом. [с. 125]*

*Жена же, напротив, когда он к ней подходит,
Жалеет каждый раз, что он не переводит. [с. 136]*

3) Комбинированное подчинение придаточных — чаще всего встречается в больших по объёму конструкциях, которые достаточно сложны для восприятия в силу перегруженности событиями. Как отмечает К. И. Ракова, именно «полипредикативные предложения с сочинением и подчинением являются одним из оптимальных средств хранения и передачи информации о фактах, событиях, целых ситуациях»¹⁹⁷:

Как верить тяжело, чтобы твоя природа,

¹⁹⁷ Ракова К. И. Подчинительный комплекс с четырехкратным чередованием трех типов синтаксической связи. Лингвистические и методические основы филологической подготовки учителя-словесника : материалы междунар. науч.-метод. конф. : в 2 т. / БелГУ, Старооскол. фил. ; под ред.: И.Б. Игнатовой, Л.Н. Разинковой, Н.Н. Семененко. Старый Оскол, 2005. Т.1. С. 180-186. С. 180.

*Чтобы тот светлый мир, который создал ты,
 Который ты облек величьем красоты,
 Могли быть смертному таинственно враждебны;
 Чтоб воздух, наших сил питатель сей целебный,
 Внезапно мог на нас предательски дохнуть
 И язвой лютою проникнуть в нашу грудь;
 Чтобы земля могла, в благом твоём законе,
 Заразой нас питать на материнском лоне! [с. 234]*

Для Вяземского характерно употребление в текстах рядов однородных придаточных.

1) Придаточные изъяснительные

*Я знал давно, что подл Фиглярин,
 Что он поляк и русский сплошь,
 Что завтра будет он татарин,
 Когда б за то ему дать грош;
 Я знал, что пошлый он писатель,
 Что усыпляет он с двух строк,
 Что он доносчик, и предатель,
 И мелкотравчатый Видок;
 Что на все мерзости он падок,
 Что совесть в нем — истертый знак,
 Что он душой и рожей гадок,
 Но я не знал, что он дурак. [с. 281]*

При помощи однородных изъяснительных придаточных Вяземский рассказывает о тех фактах действительности, которые находятся в ведении лирического героя; благодаря последнему изъяснительному придаточному (которое не входит в группу однородных) становится ясно, что это оценочное суждение для героя является неожиданным открытием.

Как отмечает Л. А. Булаховский, такие громоздкие конструкции, представляющие собой «период в виде параллельных придаточных предложений

с нарастающим ритмическим подъемом»¹⁹⁸ часто встречаются в двадцатые годы, в том числе и у А. С. Пушкина:

*Не многим, может быть, известно,
 Что дух его неукротим,
 Что рад и честно и бесчестно
 Вредить он недругам своим;
 Что ни единой он обиды
 С тех пор как жив не забывал,
 Что далеко преступны виды
 Старик надменный простирал;
 Что он не ведает святыни,
 Что он не помнит благостыни,
 Что он не любит ничего,
 Что кровь готов он лить, как воду,
 Что презирает он свободу,
 Что нет отчизны для него. («Полтава»¹⁹⁹)*

Вяземский в полной мере соблюдает тенденцию и проносит ее через годы собственного творчества; наборы из параллельных придаточных встречаются и в поздних его стихотворениях.

2) Придаточные уступки

*Как светоч твой нам ни сияет,
 Как ты ни ускоряй свой бег,
 Всё та же ночь нас окружает,
 Всё тот же темный ждет ночлег. [с. 285]*

Вяземский акцентирует внимание на тщетности и бессмысленности бытия, неизбежности жизненного финала, вне зависимости от прикладываемых усилий и складывающихся обстоятельств.

3) Придаточные определительные

¹⁹⁸ Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М.: Учпедгиз, 1954. С. 274.

¹⁹⁹ Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Т. 3. Поэмы. Сказки. С. 199.

*Знакомое мне место — старый друг,
С которым я сроднился, свыкся чувством,
Которому я доверяю тайны,
Подъятые из глубины души
И недоступные толпе нескромной. [с. 338]
Что ж делает вдова в пустыне деревенской,
Где Евы яблоко бессильно на умы,
Где б первенством никто не предпочел Киприды
И где уездные Париды,
Боясь красавиц, как чумы,
Для яблок лучшего не знают назначенья,
Как впрок солить их для зимы? [с. 157]*

В данном контексте в придаточных частях можно заметить аллюзии на разные мифологические и религиозные сюжеты:

- a. библейский сюжет о запретном плоде;
- b. сюжет из греческой мифологии о споре трёх богинь за яблоко с надписью «Прекраснейшей». Киприда — это Афродита, а Парид — Парис;

Оба сюжета объединены при помощи общего элемента — яблока.

4) Придаточные цели

*Устройся ты как можно тише,
Чтоб зависти не разбудить;
Без нужды не взбирайся выше,
Чтоб после шеи не сломить. [с. 158]
Дан меч ей, чтоб разить невинность без защиты,
Весы — чтоб точный вес червонцев узнавать. [с. 135]*

Перечисление привычных атрибутов статуи Фемиды (меч и весы) в данном двустишии сопровождается придаточными, которые поясняют целевое назначение данных предметов. При этом Вяземский при помощи придаточных цели нарушает привычные ассоциации (меч — защита невинных, весы —

точность и правильность измерения), создавая ощущение абсурдности и нелепости ситуации.

2.4.4. Бессоюзная связь

Характеристика бессоюзной связи отражена в таблице 15 Приложения А. На бессоюзную связь как на наиболее часто встречающийся тип сложных предложений, следует обратить особое внимание. Как отмечает В. И. Борковский, бессоюзные конструкции могут быть «сопоставлены с соответствующими сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями»²⁰⁰, и это сопоставление возможно как по смыслу, так и в ряде случаев по структурным особенностям. В «Русской грамматике» 1980 года отмечается, что «смысловая емкость и яркая стилистическая окрашенность бессоюзия создают условия для его использования в художественной литературе как эстетического, изобразительного приема»²⁰¹. Активное употребление бессоюзных конструкций со значением пояснения отражает стремление Вяземского раскрыть ту или иную тему, при этом не прибегая к союзам и союзным словам. Большой процент присоединительных конструкций в первом периоде творчества Вяземского объясняется тем, что данные конструкции очень широко распространены в эпиграммах, которые у раннего Вяземского часто встречаются. Также нужно отметить, что изъяснительные значения, преобладающие в сложноподчиненных предложениях, при помощи бессоюзных конструкций передаются значительно реже.

Как отмечает Е. Н. Ширяев, бессоюзное сложное предложение подразумевает ряд «неопределённых недифференцированных значений, дающих читателю известную свободу для ассоциаций»²⁰², что чрезвычайно важно для понимания поэтического текста. Рассмотрим иллюстрации из творчества П. А. Вяземского на разные типы бессоюзных конструкций. Необходимо заранее оговорить большую важность именно бессоюзной связи в поэтическом творчестве: во-первых, данный тип связи процентно преобладает; во-вторых, как

²⁰⁰ Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: КомКнига, 2007. С. 452.

²⁰¹ Русская грамматика. / Под ред. Н. Ю Шведовой. М.: Наука, 1980. Т.2: Синтаксис. С. 634.

²⁰² Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986. 223 с.

отмечает Т. В. Щербакова, бессоюзные сложные предложения «формируются на основе смыслового соотношения предикативных частей с опорой на их лексическую наполняемость»²⁰³, что позволяет «говорить о композиции смыслов, обусловленных коммуникативно-прагматическими задачами автора текста»²⁰⁴. Очевидно, что при таком понимании роли бессоюзных сложных предложений крайне важно будет установить тип взаимоотношений между частями конструкции, чтобы получить более полное представление об авторском замысле.

1. Бессоюзные предложения с причинно-следственным значением

Важную роль для понимания стихотворений играют бессоюзные предложения с причинно-следственным значением. Они не столь часто количественно употребляются в текстах, но в ряде стихотворений используются единично — как вывод для фрагмента стихотворения или всего стихотворения в целом:

Мы с ним давно сжились, давно как с братом брат;

Нельзя нас починить и заново исправить. [с. 416]

Настал любви условный час,

Час упоений, час желаний;

Спи, Аргус, под крылом мечтаний! [с. 81]

Одним из самых любопытных с точки зрения бессоюзной связи является стихотворение «Картузов-сенатор...»:

²⁰³ Щербакова Т. В. Коммуникативно-синтаксическая организация полипредикативных бессоюзных сложных предложений в художественных текстах. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. №4, 2011.

²⁰⁴ Марченко Е.П. Полипредикативные сложные предложения в современном русском языке: структурно-семантический, коммуникативные и текстообразующие потенции. Краснодар: КубГУ, 2003. С. 126.

*Картузов - сенатор,
 Картузов - куратор,
 Картузов - поэт.
 Везде себе равен,
 Во всем равно славен,
 Оттенков в нем нет:
 Худой он сенатор,
 Худой он куратор,
 Худой он поэт. [с. 66]*

Всё стихотворение можно разбить на три части: в первой при помощи бессоюзной связи перечисляются статусные характеристики Картузова; во второй — его особенности; в третьей — вновь статусные характеристики, но уже с негативной окраской. Таким образом, появляется противопоставление первой и третьей строфы — в том числе и при помощи синтаксических средств.

2. Бессоюзные предложения со значением перечисления

Данный тип конструкций преобладает в творчестве Вяземского в сравнении со всеми другими типами бессоюзных конструкций. Ряды частей сложных предложений, оформленных при помощи бессоюзной связи со значением перечисления, могут быть достаточно длинными, вплоть до пяти частей.

¹*Мы игнорируем их книги и заслуги,
 Ученья нового поклонники и слуги,
²Мы пишем наобум и часто без ума;
³Освободились мы от школьного ярма,
⁴Мы всё глядим вперед. [с. 406]*

¹*Кругом серебряные сосны;
²Здесь северной Армиды сад;
³Роскошно с ветви плодоносной
 Висит алмазный виноград;
⁴Вдоль по деревьям арабеском*

Змеятся нити хрусталя;

⁵Серебряным, прозрачным блеском

Сияют воздух и земля. [с. 398]

3. Бессоюзные предложения со значением сопоставления

При помощи данных конструкций Вяземский сопоставляет разные события, находя в них общие элементы, обнаруживая наличие или отсутствие чего-либо:

В их счастье не имел я нужды,

В их горе не видал беды. [с. 388]

Для лиры там есть муза вдохновений,

Для кисти есть харита красоты! [с. 254]

В ряде случаев подобный тип предложений используется для противопоставления событий и фактов действительности:

На Юге меркнул день — у нас он рассветал. [с. 118]

К цветным листкам альбомов стих болтливый

Рад применить пестреющие дни:

Есть светлые, как радуги отливы,

Есть темные, померкшие в тени! [с. 192]

В статье «Синонимия бессоюзных сложных предложений со значением сопоставления и противопоставления и простых предложений» Н. В. Виноградская отмечает, что большинство сложных предложений «образуют синонимичные пары с простыми предложениями без серьезных преобразований в своем составе»²⁰⁵. Однако этот тезис не вполне применим к лирике Вяземского, поскольку в его лирике часты бессоюзные предложения с сопоставительной связью, в которых «действия совершаются разными субъектами, поэтому не могут быть отнесены к одному действующему лицу <...> а, следовательно, не могут быть однородными»²⁰⁶, например:

Петр создал подданных, ты образуй граждан! [с. 118]

²⁰⁵ Виноградская Н. В. Синонимия бессоюзных сложных предложений со значением сопоставления и противопоставления и простых предложений / Н. В. Виноградская // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 1. С. 67.

²⁰⁶ Там же. С. 66.

Трус Марсом прослывет, Катон — раб царя... [с. 125]

Льстить любят многие; хвалить умеет редкой. [с. 132]

4. Бессоюзные предложения с изъяснительным (объяснительным) значением

Такие предложения сопровождаются глаголами говорения или мыслительного процесса:

Но знай: на ястребов охотятся стрелки;

А сам скажи: как целить в муху? [с. 161]

Так, верю: здесь явилась ты,

Очаровательница мира! [с. 201]

Но в свой черед мы скажем ныне:

Литографирован весь мир. [с. 211]

5. Бессоюзные предложения со значением пояснительным

Данный тип бессоюзных предложений используется Вяземским, когда ему необходимо дать мотивировку действию или явлению:

Но пусть невежество талантов судьей —

Ты смейся и молчи: роптанье безрассудно! [с. 73]

Но Бавия вдали угадываю взором:

Он место близ себя, добытое позором,

Указывает мне пророческим жезлом. [с. 91]

Спаси нас, боже, за столом

От хлопотливого соседа:

Он потчеваньем, как ножом,

Пристанет к горлу в час обеда. [с. 107]

6. Бессоюзные предложения со значением времени

Такие конструкции отражают два события, происходящих в одно время или последовательно друг за другом:

Скачешь — действие кипит. [с. 171]

При этом следует отметить, что временное значение в таких конструкциях сливается с условным.

7. Бессоюзные предложения с результативно-следственным значением

Спасителя рожденьем

Встревожился народ;

К малютке с поздравленьем

Пустился всякий сброд.

Совет наш именитый,

И в лентах и в звездах,

Приходит с шумной свитой —

Малютку пронял страх. [с. 67]

Тебе не место здесь, —

Ты убирайся к черту. [с. 69]

Пес лаял на воров; пса утром отодрали <...>

Пес спал в другую ночь; дом воры обокрали. [с. 123]

Тип бессоюзных предложений с результативно-следственным значением широко распространен у Вяземского в силу стремления поэта акцентировать внимание на результате определенного события, показав при этом причинно-следственные связи, которые повлекли за собой подобный результат.

8. Бессоюзные предложения со значением сравнения

Частый случай для поэзии Вяземского – сравнение, оформляемое в виде присоединительных конструкций со словом так; вторая часть замыкает художественное описание:

В нем пламень не потух; так под убором снежным

Кипит невидимо земных огней тайник. [с. 168]

Досадно, тяжело и больно;

Так горемычный часовой

Стоит и слышит, как привольно

Весь стан храпит во тьме ночной. [с. 404]

9. Бессоюзные предложения с изъяснительно-пояснительным значением

Такой тип конструкций используется Вяземским для передачи речи героев, как устной, так и письменной:

И мой резец, в руке дрожащий,

Изобразит от сердца стих:

Здесь Б<урцо>в, друг пиров младых,

Сном вечности и хмеля спящий. [с. 74]

Пред алтарем души в смиренье клятву дал:

Тирану быть врагом и жертве верным другом. [с. 133]

В некоторых случаях однозначно определить тип связи между частями бессоюзного предложения не удастся, поскольку в одну синтаксическую конструкцию включаются два факта действительности, которые сложно соотносить между собой в рамках причинно-следственных связей:

Иные подвиги, к иным победам ревность

Поведает нам глас красноречивых стен, -

Их юная краса затмить успела древность. [с. 118]

В целом, вопросы, связанные с синкретизмом семантики бессоюзных конструкций, освещались исследователями-филологами (например, В. В. Бабайцевой²⁰⁷ и Л. Н. Лазуткиной²⁰⁸), и исследователи отмечают сложность установления подобных причинно-следственных связей между частями бессоюзного предложения, что в полной мере отражает поэзия П. А. Вяземского.

2.5 Осложненные предложения

Вопросы, связанные с выделением осложненного предложения, наряду с традиционной дихотомией «простое / сложное предложение», и описанием различных типов осложняющих конструкций, являются предметом дискуссионного лингвистического обсуждения в течение продолжительного времени (наиболее важными в этой дискуссии видятся работы А. Г. Руднева²⁰⁹,

²⁰⁷ Бабайцева В. В. Синкретизм па рцеллированных и присоединительных субстантивных фрагментов текста / В. В. Бабайцева // Филологические науки. 1997. № 4. С. 54 - 63.

²⁰⁸ Лазуткина, Л. Н.. Бессоюзное сложное предложение с обобщенно-личной семантикой : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 Рязань, 1999. 152 с

²⁰⁹ Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. М.: Учпедгиз, 1959. 198 с.

А. И. Останина²¹⁰, В. Н. Перетрухина²¹¹, а также «Русская грамматика» под редакцией Н. Ю. Шведовой²¹²). Нами под осложненным предложением понимается конструкция с одной или более грамматическими основами, в построении которой участвуют однородные ряды, различные типы обособленных полупредикативных и уточнительно-пояснительных оборотов, вводные и вставные конструкции, обращения. Некоторые языковеды расширяют границы понятия «осложненное предложение» и добавляют к списку осложнителей союзные пояснительные²¹³ и присоединительные синтагмы, сегментированные (например, именительный или инфинитив темы) конструкции, сравнительные обороты. Напротив, другие языковеды выводят за пределы осложненного предложения, например, однородные члены как «количественные расширители» структуры, не обладающие тем набором признаков, которые характерны для осложнителей элементарной модели конструкций, или вводные конструкции.

Именно в лирических произведениях, в силу сходства поэтической речи с внутренней и разговорной в коммуникативном плане²¹⁴, проявляются наилучшие условия для активного применения осложняющих конструкций. В рамках поэтического текста «действует взаимозависимость между стихообразующими факторами (членением на строки, метром, изосиллабизмом, рифмой и т. п.) и усложненностью семантической и синтаксической структур <...> Чем более точно соблюдение правил, стиха, тем более направленным становится поиск соответствий <...>, создающих горизонтальный и вертикальный параллелизм»²¹⁵. В поэзии закономерно активное использование конструкций, усиливающих параллелизм и подобие грамматического построения, позволяющих разорвать

²¹⁰ Останин А. И. К понятиям осложнения и осложненного предложения (Постановка вопроса) // Вопросы теории и истории русского языка: сб. ст. / Саратовский гос. ун-т. Саратов, 1976. С. 55—58.

²¹¹ Перетрухин В. Н. Расширение, распространение и осложнение в простом предложении // Филол. науки. 1979. № 4. С. 46—50.

²¹² Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2. 709 с.

²¹³ См. Чуглов В. И. Осложненные предложения в современном русском языке. Полупредикативные и пояснительные конструкции (в структурно-семантическом аспекте). Вологда: Издательский центр ВИРО, 2011. 237 с.

²¹⁴ См. работы И. И. Ковтуновой Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопр. языкознания. – 1986. – № 1. – С. 3 – 13. и Н. В. Лебедевой. Синтаксис поэтической речи // Рус. речь. – 1971. №1. С.27-31.

²¹⁵ Очерки истории языка русской поэзии XX в.: образные средства поэтического языка и их трансформация / под ред. В. П. Григорьева. – М.: Наука, 1995. С. 222.

линейную связь и существенно ослабить спаянность отдельных компонентов - для создания межстиховых и внутривстрочных пауз.

В поэзии П. А. Вяземского осложненные простые и сложные предложения – самый распространенный тип структур, причем монопредикативные осложненные конструкции в 2 раза более активны у Вяземского, чем у его предшественников и современников по поэтическому цеху (см. таблицу 1 Приложения А).

1. Однородные члены

Однородные члены предложения, выступая расширителями структурной схемы предложения, обладают экспрессивной и характеризующей функцией. Однородные члены для поэта — способ представления многообразия «подробностей и деталей окружающего мира, значимых для него признаков»²¹⁶. Частотность употребления однородных членов предложения отражена в таблицах 5-7.

1. Число примеров однородных подлежащих в творчестве Вяземского достаточно велико (211 рядов), и в подавляющем большинстве случаев такие ряды однородных членов состоят из 2-3-х компонентов.

При этом следует заметить, что число однородных подлежащих в поздней лирике поэта резко возрастает (более чем в два раза), увеличивается и число компонентов в рядах однородных членов, что можно объяснить описательным характером стихотворений второго периода:

*Там, где в сиянье голубом
Пестреют чудным арабеском
Гор разноцветных шишаки,
Султанов пышные жилища,
Сады, киоски, и кладбища,
И минаретные штыки. [с. 304]*

2. Однородных сказуемых в творчестве Вяземского больше, чем однородных подлежащих; довольно часто встречаются конструкции с 3-4

²¹⁶ Беднарская Л. Д. Синтаксис романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Орёл: ОГУ, 2008. С. 34.

однородными сказуемыми, употребление которых усиливает обычно динамичность событий, описываемых в стихотворных произведениях. В позднем творчестве Вяземского можно наблюдать рост числа однородных сказуемых (до 6 сказуемых в сочинительном ряду):

Вот ретивая песнь несется вдалеке:

То грядет удалью, то вдруг замрет в тоске,

И светлым облаком на сердце тихо ляжет,

И много дум ему напомнит и доскажет. [с. 345]

Объединения однофункциональных компонентов ассоциативно связывают далекие от семантической близости, демонстрируют неожиданные сближения предикативных признаков:

Как свеж, как изумрудно мрачен

В тени густых своих садов,

И как блестящ, и как прозрачен

Водоточивый Петергоф. [с. 392]

Ряды однородных членов помогают структурно уподобить фразы, создать параллелизм строения, подчеркнуть ритм и сделать мелодику напевной.

3. Среди второстепенных членов предложения Вяземский чаще всего использует однородные дополнения, а однородные обстоятельства встречаются у поэта сравнительно редко. Особо следует заметить, что в позднем творчестве Вяземского однородные определения стали встречаться в полтора раза чаще, что может также объясняться большей живописностью, изобразительностью поздних стихотворений поэта.

Как правило, ряды второстепенных однородных членов также состоят из двух-трех элементов; но есть и исключения, которые бросаются читателю в глаза. В большинстве случаев это однородные дополнения:

От шума, от раздоров,

Гостиных сплетен, споров,

От важных дураков,

Забавников докучных

*И вечных болтунов,
 С злословьем неразлучных,
 От жалких пастушков,
 При дамских туалетах
 Вдыхающих в сонетах;
 От критиков-слепцов,
 Завистников талантов,
 Нахмуренных педантов,
 Бродящих фолиантов,
 Богатых знаньем слов;
 От суетного круга,
 Что прозван свет большой,
 О милая подруга!
 Укроемся со мной. [с. 84]*

Реже пространные сочинительные ряды формируются однородными определениями и обстоятельствами:

*По-православному, не на манер немецкий,
 Не жидкий, как вода, или напиток детский,
 Но Русью веющий, но сочный, но густой,
 Душистый льется чай янтарною струей. [с. 264]*
*В стихах, записочке простой,
 В исторье, в сказках, в богословье -
 Везде найдёшь его покрой. [с. 104]*

Стихотворение «Надо помянуть, непременно помянуть надо», написанное Вяземским совместно с Пушкиным, все выстроено на рядах однородных дополнений. Н. А. Кожевникова выделяет такие однородные члены в группу случаев, когда «определенная конструкция распространена на значительную часть стихотворения»²¹⁷. Стилистический эффект здесь основан на сочетании

²¹⁷ Кожевникова Н. А. Симметричные конструкции в композиции стихотворения. Поэтическая грамматика. Том II. Композиция текста. С. 34.

однородных членов с безличными конструкциями (см.: § 2.2.4. «Безличные конструкции»).

Таким образом, предложения в лирике Вяземского могут осложняться как однородными подлежащими, так и однородными сказуемыми. При этом количественно случаев осложнения однородными сказуемыми почти втрое больше (211 контекстов с однородными подлежащими и 567 — с однородными сказуемыми), что указывает на быстроту совершения событий стихотворения. Второстепенные однородные члены предложения в некоторых случаях могут быть структурообразующими.

Тенденция к увеличению количества и удлинению рядов с сочинительной связью в поздней лирике Вяземского демонстрирует вполне явное стремление автора к усложнению синтаксической структуры стихотворных произведений.

2. Обособленные причастные обороты

В тесной связи с происходившим на протяжении ряда веков и завершившимся в основном уже к XVII столетию закреплением норм словопорядка в структуре русского предложения, XVIII столетие стало временем «усиления книжных, прежде всего церковнославянских традиций», когда достигает апогея развитие всех «звеньев простого предложения»²¹⁸. Тогда же активизируется использование причастных и деепричастных оборотов, что способствовало увеличению количества уровней синтаксической иерархии в предложении, усилению связности между отдельными компонентами, повышению информативной емкости высказывания. При этом, как отмечает Н. В. Патроева, «в стихотворных текстах середины XVIII — первой половины XIX столетия общеязыковая тенденция к снижению употребительности причастных оборотов не находит сколько-нибудь отчетливого отражения»²¹⁹.

Грамматическое значение причастных оборотов прежде всего связано с выражением категории относительного времени, таксисных значений одновременности, предшествования, редко следования во времени за действием,

²¹⁸ Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского литературного языка: учеб. пособие / Г. Н. Акимова. М.: Высшая школа, 1990. С. 7.

²¹⁹ Патроева, Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения / Н. В. Патроева. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. С. 32.

названным глаголом-сказуемым. Для поэзии характерны причастные синтагмы, с помощью которых может быть передано обобщенное значение процесса, который напрямую не связан с определенным временным моментом, а типичен либо даже может быть постоянен:

Столетия зрят они, друг другом ограждены... [с. 151]

... зефиров резвых рой

На листьях алых роз, осыпанных росой,

Утихнет и заснет... [с. 53-54]

С определительной и таксисной семантикой в полупредикативном использовании зачастую могут быть совмещены разнообразные оттенки обстоятельственных значений (причины, следствия, условия), не поддающиеся четкой дифференциации:

Душа, двойным огнем согрета,

В тебе не может охладеть... [с. 74]

И сим прикосновеньем

Как будто возрожден,

С надеждой, с утешеньем

Я встречу смерти сон [с. 87]

Обвыкший к свисту вьюг и реву непогоды,

Приветствую душой и песнью первый снег... [с. 130]

Встревоженный тобой, от сна встаю... [с. 144]

Помимо разнообразия выражаемых значений, в поэзии П. А. Вяземского обращает на себя большая протяженность многих причастных групп:

Уже тебя мечтою

Я, утренней порою,

Бегущей вижу в сад,

Для неги и прохлад

И Флорой и тобою

Украшенный стократ! [с. 85]

Как покажусь я перед трон мишурный

Владычицы, из своенравной урны

Кидающей подкупленной рукой

Дары свои на богомольный рой... [с. 110]

Ни алчность, ни зависть не тревожит

Его, сидящего при светлом ручейке

Или в объятиях своей супруги нежной [с. 53]

За немногочисленными исключениями, в поэзии П. А. Вяземского не встречаются многие устаревшие уже к концу пушкинской эпохи конструкции, например, усеченные причастия, несогласованные причастные обороты (возникшие под влиянием французского); редки обороты с подлежащим внутри или сочинительные ряды с причастием и деепричастием:

Другая – радостно в грядущее вступая

И знающая жизнь по первым утрам мая,

На празднике весны в сиянье молодом

Свежеет розою и вьется мотыльком... [с. 265]

С небес запавшая она в сосуд скудельный,

Иль гаснет без вести, или сожжет сосуд! [с. 186]

Причастия в лирике Вяземского служат не столько «для номинации микроситуации»²²⁰, сколько для характеристики того или иного явления, а потому не столько способствуют сюжетоведению, развертыванию мотивов лирического произведения, сколько формируют категорию оценочности, усиливают «признаковость» стихотворного текста:

И дворец, почивший сном,

И крылатый лев заблещет... [с. 317]

Россию знаете по Невскому проспекту

Да по симбирскому бурмистру, в верный срок

К вам привозящему ваш годовой оброк... [с. 272]

И предо мной разодралась завеса,

²²⁰ Кормилицина М. А. Семантически осложненное (полипрозитивное) простое предложение в устной речи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. С. 70.

Скрывавшая минувшего картину... [с. 287]

В лирике страдательные причастия зачастую вводят мотивы судьбы и жестокого мира, приносящих несчастье:

Судьбою злой гонимая жестоко,

Свой красный день ты тратишь одиноко... [с. 195]

Надежды глас замолк – и на пути,

Протоптанном действительностью холодной,

Уж новых мне следов не провести. [с. 261]

Душе, затертой льдом в холодном море света, <...>

У тихой пристани приятно отогреться... [с. 264]

В других случаях причастные группы помогают формированию пейзажных зарисовок и ярких образов, и потому способны передавать так называемое «перцептивное» время:

И светлый день, купающийся мирно

В прозрачной влаге воздуха и неба... [с. 287]

Вдали громада сел, лежащих по горам,

Луга, платящие дань злачную стадам,

Поля, одетые волнующимся золотом... [с. 82]

Ты не поморщился вовек

Ни блеска сабельных ударов,

Светящихся над твоим челом,

Ни с разогретого арака,

Желтеющего за стеклом

При дымном пламени бивака! [с. 74]

И вздрогнет тьма, обрызганная блеском. [с. 286]

Важная функция причастных оборотов, встречающихся в лирике П. А. Вяземского – выражение состояния лирического героя, его собственных движений, поступков, характеристика определенных свойств личности:

Здесь он страдал, томился здесь когда-то...

Он, заживо познавший свой закат. [с. 313]

*Иль, увлекаемый окрестною картиной,
Он бродит по твоим красивым берегам... [с. 82]
В двух дюжинах поэм воспевший предков сечи,
Глаголом ни стиха наш лирик не убил [с. 135]*

Обособление причастий позволяет Вяземскому актуализировать позицию определенного тропа или фигуры, которые формируются с использованием причастной группой (это в первую очередь метафора; иногда возможны умолчание, ирония, зевгма):

*И предо мной разодралась завеса,
Скрывавшая минувшего картину... <...>
И светлый день, купающийся мирно
В прозрачной влаге воздуха и неба... [с. 287]
Подъятые неведомою силой
С глубокого таинственного дна,
В душе моей воспоминаний волны
Потоком свежим блещут и бегут... [с. 286]
Из волн, целующих ее,
Мне веют речи дивной девы... [с. 203]
«Здесь Бурцов, друг пиров молодых,
Сном вечности и хмеля спящий» [с. 74]*

3. Обособленные деепричастные обороты

Деепричастные обороты, как и причастные обособленные группы, участвуют в формировании категории таксиса и категории художественного хронотопа, передавая разнообразные темпоральные значения, указывающие на соотношение главного и второстепенного действий (как правило, деепричастиям Вяземского свойственно значение предшествования):

*И, пожелав им доброй ночи,
Сзовем к себе друзей своих... [с. 74]
Потом, обнявшись, в безмолвии, домой
Пойдете медленно вкушать ночной покой [с. 54]*

И, обмакнув в душистые чернила

Перо свое, малюет мадригал... [с. 110]

Различные виды обстоятельственных значений (уступки, причины, условия, например) способны тесно переплетаться с временными оттенками:

Кто, не учась, других охотно учит... [с. 79]

Не знавшись с музами,

они б цвели душой... [с. 72]

Дай радость мне, уединясь с тобою,

В тиши страстей, с спокойною душою,

И, не краснев пред тайным судьей,

Бывалого в себе найти... [с. 111]

Вяземский иногда проявляет склонность к использованию солецизмов – поэтических «неправильностей» – грамматического характера. Так, в некоторых безличных предложениях, очевидно, в силу присутствия наречного, а не глагольного предиката, употребление деепричастной группы может восприниматься как «неправильное»:

Друг друга поприжав, нам будет всем просторно... [с. 218]

Мне грустно, на тебя смотря... [с. 168]

Иногда Вяземский отступает от привычных норм сочетаемости и управления. Например, отступление может быть обусловлено переносом типа управления с невозвратного деепричастия на рефлексивное, контаминацией их грамматических свойств и лексических значений:

Приятно находить, попавшись на чужбину,

Родных обычаев знакомую картину... [с. 264]

Есть пример галлицизма – независимого, или абсолютного, деепричастного оборота, имеющего иной, нежели сказуемое, субъект действия (не подлежащее, а неназванный даже в контексте лирический герой – носитель состояния):

Как чувства отдыхают нежно,

Любуясь сельской тишиной! [с. 167]

Деепричастия, по причине своего происхождения от причастий, обычно образуются от церковнославянских, «высоких» глаголов. У Вяземского, в нарушение сложившихся языковых и поэтических традиций, используются деепричастия-«прозаизмы», обладающие «сниженной» окраской:

А рифма, надо мной ругаясь, мне перечит... [с. 126]

Мужей в рогах...

Найдешь у вас,

Как и у нас,

Не пяля глаз [с. 56]

И рифма праздная, обезобразив речь,

Хоть стих и звучен будь, — ему как острый меч [с. 126]

Основной для деепричастных оборотов Вяземского оказывается функции выражения внутреннего состояния:

Мы медленно пойдём, рука с рукой,

Бродить, мечтам предавшись потаенным... [с. 65]

Печально свой век доживая,

Мы запоздавшей смены ждем.

С днем каждым сами умирая,

Пока не вовсе мы умрем. [с. 270]

Деепричастные синтагмы задействуются в создании разнообразных тропов и фигур:

Кто, на стихе моем повиснув,

Вскарабкавшись, с поэмой всплыл;

Кого, живой водою sprыснув,

Я от угара протрезвил [с. 233]

Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,

Румяных щек твоих свежей алеют розы... [с. 131]

Забавник Шутовской, шутя, соседов ссорил... [с. 88]

Боясь в дверях бессмертья душной давки,

Стремглав не рвусь к ступеням книжной лавки... [с. 193]

*Иль — их, забывшиися, прочли,
Иль — прочитавши, позабыли!* [с. 195]
*Теснясь в рядах прислуженцев властей,
Иду тропой заманчивых сетей...* [с. 110]
*За валом низвергая вал,
Сердитый, дикий, величавый,
Перебегай ступени скал!* [с. 166]

4. Обособленные адъективные обороты

До конца восемнадцатого столетия «полупредикативное функционирование прилагательных, как полных, так и кратких, наблюдалось относительно редко»²²¹, и только на протяжении всего XIX в. исследователи фиксируют существенный рост употребительности адъективных синтагм, что было связано не только с развитием подчинительного строя предложения, но и с изменением языка художественной литературы²²².

Семантика большинства адъективных оборотов оказывается атрибутивной, поскольку главное их предназначение – служить средством выражения эмоциональной оценки, быть эпитетом:

*Пусть в храмине опрятной,
Уютной и приятной
Для граций и друзей,
Слепить не будут взоров
Ни выделка уборов...* [с. 95-96]
Был пламенный Петров, порывистый и сжатый... [с. 190]
*Непосвященный жрец, неведомый себе,
Свой жребий в вашей я угадывал судьбе* [с. 189]
Жал руку, нежную в самом сопротивленьи... [с. 131]
Люблю в вечерний час, очарованья полн,

²²¹ Ковтунова И. И. Изменения в системе осложненного предложения // Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века: очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. М.: Наука, 1964. С. 427.

²²² Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского литературного языка: учеб. пособие / Г. Н. Акимова. М.: Высшая школа, 1990. С. 50.

*Прислушиваться, о Волга величава,
 Глас поэтический твоих священных волн... [с. 82]
 Надолго ли при вас, свободный от забот,
 Вам преданный, вкушал я блага драгоценны!.. [с. 192]
 И от нее ударит яркий луч
 На жребий твой, в беспечности счастливый... [с. 168]
 Наперсник фей и граций,
 Веселый, как Гораций,
 И сумрачный порой, <...>
 Придет нас восхищать... [с. 87]
 И к добродетели, душе твоей столь близкой,
 Ты сердце приучал... [с. 191]*

Однако семантическая палитра обособленных групп с именами прилагательными обогащается, хотя и нечасто у Вяземского, обстоятельственными оттенками (причины и уступки):

*И, чувствам чуждая, душа, еще младая
 Живет в предчувствии, грядущим обладая [с. 184]
 Иной, бесстрашный в ратном поле,
 Застенчив при дверях вельмож... [с. 74]
 И лучших благ земли и поздних дней достойный,
 Увы! не выдержал ты пыла мысли знойной... [с. 186]*

Как и в сфере причастных и деепричастных оборотов, Вяземский, используя адъективные обособленные конструкции, неохотно допускает в свои стихи уходящие уже из языка явления, например, усеченные формы прилагательных (правда, у Вяземского они единичны):

*Так славные их дни, согражданам священные,
 Сольются, круг свершиа, с бессмертием в веках! [с. 83]*

Прилагательное может распространяться примыкающим инфинитивом (конструкция, усвоенная под французским влиянием²²³) с целевым и объектным значением:

Бессильный поражать плод зрелый зрелых сил,

Что день, под острие кладет пустого жала

Досугов молодых счастливые начала... [с. 150]

5. Обособленные субстантивные обороты

Как и в области адъективных оборотов, интенсивный рост субстантивных синтагм совершается в пушкинскую эпоху, что связывается с новыми веяниями в сфере художественной речи (об этом подробно пишет Г. О. Винокур в работе «Пушкин и русский язык»²²⁴): помимо собственно грамматической причины активизации обособленных приложений (развитие подчинительного строя предложения), стремление к активизации использования субстантивных оборотов обусловил интерес поэтов нового времени к созданию метафорических перифраз, удобным средством для чего как раз и оказались обороты с именами существительными. Значительную роль в развитии субстантивных оборотов сыграли синтаксические кальки, выполненные с французского языка, которые культивировались представителями «нового слога»²²⁵.

Сопоставительные наблюдения подтверждают, что П. А. Вяземский прибегал к использованию субстантивных обособленных конструкций намного чаще (в среднем в 2 раза!), чем его собратья по перу (см. таблицу 2 в приложении к монографии Н. В. Патроевой «Поэтический текст: категория осложнения»).

Устаревшие к началу девятнадцатого столетия абсолютные субстантивные обороты («сочетания предикативно окрашенных обособляющихся имен существительных со сказуемыми, которым формально принадлежит другое

²²³ Чернышев В. И. Язык и стиль стихотворений Е. А. Баратынского / Избр. труды: в 2 т. М. Просвещение, 1970. Т. 2. С. 135.

²²⁴ Винокур Г. О. Пушкин и русский язык // О языке художественной литературы: учеб. пособие / Г. О. Винокур. М.: Высшая школа, 1991. С. 158—179.

²²⁵ Ковтунова И. И. Изменения в системе осложненного предложения // Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века: очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. М.: Наука, 1964. С. 440.

лицо»²²⁶) встречаются, как и у иных поэтов пушкинской поры, у Вяземского (больше таких репрезентаций у раннего Вяземского):

Дней Петровых современник,

Взяли в плен его враги... [с. 276]

И, званьем раб, душой — к свободе вознестись?... [с. 128]

На рубеже веков наш с предками посредник,

Заветов опыта потомкам проповедник,

О суточных врялях ему ли помышлять? [с. 150]

Дочь туманного созвездья,

Красных дней и ей не знать... [с. 236]

По мнению А. А. Камыниной, «в качестве обособленного приложения может употребляться любое существительное (а также его функциональный эквивалент): аппозиция не знает лексических ограничений»²²⁷, однако не все лексико-грамматические разряды существительных оказываются одинаково активными при формировании обособленных субстантивных групп. Наиболее широко П. А. Вяземским используются обособленные структуры с одушевленным конкретным личным существительным. Подобные конструкции выполняют в первую очередь функции добавочной качественной характеристики героя, предмета описания:

И, по морю сует

Пловцы неосторожны,

Мы часто брали ложный

Путь гибели и бед... [с. 84]

На музу русскую, полей привольных дочь,..

Надели мы корсет и оковали в цепи... [с. 307]

С кровли аист долгоногой

Смотрит, верный домосед, —

Добрый друг семьи убогой,

²²⁶ Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: фонетика, морфология, ударение, синтаксис. М.: Учпедгиз, 1954.. С. 266.

²²⁷ Камынина А. А. О двух функциях аппозиции в простом предложении современного русского языка / А. А. Камынина // Вопросы русского языкознания: сб. ст. / МГУ. М., 1980. Вып. 9. С. 21.

Он хранит ее от бед... [с. 293]

С помощью обособленного оборота с одушевленным существительным при определяемом, называющем неодушевленный предмет поэт зачастую создает особый метафорический контекст. Например:

А телеграф, всемирный сплетник,

И лжи и правды проводник,

Советник, чаще злой наветник,

Дал новый склад нам и язык [с. 284]

Бриг несетя орлом средь воздушных равнин,

Змий морской, он скользит по поверхности зыбкой. [с. 285]

Закоптив неба свод, вот валит пароход <...>

Огнедышащий кит, море он кипятит... [с. 285]

Обособленные обороты с неодушевленным существительным также, но редко, участвуют в создании метафорических перифраз в стихотворениях Вяземского, поскольку свойство переносится с неживого на живой предмет:

Выступает верблюдо.

Ладия и телега

Беспромышленных стран,

Он идет до ночлега. [с. 297]

Использование существительных в переносном значении иногда приводит к контекстуальной утрате формы множественного числа или приобретению свойств одушевленности у главного для оборота слова либо у имени в обороте по аналогии с определяемым или определением:

И, мать сердечных снов и лени,

Еще в вас дремлет тишина... [с. 340]

Не видал, хоть из окна,

Живописного Монблана –

Гор царя и великана. [с. 343]

Обособленные субстантивные обороты, равно как и причастные и адъективные, чаще всего имеют атрибутивное значение:

*Под ним полтавский конь, предтеча горделивый
Штыков сверкающих и веющих знамен [с. 118]*

Более часты у Вяземского обособленные субстантивные группы, выражающие обстоятельственное (обычно каузативное) значение:

Пловец, он доверяет морю... [с. 344]

*Несостоятельный журнальный Фигаро,
Желающий свое осеребрить перо,
С проектом Верхолет, воздушных замков зодчий,
Простроил он давно на них запас свой отчий... [с. 348]*

*Разносторонний ум и вместе специальный,
И примадонне он, и бабке повивальной
Все тайны ремесла готов преподавать... [с. 349]*

*Педант, он не давал в делах и на пиру
Напрасно остывать ни супу, ни добру. [с. 349]*

Субстантивные обороты способны создать ситуацию, при которой автор «загадывает», а читатель «узнает» лицо; это та характеристика, тот портрет, который нередко создает необычные, оксюморонные сочетания:

*Пылают: красоты угодник —
Роскошной душеньки певец,
Теоса мудрый греховодник
И соблазнительный мудрец —
Наставник счастья Гораций... [с. 101]*

*И кучер, мумия живая,
Животным допотопным стал... [с. 300]*

Повторы, которые создаются при помощи конструкций с аппозитивными сочетаниями, выполняют целый ряд функций (в частности, ритмообразующую, композиционную и экспрессивную):

*Страстей мятежных раб, корысти раб послушный,
Раб светских прихотей иль неги малодушной,
Равно унизил он свой промысл на земле. [с. 183]*

*Настал любви условный час,
Час упоений, час желаний...* [с. 81]

Преобладание субстантивных оборотов над всеми иными разновидностями осложняющих конструкций свидетельствует, очевидно, о проявлении в лирике Вяземского тенденции к оценочно-перифрастическому и именному построению текста.

6. Косвенно- и предложно-падежные обороты

Как отмечает В. В. Виноградов, «ускоренный рост отвлеченно-аналитических значений предлогов в русском литературном языке был поддержан и обострен влиянием западноевропейских языков, преимущественно языка французского. Ускорение этого процесса падает на вторую половину XVIII в.»²²⁸. Изменение данной языковой системы указывает на развитие и последующее углубление новых, аналитических элементов в системе русского языка новейшей эпохи; если в поэтических текстах середины XVIII века обособленные предложно-падежные конструкции были представлены скудно²²⁹, то с начала XIX столетия они постепенно и неуклонно расширяют свое функционирование в различных стихотворных жанрах (в поэзии Г. Р. Державина, И. А. Крылова и Н. М. Карамзина), и этот процесс активизации экспрессивно-стилистического использования предложных конструкций получает дальнейшее развитие в лирике эпохи романтизма (К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, Н. М. Языкова).

Используемые П. А. Вяземским в качестве обособленных предложно-падежные конструкции содержат, как правило, непрямые предлоги, реже — наречные, деепричастные или субстантивные по происхождению:

*По Парнасу, по судам,
От архонтов до поэтов,
Волю все дают рукам...* [с. 160]

Среди оборотов с производными предлогами встречаются колебания в формах сочетаемости служебных слов с косвенными падежами имен: так, в

²²⁸ Виноградов В. В. Пушкин и русский литературный язык XIX века / В. В. Виноградов // Пушкин — родоначальник новой русской литературы / АН СССР. М.; Л., 1941. С. 569.

²²⁹ см. табл. 2 в Приложении к монографии Н. В. Патроевой «Поэтический текст: категория осложнения».

анализируемых текстах содержится устаревавшая на протяжении XIX в. репрезентация предлога вопреки с родительным падежом, определяемая выбором рифмы:

*Не будем, вопреки природы
И гласу сердца вопреки,
Свои предупреждая годы,
Мы добиваться в старики!* [с. 106]

В стихотворных текстах П. А. Вяземского встречается сочетание предлога «благодаря» с винительным падежом, хотя такая конструкция в начале XIX века стала менее употребительной, сменившись группами с дательным падежом²³⁰:

*Не столько труд тяжел в Нерчинске рудокопу,
Как мне, поймавши мысль, подвести ее под стопу
И рифму залучить к перу на острие.*

<...>

*В стихах моих не раз, ее благодаря,
Трус Марсом прослышет, Катоном — льстец царя...* [с. 126]

Как отмечает В. В. Виноградов, предлог здесь «не только поддерживает и усиливает значение падежей, но и дополняет, специализирует, осложняет их в том или другом направлении»²³¹.

Самой продуктивной среди предложно- и косвенно-падежных обособлений группой в стихотворениях П. А. Вяземского являются атрибутивные, в том числе образа действия:

*И многие слова, величиной с Федору,
Находят в нем приют... [с. 308]
Пусть Вестник, будто бы Европы,
По-европейски говорит,
И разных глупостей потоны
Рассудка солнце осушит.* [с. 152]

²³⁰ Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: фонетика, морфология, ударение, синтаксис / Л. А. Булаховский. – М.: Учпедгиз, 1954. С. 352.

²³¹ Виноградов В. В. Пушкин и русский литературный язык XIX века / В. В. Виноградов // Пушкин — родоначальник новой русской литературы / АН СССР. – М.; Л., 1941. С. 555.

Люблю один, без цели, тихим шагом,

Бродить по полю... [с. 288]

Кто к сим берегам склонил торговли алчной крылья,

И стаи кораблей, с дарами изобилья,

От утра, вечера и полдня к нам пригнал?.. [с. 119]

Вот снуют здесь и там, против волн, по волнам,

Челноки... [с. 296]

Значительную роль в формировании поэтической «картины мира» Вяземского играют предположно-падежные обороты, обладающие значением обстановки (экспозиции, состояния), с помощью которых передаются цвета, звуки и запахи окружающей среды:

Там на лодках, в тени, загорелись огни... [с. 296]

В деревне ты живешь, спокойный друг природы,

Среди кудрявых рощ, под сению свободы! [с. 53]

И крылатый лев заблещет,

И спросонья, при луне,

Он крылами затрепещет... [с. 317]

Потом, обнявшись, в безмолвии, домой

Пойдете медленно вкушать ночной покой... [с. 54]

Среди оборотов с обстоятельственными отношениями преобладают у Вяземского каузативные и временные:

Из зависти к Наполеону

И чтоб потешить англичан,

Уж не Вандомскую ль колонну

Украл и сунул я в рыдван? [с. 300]

Чтоб стих мой сердцу мог, в минуты неземные,

Как верный часовой, откликнуться: Россия! [с. 261]

Неактивны в стихотворных текстах Вяземского обособленные группы, имеющие значение места, направления, поскольку локальная семантика обычно тесно переплетается с ситуативно-экспозиционной:

Отважно на морях ты, по следам горячим

Улисса, странствуешь... [с. 308]

К еще более редким относятся целевые и результативные по значению обороты:

Но, строгий для других, иль буду к одному

Я снисходителен себе, на смех уму? [с. 72]

Когда корысть, не зная страха,

Не будет в храминах суда,

И в погребях, в презренья Вакха,

Вино размешивать вода? [с. 80]

При этом семантика, которой обладают предложно-падежные обороты, зачастую оказывается недифференцированной, синкретичной, осложненной в ходе совмещения группы оттенков. Данная нечеткость, диффузность обуславливается, вероятно, спецификой поэтического дискурса:

Страшен этот, в тьме ночной,

Поединок с темным роком... [с. 311]

Вечно возишься ты, беспокойное море,

Не уляжешься ты, и, с собою в борьбе,

Словно тесно тебе на свободном просторе. [с. 294]

Но здесь, за чашей круговой,

Клянусь Давыдовым и Вакхом... [с. 74]

Гораций, всех веков по духу современник,

Поэт всех возрастов, всех наций соплеменник,

Которому всегда довольны, в смех и в грусть... [с. 187]

Атрибутивные, каузативные значения переплетаются с целевыми, пространственными и временными.

Выделение предложно-падежной формы автором обычно необязательно, если говорить о формировании структуры предложения – оно реализует коммуникативную функцию, акцентируя определенную часть высказывания, сосредоточивая на этой части большее внимание адресата... «Обособление этого

рода иногда называют «авторским», то есть субъективным. Действительно, оно как будто не имеет объективных причин. <...> Говорящий здесь в значительной степени свободен, он может быть склонен или не склонен к такого рода обособлениям»²³², — отмечает А. Ф. Прияткина. Здесь с помощью обособления выражается авторское намерение усилить и подчеркнуть определенные элементы текста, что помогает читателю в прогнозируемом автором заранее процессе интерпретации высказывания.

7. Сравнительные обороты

Хотя большинство сравнительных оборотов формируются прежде всего именительным падежом существительного, у Вяземского встречаются и конструкции с иными частями речи в качестве стержневых слов:

Смелый Карл и Петр могучий,

Разгоревшие враждой,

Как две огненные тучи,

Разразились над тобой. [с. 278]

И, по несчастью, злое семя,

Как прежде, цвета не дает. [с. 226]

При помощи таких союзников, как встарь,

Из од своих бы мог составить рифм словарь... [с. 126]

Никто из братии твоей,

Как ты, не рыскал так проворно... [с. 284]

В рамках сравнительной конструкции возможна реализация отношения двух основных типов: «X больше, чем Y» (несимметричные) и «X такой же, как Y» (симметричные)²³³. Симметричные отношения обычно преобладают при выражении образного сравнения, обычно вводимые с помощью союза «как»:

Свобода в нас самих: небес святой залог,

Как собственность души, ее нам вверил бог! [с. 129]

²³² Прияткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения / А. Ф. Прияткина. – М.: Высшая школа, 1990. С. 153-154.

²³³ См. Лекомцева М. И. Семантика сравнения // Текст: семантика и структура: сб. ст. М., 1983. С. 173—179.

Его синонимы, модально-сравнительные союзы как будто, будто, словно, у Вяземского представлены очень скупо, например:

*... в таинственной тиши,
Как будто отзыв погребальный,
Несется с башни бой часов... [с. 377]
И смотрят у него, как будто с полотна,
Воинственный Ермак и модная жена. [с. 363]
... полдень: будто пчелы,
Из ульев набожных трудов,
Расправя крылья золотые
Спешат святоши молодые. [с. 177]
В сладком обаянье
Душа притихла, словно в чудном сне. [с. 371]
Он, словно из лебяжьей ткани,
Пушист и светит белизной... [с. 399]
На тебе горят алмазы,
Словно яркие лучи. [с. 301]
Льетса Эльба, сияя,
Словно зеркальный путь,
Словно зыбкую ртуть
Полосой разливая. [с. 314]*

Если оборот образного сравнения относится к субъекту и признаку (основанию сопоставления), выраженным косвенно-падежными словоформами, то конструкция утрачивает морфологический параллелизм, поскольку объект сравнения представлен именительным падежом:

*На музу русскую...
Надели мы корсет и оковали в цепи
Ее, свободную, как ветер свободной степи. [с. 307]*

Несимметричные отношения между субъектом и объектом выражаются прежде всего сравнительно-противопоставительными оборотами, которые

включают в себя «три взаимосвязанных семантических компонента: сравнение, степень и отличие. Два лица, предмета или признака сравниваются на основе общего для них признака, не только с точки зрения проявления...»²³⁴. Сравнительно-противопоставительные отношения между явлениями обычно выражаются с помощью союзов «нежели» либо «чем». Как отмечает Н. А. Широкова, «нежели» оставался ведущим среди сравнительно-противопоставительных показателей вплоть до конца XVIII в., и в литературном языке первой половины XIX столетия этот союз еще достаточно активен, употребляясь в 30 % оборотов данного типа²³⁵. Интересно, что у Вяземского в стихотворении 1830 г. встречается употребление союза «как и» с целью выразить сравнительно-противопоставительные отношения:

*Иль чертовщину прозой драл,
Не хуже, как и между нами,
Дерет ее иной журнал?.. [с. 226]*

(В соответствии с данными, представленными Н. А. Широковой, «как» в сопоставительно-противопоставительном значении уже не использовался во второй половине XIX века). Союз нежели в сравнительных оборотах Вяземского не представлен, а союз чем используется только в трех контекстах 1820-х гг.:

*Когда мороз дерет по коже,
Мне теплая постель дороже,
Чем ваша прыткая езда. [с. 214]*
*И день иной нам памятной, чем ряд
Бесплодных лет, что выдохлись, как чад. [с. 193]*
Незванный гость досадней, чем татарин. [с. 141]

Встречаются в поэзии Вяземского и так называемые «двучленные» сравнительные обороты – конструкции, пограничные между собственно обособленными оборотами и сравнительными придаточными частями сложных конструкций:

²³⁴ Прияткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990. С. 97-98.

²³⁵ Широкова Н. А. Из истории союзных конструкций, выражающих отношения сравнения. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1966. С. 164-167.

Он прочь задумчиво побрел;
 Шатался, медленно кружился
 И наземь тихо повалился,
 Как жидкая под ветром ель [с. 62]
 Ветром тронутый, тоскуя
 Запоем ли темный лес,
 Как Мемнонова статуя
 Под златым лучом небес [с. 319]
 С землей прощаясь, день на пурпурном одре
 Одеся пламенем, как Феникс на костре. [с. 380]
 Яркие лоснятся вершины,
 Словно злато на огне... [с. 336]

Таким образом, спектр сравнительных оборотов, встречающихся в творчестве Вяземского, многообразен как по синтаксическому строению, так и по семантике, выступая основным средством формирования такого распространенного тропа, как сравнение, «поскольку через сравнение поэт обычно выражает свое отношение к предмету мысли... в сравнениях реализуется одновременно и эмоциональность, связанная с образным потенциалом сравнения и модальности, обусловленная авторской оценкой называемого»²³⁶.

Вяземский не чурается банальных сравнений:

И где уездные Париды,
 Боясь красавиц, как чумы... [с. 156]
 Волю беглым дав рукам,
 Карп стихи, как сено, косит... [с. 160]

Но даже, казалось бы, используя привычные для всех нас сравнительные обороты, поэт иногда позволяет себе языковые вольности. В частности, в стихотворении «Ночь в Ревеле», Вяземский, описывая море, сравнивает его с

²³⁶ Очерки истории языка русской поэзии XX в.: образные средства поэтического языка и их трансформация / под ред. В. П. Григорьева. М.: Наследие, 1995. С. 114.

тигром, но не останавливается на этом и отмечает, что «море скалит волны» (вместо ожидаемого «скалит зубы»).

*Что ты, в радости ль, во гневе ль,
Море шумное, бурлишь
И, как тигр, на старый Ревель
Волны скалишь и рычишь [с. 276]*

В некоторых случаях для понимания стихотворений Вяземского нужно иметь представление о литературном контексте того времени: таким образом сравнительные обороты представляют собой средство создания аллюзий и реминисценций, что позволяет говорить нам о категории интертекстуальности (причем и как «установку на более углубленное понимание текста»²³⁷ со стороны читателя, и как «способ <...> постулирования собственного поэтического «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов»²³⁸. При этом наличие в таком тексте антропонимов представляет собой указание на прецедентное имя или ситуацию, на предшествующий текст, «указывая на существующие интертекстовые связи, либо на источник трансформированной цитаты, следующей за сравнительным оборотом»²³⁹. Рассмотрим отрывок из стихотворения «К подруге»:

*И, может быть, молодой
Наперсник фей и граций,
Веселый, как Гораций,
И сумрачный порой,
Как самый Громобой... [с. 87].*

Здесь в качестве прецедентной номинации вводится имя античного поэта, а затем оным Громобой – герой баллады Жуковского «Двенадцать спящих дев».

Вяземский в сравнительных оборотах отсылает читателя и к поэмам Пушкина:

²³⁷ Фатеева Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе. // Известия АН. Серия литературы языка. 1997. Т. 56. №5. С. 12

²³⁸ Фатеева Н. А. Там же. С. 13.

²³⁹ Ляпидевская М. Е. Интертекстовые антропонимические единицы в творчестве Н. С. Лескова (структурный аспект). // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Выпуск № 19 . Т. 2 . 2006. С. 58.

*И не начнешь в сердцах, забыв и страх и грех,
Как Демон Пушкина, злословить всё и всех [с. 273]*

и к творчеству Гоголя (аллюзия на поэму «Мёртвые души»):

*И, чтоб нажать друзей, как Чичиков другой,
Он души мертвые скупает. [с. 280], -*

и к басне Крылова «Демьянова уха»:

*Боюсь, меня стихов ухою
Замучите вы, как Демьян [с. 394]*

В стихотворении «Байрон» Вяземский продолжает разработку темы античной мифологии:

*То слово - тайное и роковое бремя,
Которое тебя тревожило и жгло,
Которым грудь твоя, как Зевсово чело,
Когда им овладел недуг необычайный,
Тягчилась под ярмом неразрешенной тайны! [с. 186]*

В этом контексте Вяземский ссылается на миф о рождении богини Афины из головы Зевса, и проводит необычную аналогию между Зевсом, беременным Афиной и Байроном, «беременным» словом, которое «жгло и тревожило» поэта.

При этом Вяземский черпает сравнения не только из греческой, но и из славянской мифологии (здесь сравнения одновременно предстают как перифразы: под «гласом Перуна» и «стрелой Перунного огня» понимаются гром и молния):

Иль, как Перуна глас, казнит слепых невежд

<...>

*И мыслью, как стрелой Перунного огня,
Вдруг освещаешь ночь души и бытия! [с. 185]*

Также в пределах одного стихотворного контекста Вяземский может использовать сравнительные обороты, отсылающие нас к разным мифологическим реалиям:

*И гроб, твой ранний гроб, как Фениксов костер,
Благоухающий и жертвой упраздненный,*

*Бессмертья светлого алтарь немой и тленный,
Свидетельствует нам весь подвиг бытия.*

Гроб, сей Ираклов столп, один был грань твоя... [с. 186]

Также Вяземский обращается и к сюжету из Одиссеи, хотя в данном случае контекст не позволяет однозначно определить, что же именно имел в виду автор:

*Шенье! в трудах твоих решился бы тот спор,
Что к музам внес вражду междоусобных ссор
И вечно без конца, как подвиг Пенелопы,
Не довершен ни мной, ни «Вестником Европы». [с. 188]*

Редки в творчестве Вяземского сравнительные обороты, отсылающие нас к христианской религии. К числу таких можно отнести контекст из стихотворения «Литературная исповедь», где поэт, исповедуясь, хочет очистить душу и сравнивает такое очищение с обнажением первого из людей:

*При случае хочу - и с позволенья дам -
Я обнажить себя, как праотец Адам. [с. 331]*

Некоторые из контекстов, содержащих сравнительные обороты, требуют от читателя широких культурно-исторических познаний. Так, в стихотворении «Проезд через Францию в 1851 г.» поэт, описывая почтовых лошадей, упоминает об их исчезновении (уже в то время поездки на почтовых лошадях активно вытеснялись железнодорожными перевозками) и характеризует Буцефала как миф:

*Когда и лошадь почтовая -
Какой-то миф, как Буцефал... [с. 300]*

Однако на самом деле Буцефал не является мифическим существом – это реально существовавший конь Александра Македонского.

Приведенные выше примеры указывают на то, что сравнительные конструкции, встречающиеся в поэзии Вяземского, наполнены интертекстуальным смыслом, который требует для своего истолкования от читателя достаточно широкого культурного кругозора.

Многофункциональность союза в сочетании с ироничностью и метафоричностью поэтических контекстов способны актуализировать позиции омонимии и нейтрализации разных с точки зрения семантики компаративных синтагм:

Я хандру свою лелею,

Как любви своей сестру. [с. 236]

Я соврал, как питомец верный,

Кому кормилец — Аполлон... [с. 155]

8. Другие типы обособленных оборотов

Обособленные обороты с наречием, компаративом, суперлативом наречия или прилагательного, инфинитивом в качестве стержневого слова – редкий вариант осложнения структуры предложения, однако П. А. Вяземский сравнительно часто использует адвербиальные обороты. Как правило, в его стихах обособляются одиночное наречие или – редко – распространенное зависимым словом наречие, либо два-три однородных адвербиальных оборота:

Не сонный, наяву, я зрел две смерти рядом... [с. 273]

Давно ль, с любовью пополам,

Плели нам резвые хариты

Венки, из свежих роз увиты... [с. 63]

Качественные значения наречий помогают создать синонимические и антонимические ряды, что позволяет усилить связность компонентов поэтического дискурса:

Огнедышащая сила,

Силам адовым сродни,

Нас уносит непрерывно... [с. 310]

Со всех сторон, и кстати и некстати,

В сто голосов звучит в его ушах... [с. 224]

Речь заводишь - словно гусли,

Разыграются стихи,

Так и скачут, так и льются,

Крупно, звонко, горячо... [с. 243]

Компаративные и суперлативные обороты с формами имен прилагательных и наречий – также встречаются в поэзии Вяземского:

Друзей сзови; но двери на замок

От тех гостей, которых запах тонкий,

Издалека принюхав сочный дух,

И навыком уж изощренный слух,

Прослышавший позывный звон тарелок,

Ведут к столу — вернее лучших стрелок... [с. 140]

Его счастливее — как русский и поэт —

Екатеринин век Державин предал свету... [с. 120]

Средь пиршества земли, за трапезой осенней,

Прощальной трапезой, тем смертным драгоценней,

Что зимней ночи мрак последует за ней,

Как веселы сердца доверчивых гостей. [с. 235]

Учись, как труженик иной,

Безмолвней строгого трапписта,

С колодой вечных карт в руках

Доигрывает роберт виста... [с. 199]

Я этот час люблю — едва ль не лучший дня... [с. 266]

9. Вводные конструкции

Категория вводных слов сравнительно поздно сформировалась в синтаксической системе русского литературного языка: как отмечает В. А. Ицкович, только на протяжении «на протяжении XVIII века расширяется круг семантических разрядов вводных слов и предложений, увеличивается количество вводных слов и предложений, и к концу века наблюдается большинство разрядов, функционирующих в современном языке»²⁴⁰.

²⁴⁰ Ицкович В. А. К истории вводных слов и предложений в русском языке / В. А. Ицкович // Вопросы русского языкознания / Львовский гос. ун-т. Львов, 1960. Кн. 4. С. 122.

В анализируемых поэтических текстах функционируют следующие группы вводных слов по их семантике:

1. конструкции, с помощью которых выражается разная степень достоверности излагаемого сообщения (демонстрируется предположение, возможность, уверенность-неуверенность и т. п.):

Месяц в небе из-за тучи,

Наверно, мерзнет, как и мы. [с. 214]

Конечно, к деньгам страсть есть признак ненавистный,

Но сами, господа, вы вовсе ль бескорыстны? [с. 409]

Знать, он в любви был несчастлив! [с. 90]

Шьют ровной, кажется, иглой,

Но видишь, всматриваясь строго,

Что каждый шьет на свой покрой. [с. 104]

Вам злиться, право, не под стать. [с. 165]

2) вводные слова и сочетания слов, с помощью которых выражаются логические отношения между компонентами высказывания (демонстрируется связь мыслей между собой, части предложения противопоставляются или выделяются, указывается на особую последовательность изложения мыслей, расставляются смысловые акценты, производится резюмирование, обобщение):

Что Пушкин, наконец, гроза плохих писак,

Пожав бы руку мне, сказал:

«Вот это так!» [с. 335]

Напротив, в скуке обоюдной,

В кругу безвыходном верчусь [с. 345]

Вот, например, хотя бы грешный я [с. 408]

Но, впрочем, я слышал не раз,

Что наш желудок - чувств властитель

И помышлений всех запас. [с. 114]

У Вяземского, всегда рассуждающего и размышляющего о жизни, это второй по степени распространенности разряд вводных единиц после гипотетических по значению;

3) вводные слова, более «свойственные диалогической речи и заключающие в себе призыв к собеседнику, стремление возбудить его внимание к чему-нибудь, подчеркнуть перед ним что-нибудь, какой-нибудь факт или вызвать в нем то или иное отношение к сообщению»²⁴¹, убедить в чем-либо:

В малютке при старанье,

Поверьте, будет прок. [с. 70]

Анакреон, друг красоты и Вакха,

Поверьте мне, в халате пил и пел [с. 110]

Но признаюсь, хотя и лестно, а робею: [с. 71]

Ряд особенностей, роднящих лирический дискурс с разговорной и внутренней речью²⁴², обуславливает высокий удельный вес, конструкций, вовлекающих в структуру текста не только субъекта, но и адресата (как внутреннего – героя, так и внешнего – читателя) стихотворения, диалогизирующих поэтическое сообщение, однако у Вяземского, особенно в его позднем творчестве, замкнутом в собственном одиноком бытии, такие вводные слова и сочетания представлены в незначительном количестве;

4) Вводные слова, указывающие на обычность, повторяемость соответствующих фактов действительности:

Бывало, слава - монополюя

Немногих лиц, немногих дел [с. 212]

Но как весело, бывало,

Раздавался под дугой

Голосистый запевало,

Колокольчик рассыпной. [с. 257]

Но этими цветами, как бывало,

²⁴¹ Виноградов В. В. Русский язык: (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. М.: Высшая школа, 1986. С. 606.

²⁴² Подробнее см. Ковтунова И. И. Поэтическая речь как форма коммуникации / И. И. Ковтунова // Вопр. языкознания. 1986. № 1. С. 3—13.

Не стану я уж ныне украшать

Алтарь моих сердечных поклонений [с. 288]

Как правило, эта группа вводных слов включается в контексты, содержащие мотив воспоминания;

5) редко Вяземским используются вводные слова, с помощью которых демонстрируется эмоциональное отношение к содержанию высказывания со стороны говорящего:

Иль, на беду его, счастливым выраженьем

Со смехом сочетать прозвание глупца. [с. 72]

Хоть наш разрыв с тобой и мудр, и осторожен,

Но, с грустью признаюсь, не может быть надежен [с. 93]

6) столь же редки вводные элементы, с помощью которых указывается на источник сообщения, оценивается достоверность определенной ситуации через ссылку на «чужую» или свою точку зрения:

По мне, ошибкой моралисты

Твердят, что люди эгоисты. [с. 199]

А сколько же глупцов потребно для того,

Чтоб публику, по-вашему, составить? [с. 406]

7) вводные слова и сочетания, характеризующие способ оформления мыслей, выражающих градационно-количественные оценки:

Мужик, вскочивши на осину,

За обе щеки драл рябину,

Иль, попросту сказать, российский чернослив [с. 90]

Русак, поистине сказать,

Не полуночник, не лунатик [с. 213]

Друзья, с которыми гуляю

И, так сказать, немножко, пью. [с. 221]

Такие конструкции довольно активны в текстах Вяземского, всегда внимательного к слогу и манере выражения.

Художественный текст обладает особой, сложной модальной характеристикой, что объясняется с одной стороны «взаимодействием авторской речи и речи персонажей, и с другой — тем фактом, что при создании воображаемого мира писатель не может быть безразличным к нему. Здесь все формы отражения действительности проходят через фильтр авторского замысла, и автор всегда прямо или косвенно выражает свое отношение к изображаемому»²⁴³.

10. Вставные конструкции

Достаточно интенсивный рост числа вставных структур в художественных и публицистических произведениях, совершившийся на протяжении XIX века²⁴⁴, ярко свидетельствовал о проявлении тенденции к росту аналитизма в рамках синтаксического строя русского языка. Второй причиной активности использования парантез становится начавшаяся в карамзинский и пушкинский период демократизация художественной речи, в сочетании со стремлением к более близкому контакту с читателем (авторизация, диалогизация, «интимизация» поэтического дискурса), сближение поэзии с живой устной стихией, в которой распространены вставленные в спонтанный речевой поток добавочные реплики, перебивы, «возникающие по ассоциации, часто для уточнения или разъяснения основной информации»²⁴⁵.

Вставные конструкции (парантезы) обладают широкими возможностями и представляют собой один из наиболее эффективных вариантов придания синтаксическим построениям экспрессии. Смысловое наполнение парантез в рамках художественного текста чрезвычайно разнообразно.

Вяземский при помощи вставных конструкций дает своеобразный авторский комментарий к описываемым в стихотворении явлениям. Часто поэт использует вставные конструкции, стремясь добиться иронического эффекта.

²⁴³ Мецлер А. А. Структурные связи в тексте: (Парантезные конструкции). Кишинев: Штиинца, 1987. С. 109.

²⁴⁴ Об истории формирования вставок см.: Вяткина С. В. К вопросу о становлении вставных конструкций в русском литературном языке / С. В. Вяткина // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2, История, языкознание, литературоведение. Л., 1987. № 2. С. 100—102.

²⁴⁵ Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского литературного языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1990. С. 55-56.

Любопытно, что подобного рода комментарии Вяземский предпочитает делать, когда в качестве объекта иронии выступает он сам и его поэтическое творчество:

*Почтенной публикой (я должен бы сказать:
Почтеннейшей - но в стих не мог ее загнать) -
Почтенной публикой не очень я забочусь... [с. 331]*

Подобного рода комментариев позволяет с одной стороны изменить угол восприятия (это своеобразная попытка диалога с читателем, тем более что стихотворение называется «Литературная исповедь»), а с другой – представляет собой явную самоиронию. Вяземский описывает себя как поэта, «загоняющего» слова в стих (и, более того, неспособного это сделать).

*Или технически скажу
И местность красок удержу:
«Kurczeta, raczki i szparagi»
(Чего не стерпит лист бумаги
И рифма под моим пером?) [с. 175]*

В этом случае поэт вновь, отходя от основной темы стихотворения, использует во вставной конструкции глагол «стерпеть» - «выносить что-то мучительное, неприятное». Таким образом, Вяземский явно иронически характеризует написанные им строки как нечто не заслуживающее внимания.

Вставные единицы в поэзии Вяземского могут служить в качестве оценки, характеристики определенного явления или лица:

*Иль, обложив балясы стихотворства
(Ты за себя сам ритор и посол),
Ступай, пирог, к Тургеневу на стол... [с. 140]
Надутый самохвал, сыгравший жизнь вничью,
Влюбленный по уши в посредственность свою
(А уши у него Мидасовых не хуже)... [с. 362] –*

здесь с помощью вставной конструкции обыгрывается сочетание двух устойчивых выражений: «быть влюбленным по уши» и «Мидасовы уши» (в

соответствии со значением фразеологизма, человек, обладающий такими ушами, болтлив и глуп).

Парантеза может выступать в форме риторического вопроса, что повышает эмоциональность поэтического высказывания:

И в наши, может, дни (чем не шутил лукавый?)

Порядочным стихом промолвится Гашипар. [с. 72]

И после, убежав (кто в мыслях не колдун?),

И призрак – где ж его и блеск, и обольщенье? –

Он, вдруг окостенев, как вкопанный стоит. [с. 279]

Если наиболее часто вставки выделяются скобками, то Вяземский проявляет большее пристрастие к двойному тире (примерно половина вставок выделены с помощью тире) и только иногда пользуется запятыми:

И, скромность в сторону, шепну на всякий страх —

Быть может, боле я и в четырех стихах

Сказал о нем, чем сонм лже-Пиндаров... [с. 72]

12. Обращение

Как отмечает А. О. Костылев, система номинаций-обращений «может быть описана в качестве закрытого списка моделей»²⁴⁶. Но в поэзии возможности выражения обращений значительно расширяются.

В стихотворениях П. А. Вяземского большинство обращений выражены нарицательными личными именами существительными. Выделяются три основные группы:

1. Наименования адресатов по внешним данным или внутренним качествам:

О женщины, какой мудрец вас разгадает? [с. 169]

Клеврет журнальный, аноним,

Помощник презренный ничтожного бессилья,

Хвалю тебя... [с. 165]

²⁴⁶ Костылев А. О. Система обращения современного русского языка / А. О. Костылев // Системно-функциональное описание словосочетания и простого предложения: межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1988. С. 130.

Цып! цып! сердитые малютки! [с. 165]

Живете, скромники, вы несколько уж лет... [с. 166]

2. Только в ранней лирике Вяземского многочисленны обращения, с помощью которых автор указывает на личные взаимоотношения лирического субъекта и адресата. Такие вокативные синтагмы часто содержат «интимизирующие» определения: притяжательными местоимениями, эмоционально-экспрессивными прилагательными, вносящими в них «оттенок сердечности, доверительности, нежности»²⁴⁷, близости между говорящим и его собеседником:

Итак, мой милый друг,

В деревне ты живешь... [с. 53]

Я жду тебя, товарищ милый мой! [с. 65]

От суетного круга.

Что прозван свет большой,

О милая подруга!

Укроемся со мной. [с. 84]

3. Наименования лиц по области интересов и роду занятий:

Ну, ямщик, с горы на горку... [с. 389]

Спешите в мой прохладный сад.

Поклонники прелестной Флоры! [с. 111]

Очень активны в лирике молодого Вяземского обращения, которые выражаются при помощи собственных имен существительных:

1. Личные имена собственные (антропонимы):

Я у тебя в гостях, Языков! [с. 247]

Таков, о Байрон, глас поэзии твоей! [с. 185]

Давно ли ты, среди грозы военной,

Младой Тиртей, на лире вдохновенной

Победу пел перед вождем побед? [с. 65]

Ты прав, любезный Пушкин мой,

²⁴⁷ Щепин А. Г. Обращение в поэтической речи // Русская речь. 1976. № 2. С. 49.

С людьми ужиться в свете трудно! [с. 73]

2. Неличные имена собственные – сравнительно редкое явление для поэзии Вяземского:

Люблю в вечерний час, очарованья полн,

Прислушивать, о Волга величава!

Глас поэтический твоих священных волн... [с. 82]

Приветствую тебя, в минувшем молодея,

Давнишних дней приют, души моей Помпея! [с. 345]

Нарицательные неодушевленные существительные в позиции риторического обращения обычно участвуют в персонификации вызываемых ими явлений. У Вяземского это чаще всего неодушевленные существительные, имеющие конкретную семантику:

Люблю вас, баденские тени... [с. 340]

О, будь благословен, кров светлый и уютный..! [с. 265]

О чем ты, море, так тоскуешь? [с. 267]

2. Риторические обращения, направленные к отвлеченной сущности, также достаточно часты. Такие обращения выявляют концепты, темы, мотивы произведения:

Здравствуй, матушка зима! [с. 301]

О будь на вас благословенье свыше,

Сень рощей, мир полей и бытия! [с. 339]

Для «высокого» поэтического «штиля» в пушкинское время были характерны формы звательного падежа, однако в стихотворениях Вяземского вокатив используется только как имя бога:

«Мой боже, сотвори ты в нашу пользу чудо!» [с. 67]

Один контекст содержит обращение «ситуативного» типа, выраженное косвенным падежом (к зиме):

Здравствуй, в белом сарафане

Из серебряной парчи! [с. 301]

Обращение (М. В. Ломоносов отмечает, что «сею фигурою можно советовать, засвидетельствовать, обещать, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться <...>, поздравлять и проч.»²⁴⁸), встречается в разных стихотворных жанрах, что вполне объяснимо: лирические герой и адресат представляют собой ключевые компоненты коммуникации. В соответствии с исследованиями Л. Ю. Максимова²⁴⁹ в рамках поэтического текста могут быть выделены четыре ключевых функции обращения:

- 1) собственно звательная;
- 2) условно-звательная;
- 3) фиктивно-звательная;
- 4) координационно-звательная.

Как показали наблюдения над стихотворениями П. А. Вяземского, обращения, реализующие условно-звательную функцию, в лирике самые частотные (их доля составляет примерно 70 % всех вокативных синтагм). Подобные осложняющие структуры не просто называют адресата речи, но и позволяют передать отношение автора к его собеседнику. В качестве таких собеседников могут выступать:

1. Современники поэта:

Но твой, Давыдов, беглый взгляд

Окинул круг друзей веселый... [с. 76]

2. Условные адресаты (друзья, братья по поэтическому цеху, недруги – очень часто, возлюбленная (редко), другие лица):

Где вы, товарищи-друзья? [с. 62]

Почий, счастливец, кротким сном! [с. 63]

И для любви сама природа

От сна, о Дафна, восстает! [с. 81]

Скажите, знаете ль, честные господа,

²⁴⁸ Ломоносов М. В. Краткое руководство к риторике / М. В. Ломоносов // Полн. собр. соч.: в 11 т. / М. В. Ломоносов; АН СССР. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 267.

²⁴⁹ Максимов Л. Ю. Обращение в стихотворной речи / Л. Ю. Максимов // Учен. зап. МГПИ. М., 1965. Т. 236. С. 69-70.

Что значит русскими проселками езда? [с. 272]

3. Деятели культуры и исторические лица:

Так, Петр! ты завещал свой дух сынам побед... [с. 119]

Блаженный Николев, ты этих мук не знал... [с. 127]

Но бросить ли камень в твой пепел остывший,

Боец, в битвах века растративший силы? [с. 360]

4. Бог, легендарные личности, мифологические божества:

Амуры! ныне вечерком

Земле меня предайте вы тайком! [с. 136]

5. Персонифицирующие природные объекты и явления:

Ага, плутовка мышь, попалась, нет спасенья! [с. 57]

Степи голые, немые,

Все же вам и песнь, и честь! [с. 293]

Вечно возишься ты, беспокойное море...

О, шуми и бушуй, пой и плачь и тоскуй,

Своенравный сосед, безумолчное море! [с. 294]

Но все, о море! Все ничтожно

Пред жалобой твоей ночной... [с. 268]

Как неизменно свежи, вечно новы

Дары твои, всещедрая природа! [с. 287]

6. Временные представления; такие обращения характерны для поздней лирики Вяземского:

«Зачем вы, дни?» - сказал поэт.

А я спрошу: «Зачем вы, ночи?» [с. 377]

Часы, «глагол времен, металла звон» надгробный,

Чего вы от меня с настойчивостью злобной

Хотите?.. [с. 369]

Куда девались вы с своим закатом ясным,

Дни бодрой старости моей! [с. 415]

Как ты молвой ни возвеличен,

Блестящий и крылатый век! [с. 284]

Дни святых впечатлений,

Позабуду ли вас? [с. 299]

7. Понятия, связанные с духовным опытом субъекта:

Уныние! вернейший друг души!

С которым я делю печаль и радость.

Ты легким сумраком мою одело младость... [с. 133]

8. Обращения к артефактам (редкий случай для Вяземского):

Поведай тайны мне свои,

Подушка, смятая Филлидой... [с. 77]

Прости, халат!.. [с. 108]

По мнению И. И. Ковтуновой, «снятие или уменьшение дистанции между автором и предметом речи, осуществляемое в лирической поэзии в тех случаях, когда поэт обращается не к лицам, имеет целью поэтическое проникновение в суть вещей. Роль адресата речи — это не перенесение свойств лиц на неодушевленные предметы и явления, но стремление вступить с ними в тесный контакт, установить связь, чтобы глубже их понять, ярче выразить эмоционально-волевое отношение к ним и таким путем образно представить место человека в мире вещей и явлений»²⁵⁰.

Нехарактерна для лирики в целом и совсем почти не представлена в поэтическом наследии Вяземского собственно вокативная функция обращения (в прямой речи героев):

«Прости, жестокая Аглая! —

Он говорит в последний раз... [с. 58]

²⁵⁰ Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. С. 90.

Глава 3. Связь синтаксиса и композиции в лирике П. А. Вяземского

Недостаточно изученным в современной филологической науке остается проблема связи между поэтическим синтаксисом и композицией лирических произведений. Несмотря на интерес к данной проблеме со стороны как лингвистов, так и литературоведов (здесь можно упомянуть труды В. В. Виноградова²⁵¹, В. М. Жирмунского²⁵², Н. С. Поспелова²⁵³, Г. А. Золотовой²⁵⁴, М. Л. Гаспарова²⁵⁵, В. Е. Холшевникова²⁵⁶), до сих пор нет и общепринятого толкования композиции стихотворения как филологического термина (более того, в некоторых работах, например, предлагаются нестрогие, метафорические дефиниции вроде «композиция – это дисциплинирующая сила и организатор произведения»²⁵⁷). Не пытаясь дать однозначный ответ на этот дискуссионный вопрос, в данной работе мы, вслед за В. М. Жирмунским, лишь отметим, что «композиция лирического стихотворения одновременно предполагает закономерное расчленение и фонетического, и синтаксического, и тематического материала»²⁵⁸, и это позволяет нам рассматривать композицию лирических произведений П. А. Вяземского сквозь призму поэтического синтаксиса, сделав акценты на наиболее важных составляющих композиционного строения произведения.

3.1. Структура «сильных позиций» стихотворного текста

Описывая те элементы текста, которые привлекают внимание читателя, лучше всего запоминаются и производят наибольший эстетический эффект,

²⁵¹ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. 256 с.

²⁵² Жирмунский В. М. Композиция лирических стихотворений. Петербург: Academia, 1921. 284 с.

²⁵³ Поспелов Н. С. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. 249 с.

²⁵⁴ Золотова Г. А. Композиция и грамматика // Язык как творчество: Сб. науч. тр. к 70-летию В. П. Григорьева. - М.: РАН, 1996. С. 284-296.

²⁵⁵ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика. М.: Наука, 1984. 319 с.

²⁵⁶ Холшевников Е. В. Анализ композиции лирического произведения // Анализ одного стихотворения. Ленинград: Издательство Ленинградского университета. 1985. С. 5-49.

²⁵⁷ Палиевский П. В. Художественное произведение / Литература и теория. – М.: Сов. Россия, 1979. С. 9.

²⁵⁸ Жирмунский В. М. Композиция лирических стихотворений. С.7.

исследователи оперируют термином «сильные позиции»²⁵⁹. Такие позиции закреплены локально и расположены в начале текста либо в его заключительной части. К числу сильных позиций традиционно относятся заглавие, подзаголовок, эпиграф, а также элементы начала и конца произведения. Рассмотрим те из сильных позиций, которые являются наиболее типичными для творчества П. А. Вяземского, отражая особенности его поэзии.

3.1.1 Заглавие

Рассуждая о специфике синтаксической организации художественных произведений, нельзя не упомянуть о таком элементе стихотворения, как его название, — тем более что «синтаксис заглавий имеет своеобразные черты, отсутствующие в общем синтаксисе литературного языка»²⁶⁰.

С лингвистической точки зрения, заглавие – имя текста, выделяющее его во множестве других произведений, с точки зрения семиотической, – первый знак текста²⁶¹. Заглавие, создающее у читателя особое ожидание и настроение, необходимое для восприятия текста, является обязательным элементом связного целого (за исключением лирических произведений, у которых в функции заглавия может выступать первая строка). Заглавие, как и другие элементы «предтекста» (наряду с тесно связанными с заглавной номинацией и последующим текстом подзаголовком, посвящением, эпиграфом), графически отчуждено от текста некоторым расстоянием и выделено особым шрифтом. Конденсируя в себе

²⁵⁹ Например, см. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23—31; Лукин В. А. Художественный текст : Основы лингвистической теории и элементы анализа / А. Лукин. М., 1999. 192 с.

²⁶⁰ Попов А. С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие // Развитие синтаксиса современного русского языка. Под ред. Н. С. Пospelова и Е. А. Иванчиковой. М., 1966, С. 95 – 126.

²⁶¹ О типологии и функциях заглавий см.: Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностр. языки в школе. 1978. № 4. С. 23-31; Джанджакова Е. В. О поэтике заглавий // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 207-214; Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии // Проблемы структурной лингвистики. 1984. М., 1988. С. 167-183; Кожина Н. А. Способы выражения экспрессии в заглавиях художественных произведений // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону, 1987. С. 111-116; Фатеева Н. А. О лингвопоэтическом и семиотическом статусе заглавий стихотворных произведений // Поэтика и стилистика. 1988-1999. М., 1991. С. 108-124; Козлов С. Л. К поэтике заглавий в русской лирике первой половины XIX в. // Вопросы жанра и стиля в русской и зарубежной литературе. М., 1979. С. 20-29; Кошечкина И. Г. Название как кодированная идея текста // Иностранные языки в школе. 1982. № 2. С. 8-10; Ламзина А. В. Заглавие литературного произведения // Русская словесность. 1997. № 3. С. 75-80; Патроева Н. В. Заглавия в лирике Е. А. Баратынского (типология, функции, эволюция) // Атриум. Сер. Филология. 1999. № 1. С. 19-23; Фоменко И. Н. Заглавие литературно-художественного текста как филологическая проблема // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калинин, 1983. С. 84-98.

основную мысль текста, заглавие оказывается ключом к его интерпретации, смысловой доминантой текста, организующей всю его структуру. Семантика заглавной номинации может быть расшифрована читателем только по прочтении целого текста.

Функции заглавия в системе связного целого важны и разнообразны: 1) функция номинации (наименования) текста; 2) функция репрезентации (заглавие представляет текст в окружающем мире); 3) функция предикации (приписывание тексту неких свойств, характеристик: тематических, жанровых, сюжетных и др.); 4) информативная функция (сообщение читателю об основной идее, теме, проблеме и т.п. произведения); 5) регулятивно-контактоустанавливающая функция (установление контакта с адресатом, организация читательского восприятия, управление процессом интерпретации текста); 6) текстообразующая функция (организация текстовой структуры и когезии); 7) изобразительно-выразительная, экспрессивная функция (воздействие на читателей, создание образности)²⁶².

В целом, стихотворений с заглавиями у Вяземского больше (203 произведения, 65% от общего числа анализируемых стихотворений), чем стихотворений без названия, что может указывать на внимание поэта к такому элементу стиха, как заглавная номинация, притом что в лирике заглавие — необязательный, факультативный элемент текста.

Как отмечают Н. Веселова и Ю. Орлицкий, «в XIX веке, вместе с трансформацией жанров, заглавие постепенно меняло роль, становилось «личным именем» стихотворения»²⁶³. Заглавия стихотворений Вяземского подтверждают этот тезис — в них уже напрямую не заявляется жанр («элегия», «подражание», «ода» и т.п.), и исключением из этого правила являются лишь некоторые — «Послание к <Жуковскому> в деревню», «Послание к М. Т. Каченовскому», «Эпитафия», «Заметки», «Карикатура», и некоторые другие, однако

²⁶² См. подробнее, напр.: Патроева Н. В. Художественный текст под филологическим микроскопом. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 46.

²⁶³ Веселова Н., Орлицкий О. Заметки о заглавии (в русской поэзии 1980—90 гг.) // Арион. Журнал поэзии. №1, 1998. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/1998/1/vesel114-p.html>

использование подобных жанровых заглавий поддерживается Вяземским лишь до тридцатых годов XIX века.

Заглавия Вяземского только у четвертой части стихотворений состоят из одного знаменательного слова в именительном падеже («Уныние», «Альбом», «Вечер», «Бессонница», «Мудрость», «Поминки», «Шутка», «Цветок», «Библиотека», «Быль», «Море», «Кладбище», «Выдержка», «Желание», «Загадка», «Зима», «Кибитка», «Коляска», «Погреб», «Пожар», «Леса», «Метель», «Негодование», «Недовольный», «Обжорство», «Объявление», «Старость», «Сумерки», «Тоска», «Тропинка», «Ухабы», «Самовар», «Слезы», «Сознание», «Станция», «Хавронья», «Характеристика», «Хандра» и др. – многие из них являются отвлеченными наименованиями душевных состояний или конкретно-предметными «прозаизмами», а также топонимами или антропонимами: «Баден-Баден», «Байрон», «Ферней», «Босфор», «Венеция», «Палестина», «Петербург», «Зонненштейн», «Рим», «Флоренция»), дательном («Англичанке», «Другу», «Севернину», «Сибирякову», «Толстому», «Ф. И. Тютчеву», «Пушкиной О. С.», «Крохоборам», «Листу», в том числе в сочетании с предлогом «к»: «К друзьям», «К Батюшкову», «К В. А. Жуковскому», «К Илличевскому», «К подруге», «К овечкам», «К переводчику», «К Языкову», «К приятелю», «К ним»), причем второй тип названий характерен лишь для раннего творчества Вяземского, и такие заглавия после тридцатых годов, с уходом из жизни или отъездом за границу многих близких знакомых Вяземского, практически не встречаются; редки в позиции заглавия формы винительного или творительного падежей («На память», «Дорогою», «Степью»).

Активно используются Вяземским заглавия, построенные по модели «прилагательное» + «существительное» («Весеннее утро», «Простоволосая головка», «Родительский дом», «Александрийский стих», «Важное открытие», «Вевейская рябина», «Дорожная дума», «Запретная роза», «Зимние карикатуры», «Зимняя прогулка», «Русская луна», «Русский бог», «Русские проселки», «Святочная шутка», «Черные очи», «Целительные воды», «Первый снег», «Петербургская ночь», «Обыкновенная история», «Нарвский водопад»,

«Матросская песня», «Литературная исповедь», «К журнальным благоприятелям», «К журнальным близнецам», «К мнимой счастливце», «К старому гусару») либо «местоимение или причастие + существительное» («Битый пес», «Отложенные похороны», «Мои желанья», «На некоторую поэму», «К перу моему», «К моим друзьям») и «сочинительная соединительная конструкция» («Княжнин и Фонвизин», «Язык и зубы», «Молоток и гвоздь», «Человек и мотылек», «Жрец и кумир», «Комар и клоп», «Роза и кипарис», «Стол и постеля»). Единична репрезентация с обособленным причастным оборотом, относящимся к заглавной номинации: «К итальянцу, возвращающемуся в отечество».

Нередки в позиции заглавия заглавия, состоящие из номинативной (главной) и генитивной (зависимой, со значением посессивным или субъектным) словоформ: «Битва жизни», «Прелести деревни», «Устав столовой», «Черта местности», «К подушке Филлиды», «К Тиртею славян», «Отъезд Вздыхалова», «Дом Ивана Ивановича Дмитриева».

Единичны двухсловные репрезентации с иными комбинациями падежных форм: «К графу Соллогубу», «К партизану-поэту», «Надписи к портретам», «Прощание с халатом», «При подарке альбома».

Ряд стихотворных заглавий Вяземского включает в себя сочетания с количественными числительными: «Два живописца», «Два чижа», «Две собаки», «Три века поэтов», иногда фразеологизированные («Семь пятниц на неделе») или алогичные («Две луны»).

Излюбленным приемом построения заглавных номинаций у Вяземского является модель, содержащая, помимо стержневого компонента, имя с пространственной либо временной семантикой – хронотопические заглавия: «Быль в преисподней», «Вечер в Ницце», «Вечер на Волге», «Ночь на Босфоре», «Из Царского села в Ливадию», «Ночь в Ревеле», «Два разговора в книжной лавке», «К вдове Безобразовой в Деревню», «Масленица на чужой стороне», «Ночью на железной дороге между Прагою и Веною», «Петр I в Карлсбаде», «Поручение в Ревель Н. М. Карамзину», «Послание к Жуковскому в деревню»,

«Царскосельский сад зимою»; «Осень 1830 года», «Осень 1874 года», «Москва 29 декабря 1821 года», «Разговор 7 апреля 1832 г.», «Переезд через Францию 1851 г.». Иногда четырехсловное заглавие содержит словоформу, уточняющую повод, ситуацию, послужившую стимулом к написанию произведения: «Песнь на день рождения В. А. Жуковского», «Послание к <...> при посылке портрета».

Подобные заглавия оказываются уже не столько номинативными, сколько предикативными²⁶⁴, поскольку содержат именной либо наречный локализатор, обычно распространяющий предикат, и в свернутом виде представляют какую-либо лирическую ситуацию (пропозицию): «Горы ночью» (=«Таковыми представились горы, когда была ночь»), «Еще тройка» (=«Еще тройка промчалась»), «Эпитафия себе заживо» (=«Эпитафия посвящается себе заживо погребенному»), «Всякой на свой покррой» (=«Всякий человек живет на свой покррой»), «Еще дорожная дума» (=«Еще одна дорожная дума меня посетила»), «Давным-давно» (=«Давным-давно это случилось»). Впрочем, и иные типы заглавий приписывают тексту имя, а значит, обладают предидицирующей функцией.

Особенно очевиден предикативный статус у заглавий, содержащих глагольные словоформы или построенных по модели простого либо сложного предложения, целого ряда высказываний: «Быль, которая сбудется», «Когда? Когда?», «Любить. Молиться. Петь», «Теперь мне недосуг», «Ты светлая звезда», «Воли не давай рукам», «Катай-валяй», «Синонимы: гостиная – салон», «Я пережил». «Ухабы. Обозы», «Kennst du das Land?». Именно в своем позднем творчестве поэт развивает традицию неоднословных предикативных по форме заглавий.

Таким образом, структурно-семантический анализ заглавных номинаций П. А. Вяземского демонстрирует расширение модельного ряда заглавий в направлении к зрелому этапу творческой деятельности.

²⁶⁴ Грамматический статус заглавия в его отношении к слову и предложению – одна из дискуссионных проблем: можно ли относить заглавные номинации к номинативным односоставным предложениям или конструкциям иных типов? Г. А. Золотова предлагает в своем «Синтаксическом словаре» для заглавных позиций термин «свободная синтаксема» (см., напр.: Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988; Каримова Т. Ф. К вопросу о синтаксическом статусе заголовке // Проблемы сверхфразовых единств. Семантико-синтаксическая структура. Уфа, 1985. С. 46-49).

3.1.2. Эпиграф

Эпиграф – цитата, предваряющая текст и занимающая «сильную» (графически и по смыслу) выделенную позицию между заглавием и началом текста. Эпиграф обычно выражает основную идею, тему, коллизию следующего далее произведения, «программирует сеть ассоциаций»²⁶⁵, указывая читателю направление интерпретации текста и формируя категорию интертекстуальности: «Через эпиграф автор открывает внешнюю границу текста для интертекстуальных связей и литературно-языковых веяний разных направлений и эпох, тем самым наполняя и раскрывая внутренний мир своего текста»²⁶⁶. Эпиграф поэтому амбивалентен: с одной стороны, генетически принадлежа иному тексту, он является привлеченной извне цитатой («чужим словом», даже если сочиняется на случай самим автором и снабжается ложной, мистифицирующей читателя отсылкой), с другой – входит в текст данного произведения, функционирует в нем, выполняя определенные стилистические задачи, реализуя авторский замысел. Эпиграф превращает двух авторов в собеседников, создает подтекст.

Поэзии П. А. Вяземского в целом чужды эпиграфы (они встречаются всего лишь у 12 стихотворных текстов), хотя поэты романтического направления широко культивировали использование «чужого слова» в качестве эпиграфа²⁶⁷. В одном случае, перед стихотворением «Родительский дом», эпиграф представляет собой симметричное по строению сложное предложение: «Жизнь живущих неверна, жизнь отживших неизменна» [с. 227], в другом случае, перед стихотворением «Байрон», Вяземский предлагает весьма пространный эпиграф из третьей песни «Чайльд-Гарольда»: «Если я мог бы дать тело и выход из груди своей тому, что наиболее во мне, если я мог бы извергнуть мысли свои на выражение и, таким образом, душу, сердце, ум, страсти, чувство слабое или

²⁶⁵ Тураева З. Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. С. 54.

²⁶⁶ Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1998. Т. 57. № 5. С. 92.

²⁶⁷ Если примерно до конца XVIII столетия в литературе эпиграф встречается не очень часто и выполняет в основном функцию ввода главной темы, вступая со следующим далее текстом в тавтологические отношения, то начиная с эпохи романтизма и далее использование эпиграфа активизируется, функции его обогащаются и усложняются. Заостряя глубинный смысл произведения и создавая подтекст, эпиграф может оказаться ироническим диссонансом, выступая по отношению к основному тексту как противоречащая ему мысль и создавая «полифонизм» точек зрения.

мощное, всё, что я хотел бы некогда искать, и всё, что ищу, ношу, знаю, чувствую и выдыхаю, еще бросить в одно слово, и будь это одно слово перун, то я высказал бы его; но, как оно, теперь живу и умираю, не расслушанный, с мыслью совершенно безголосною, влагая ее как меч в ножны...» [с. 184].

В ряде случаев эпиграфом к стихотворению служат цитаты на иностранном языке, которые представляют собой сложноподчиненные предложения:

1) Стихотворение «Kennst du das Land?» [с. 254] сопровождается эпиграфом из Гёте: «Kennst du das Land, wo blunt Oranienbaum?» – «Ты знаешь ли край, где цветет померанцевое дерево?» (фраза «Kennst du das Land» как полустроchie-рефрен повторяется далее на протяжении четырех строф из шести).

2) Стихотворение «Всё в скорбь мне и во вред. Всё в общем заговоре...» [с. 376] предваряется эпиграфом из Расина: «Tout m'afflige et me nuit et conspire a me nuire» – «Всё меня огорчает и мне вредит, и всё в заговоре, чтобы мне вредить» (ср. с первыми двумя строками Вяземского «Всё в скорбь мне и во вред. Всё в общем заговоре Мне силится вредить и нанести мне горе», представляющими собой довольно близкое оригиналу переложение расиновской мысли).

3) «Заметка по поводу комедии и публики» [с. 406] сопровождается эпиграфом из Шамфора: «Combien faut-il de sots pour faire un public». - «Сколько нужно глупцов, чтобы составить публику», выступающему как «прообраз» следующей далее реплики «А сколько же глупцов потребно для того, Чтоб публику, по-вашему, составить?».

Таким образом, между эпиграфом и посттекстом устанавливаются тесные смысловые ассоциации и структурные переключки благодаря повторам не только отдельных лексем, заимствованных из эпиграфа, но и более или менее точному воспроизведению грамматического построения «чужого слова».

Еще одно стихотворение – «Эпизодический отрывок из путешествия в стихах – первый отдых Вздыхалова» [с. 59] – Вяземский предваряет кратким изложением содержания дальнейших произведений из этого цикла: «Здесь

сообщает он одно приключение из пешеходного странствования Вздыхалова с собачкою своею; в других главах будут описаны: встреча Вздыхалова с Фигляриным и предварительные переговоры союза оборонительного и наступательного, заключенного между ними; военная шутка из мирного странствования Фиглярина по передним и проч. и проч.». Обеспечивающая перспекцию текста нарочито сложная вступительная конструкция сочетается с не менее сложным текстом стихотворения.

При комплексном лингвопоэтическом анализе эпиграфов П. А. Вяземского, остающемся за рамками данной работы, существенными, помимо языковой, в том числе синтаксической, формы (родной или иностранный язык, источник, цитируемый в подлиннике или в переводе), могли бы оказаться следующие моменты:

- 1) хронологическая, пространственная и культурная удаленность либо близость цитируемого текста;
- 2) общедоступность или малая известность цитируемого источника, его подлинность;
- 3) точность воспроизведения цитаты, характер и цель возможной трансформации;
- 4) отношения между эпиграфом, заглавием и последующим текстом;
- 5) функции эпиграфа.

3.1.3. Начальные предложения

Начало любого, в том числе и стихотворного текста, традиционно привлекает внимание как читателя (начальное предложение «дает направление для понимания, интерпретации художественного произведения»²⁶⁸), так и исследователя-лингвиста (в частности, для решения вопросов, связанных с определением термина «зачин»²⁶⁹). Длина первого (начального) предложения в

²⁶⁸ Жунусова М. К. Выразительное завершение произведения. // *European Researcher*, 2013, Vol. (50), No 5 – 3. p. 1477-1480.

²⁶⁹ Подробнее см. Евсеева Р. А. Трехчастность лирических стихотворений: к проблеме методики анализа композиции // *Вестник ОГУ*, №11. 2006. С. 45-50.

поэтических текстах Вяземского варьируется в диапазоне от одной до 18 строк. Частотность инициальных предложений в творчестве поэта отражена в таблице 16 Приложения А, а их объем – в таблице 17 Приложения А. При этом наиболее частый случай – начальное предложение, состоящее из четырех строк (113 стихотворений, 36% от числа всех произведений), что позволяет высказать предположение о том, что именно с катреном совпадает, как правило, зачин в композиции стихотворных произведений малых жанров.

В поэзии Вяземского, как правило, инициальное предложение меньше по объему, чем первая строфа (104 случая) либо совпадает по объему с первой строфой (102 случая). Лишь в 8 случаях инициальное предложение по объему больше первой строфы, и всё это – стихотворения-четверостишия.

Большие по объему инициальные предложения Вяземский использует преимущественно в астрофичных стихотворениях, где их размер может достигать 18 строк:

*От шума, от раздоров,
Гостинных сплетен, споров,
От важных дураков,
Забавников докучных
И вечных болтунов,
С злословьем неразлучных,
От жалких пастушков,
При дамских туалетах
Вздыхающих в сонетах;
От критиков-слепцов,
Завистников талантов,
Нахмуренных педантов,
Бродящих фолиантов,
Богатых знаньем слов;
От суетного круга,
Что прозван свет большой,*

О милая подруга!

Укроемся со мной. [с. 84]

В целом, анализ начальных предложений позволяет сделать определенные выводы, связанные с такой категорией, как «зачин стихотворения»: на основе проанализированного материала, представленного в поэзии Вяземского, можно указать на такие важные критерии зачина, как наличие графического пробела, синтаксическая завершенность, построение по модели катрена. Не всегда находит подтверждение такой критерий, как сравнительно небольшой объем: хотя, по мнению Р. А. Евсеевой, слишком большой, слишком затянутый зачин нарушает «композиционное равновесие произведения»²⁷⁰, однако иногда Вяземский, используя в качестве начальных предложений массивные конструкции, вынуждает в поисках «равновесного» зачина либо, дробить эти инициальные предложения либо признавать композиционную асимметричность произведения, в котором зачин занимает большую часть стихотворения.

3.2. Роль синтаксической организации в создании различных стилистических приемов. Фигуры речи в поэзии Вяземского

Фигуры речи – неотъемлемая составляющая лирического произведения, поскольку именно через них автор может обеспечить большую выразительность собственному тексту, «оживить» его, что поспособствует лучшему его восприятию. Мы в рамках нашего исследования отталкиваемся от определения фигур речи, представленного в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой. Авторы словаря понимают фигуру речи как «оборот речи, синтаксическое построение, используемые для усиления выразительности высказывания»²⁷¹. Таким образом, в ходе анализа фигур речи важную роль будет играть их синтаксическое оформление, что позволит дать более подробный лингвистический комментарий. Рассмотрим наиболее типичные для поэзии Вяземского фигуры речи.

²⁷⁰ Евсеева Р. А. Трехчастность лирических стихотворений: к проблеме методики анализа композиции // Вестник ОГУ, №11. 2006. С. 46-47.

²⁷¹ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. С. 331.

3.2.1. Антитеза

В современной филологии наблюдается возрождение интереса к риторической проблематике и вопросам экспрессивного синтаксиса. Одной из важнейших фигур речи, а следовательно, и важным средством «нетривиальной», «креативной» грамматики выступает антитеза²⁷², поскольку именно «гармоничная структура поэтического произведения служит залогом его информативности²⁷³. Кроме того, синтаксические конструкции в лирике «не только информативно, но и стилистически нагружены, выполняют самые разнообразные функции (структурно-композиционную, ритмообразующую, интонационную, экспрессивно-стилистическую)»²⁷⁴. Антитеза, обладающая способностью усиливать «аффективность», «симметричность»²⁷⁵ текста, построена по принципу «объединения в одном высказывании контрастирующих предложений»²⁷⁶. Как отмечают специалисты, исследующие антитезу, «принцип контраста и антитезы можно считать едва ли не универсальным для поэзии вообще»²⁷⁷. В поэзии Вяземского нами были выделены три наиболее частотные группы антитез: «вчера-сегодня-завтра», «день-ночь», «жизнь-смерть».

Традиционной не только для творчества Вяземского, но и в целом для поэзии следует считать триаду «вчера – сегодня – завтра», поскольку именно временные отношения «являются одним из типов базовых отношений, воспринимаемых человеком и отражаемых формами языка»²⁷⁸. Как правило, поэт противопоставляет в своих стихотворениях два из трех компонентов, причем комбинации могут быть любыми:

А) вчера и сегодня

У тех, на коих врал вчера,

²⁷² Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. М.: Либроком, 2011. С. 14.

²⁷³ Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. С. 5.

²⁷⁴ Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2002. С. 3.

²⁷⁵ Береговская Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М.: Рохос, 2004. С. 199.

²⁷⁶ Хазагерев Г. Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 167.

²⁷⁷ Щемелева Л. М. Значение антитезы в поэзии Тютчева // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1977. Т. 36. № 2. С. 112.

²⁷⁸ Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации / Теория функциональной грамматики. СПб: Наука, 1996. С. 6.

Сегодня ножки он целует. [с. 194]

Б) вчера и завтра

*Во мне найдешь, быть может, след **вчерашний**,*

*Но ничего уж **завтрашнего** нет.* [с. 261]

В) сегодня и завтра

*Сегодня с плеч слезло, а **завтра** не настало.* [с. 266]

В поэзии Вяземского можно отыскать и единичный случай противопоставления всех компонентов триады:

Сегодня второе издание

*Того, что прочел я **вчера**;*

*А **завтра**? Напрасно гаданье!* [с. 383]

В другом произведении Вяземский, сталкивая компоненты триады, не противопоставляет их, а, напротив, при помощи конструкции с однородными членами объединяет их в нечто целое, символизирующее «существование вообще»:

***Вчера, сегодня, завтра** - звенья*

Предвечной цепи бытия [с. 230]

В стихотворении «Первый снег» противопоставление «вчера» и «сегодня» становится пространным, объемным и используется для формирования целого стихотворения (тем самым Вяземский сопоставляет унылую и серую картину вчерашнего дня и дня сегодняшнего, после того, как выпал снег):

***Вчера** еще стонал над онемевшим садом*

Ветр скучной осени и влажные пары

Стояли над челом угрюмый горы

Иль мглой волнистою клубилися над бором.

<...>

***Сегодня** новый вид окрестность приняла*

Как быстрым манием чудесного жезла;

Лазурью светлую горят небес вершины;

Блестящей скатертью подернулись долины,

И ярким бисером усеяны поля. [с. 130]

Второй важной антитезой для творчества Вяземского становится «день-ночь» – типичное для поэтического творчества противопоставление (аналогичные исследования, связанные с данным противопоставлением, можно встретить в работах С. А. Звоновой²⁷⁹, А. С. Константиновой²⁸⁰, Л. М. Щемелевой²⁸¹). Любопытно, что в своем творчестве поэт использует эту антитезу преимущественно для указания на смену времени суток:

То ли дело встарь: телега,

Тройка, ухарский ямщик,

Ночью дуешь без ночлега,

Днем же – высунув язык. [с. 257]

Но постепенно дня стихают голоса.

*Серебряная **ночь** взошла на небеса.* [с. 348]

Символическое переосмысление прямо-номинативного узуального значения темпоральных лексем появляется у Вяземского лишь в поздние годы. В частности, в одном из стихотворений противопоставление дня и ночи сочетается с характеристикой «мёртвый сон», свидетельствующей об определении ночи как времени суток, во время которого торжествует смерть:

Сердечной жизни час, веселый промежуток

*Между трудом **дневным** и **ночи мертвым сном.*** [с. 266]

Также Вяземский периодически сталкивает в пределах одного стихотворного контекста и два других компонента, связанных с архисемой «время суток», – «утро» и «вечер». Однако противопоставление здесь не столь акцентировано. Напротив, поэт находит между утром и вечером нечто общее:

*Здесь **вечер** в зареве, там **утро** рассвело.*

*И **вечер** так хорош, и **утро** так светло* [с. 365]

²⁷⁹ Звонова С. А. Слово Ф. И. Тютчева в лирике Ю. Н. Верховского // Художественный текст и культура. Материалы международной научной конференции 6-7 октября 2005 г. Владимир: Владимирский государственный педагогический университет, 2006. С. 90-95.

²⁸⁰ Константинова А. С. Вербализация концепта «Время» в лирике А. А. Фета. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2009, №2, с. 62-69.

²⁸¹ Щемелева Л. М. Значение антитезы в поэзии Тютчева // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1977. Т. 36. № 2. С. 112—122.

*С волшебной быстротою
Дни резвые бегут:
Меж утренней зарею
И сумрачной порою [с. 86]*

Антитеза из трех компонентов в этой группе встречается лишь единожды, в одном из последних стихотворений поэта, и при этом два первых элемента противопоставляются третьему:

*И утро свежее, и полдня блеск и зной
Припоминаем мы и при дневном закате. [с. 416]*

При этом здесь уже речь не идёт об утре, полудне и закате как словах, указывающих исключительно на время суток – это составляющие метафоры жизни. Развертыванию метафоры «жизнь - сутки» посвящено отдельное стихотворение «Битва жизни», где рассвет символизирует молодость, полдень – зрелость, а зорю-старость Вяземский встречает в одиночестве – «оплакивал один я всех моих друзей».

Пожалуй, наиболее любопытным противопоставлением дня и ночи следует считать стихотворение «Зачем вы, дни?- сказал поэт...»

*«Зачем вы, дни?» - сказал поэт.
А я спрошу: «Зачем вы, ночи?» [с. 377]*

Здесь Вяземский вступает в диалог с другим известным поэтом XIX века, Евгением Боратынским. «Зачем вы, дни» - это неточная цитата из стихотворения «поэта мысли» «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...»²⁸². Диалог этот носит заочный характер – стихотворение было написано Боратынским в начале сороковых годов, а в 1844 году поэт скончался. Вяземский же «отвечает» своим риторическим вопросом через 24 года после написания стихотворения – поэт страдал от бессонницы, что и нашло отражение в ряде его поздних стихотворений.

²⁸² Баратынский Е. А. "На что вы дни! Юдольный мир явленья..." // Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л.: Советский писатель, 1936. Т. 1. 1936. С. 218.

Наиболее важной же для поэзии Вяземского становится антитеза жизни и смерти, которая красной нитью пролегла через всё его творчество. Уже даже в первом из стихотворений Вяземского, которое было написано в 1808 году, когда поэту было 16 лет, мы читаем следующие строки:

Быть может, разлучат с тобой нас люди зловны

*Иль **смерть**... печальна мысль*

<...>

Мы добры - и, конечно,

*Нас боги наградят здесь **жизнью** долговечной!* [с. 54]

В раннем творчестве Вяземского идея торжества жизни раскрывается в полной мере. Поэт предлагает несколько «вариантов» преодоления смерти:

- 1) Одолеть смерть можно через искусство:

Полночный Аппеллес, обманывая взгляды,

*Дарует кистью **жизнь**, обезоружив **смерть**.* [с. 120]

- 2) через любовь:

*Амуры! **смерть** велят забыть*

*И с вами вновь, мои малютки, **жить**.* [с. 138]

- 3) через память:

Воспоминание, как чародей богатый,

Из пепла хладного минувшее зовет

*И глас умолкшему и **праху** **жизнь** дает.* [с. 132]

Однако подобный оптимистичный настрой уже к тридцатым годам сходит на нет. Поэт начинает писать о неизбежности смерти, её неизбежной включенности в цикл бытия человека:

***Рожденье, смерть**, из урны рока*

С неодолимой быстринной,

Как волны одного потока,

Нас уносящие с собой [с. 230]

Вяземский с горечью говорит о торжестве смерти над жизнью, о той победе, которую смерть одержит, несмотря на все старания людей избежать этой печальной участи:

Смерть воцарилась, *жизнь* во лжи изобличая [с. 235]

Смерть жатву *жизни* косит, косит

И каждый день, и каждый час

Добычи новой жадно просит

И грозно разрывает нас. [с. 270]

И даже коварство смерти, притворяющейся жизнью, находит отражение в стихах Вяземского. В стихотворении «Уж не за мной ли дело стало?» Вяземский упоминает «чудного призрака», который сулит многое – однако:

С закрытого лица подымлет он забрало -

И видим мы не жизнь, а смерть перед собой. [с. 279]

Одним из знаковых произведений для позднего Вяземского является «Жизнь так противна мне, я так страдал и стражду...», в котором он отказывается от жизни, выбирая смерть и загробный покой. Повтор слов «жизнь» и «смерть» лишь усугубляет, удваивает это противоречие:

Жизнь так противна мне, я так страдал и стражду,

Что страшно вновь иметь за гробом жизнь в виду;

Покоя твоего, ничтожество! я жажду:

От смерти только смерти жду. [с. 402]

Разумеется, рассуждая о роли антитезы в формировании поэтического синтаксиса, следует сказать и о собственно синтаксической организации данного средства языковой выразительности (см. табл. 18). Как правило, Вяземский, противопоставляя два явления, предпочитает организовать столкновение в форме сложного предложения (это может быть как сложносочиненная конструкция, так и сложноподчиненная конструкция), так и при помощи осложненного предложения (в частности, с использованием однородных членов предложения). В некоторых случаях противопоставляемые компоненты могут находиться и в разных предложениях.

Таким образом, в соответствии с полученными данными можно утверждать, что знаковую роль в организации антитез в лирике Вяземского играют именно полипредикативные конструкции, поскольку они чаще всего применяются для противопоставления в каждом из трех блоков антитез, что в полной мере соответствует сделанным исследователями выводам – антитеза зачастую «является сложным предложением, в котором актуализируется, подчеркивается контраст двух признаков, явлений»²⁸³.

3.2.2. Синтаксический параллелизм

Синтаксический параллелизм как одно из классических средств языковой выразительности, часто используется в художественном творчестве (как прозаическом, так и поэтическом). Активность синтаксического параллелизма как стилистической фигуры объясняется тем фактом, что с ее помощью поэт может решать целый ряд задач, от собственно стилистических до версификационных, связанных с ритмикой стиха. Многие исследователи указывают на важную роль синтаксического параллелизма в поэзии, в частности А. М. Петров называет синтаксический параллелизм «формульной для любой области поэтической речи структурой»²⁸⁴. Под синтаксическим параллелизмом нами понимается соблюдение автором текста единой синтаксической структуры в разных предложениях или разных частях предложений.

В творчестве Вяземского наше внимание привлекли стихотворные контексты, содержащие фигуру синтаксического параллелизма и состоящие из трех и более компонентов. Все такие стихотворные контексты можно разделить по нескольким параметрам, в частности, количеству компонентов и числу повторов, а также отыскать среди них наиболее типичные синтаксические конструкции и определить основные функции использования синтаксического параллелизма в поэтических текстах Вяземского.

²⁸³ Бочина Т.Г. Акротеза с повтором тематического компонента в русской паремике // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. №4 (18), июль-август, 2011. Орел, 2011. С.158.

²⁸⁴ Петров А. М. Синтаксис русских духовных стихов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. С. 108.

1) Количество компонентов в синтаксической конструкции

С точки зрения числа компонентов синтаксический параллелизм в поэзии Вяземского представлен следующим образом: конструкции из трех компонентов встречаются 22 раза (61% от общего числа), из четырех компонентов – 13 раз (36%), из пяти компонентов – 1 раз (3%).

Очевидно, что в структуру стиха довольно затруднительно уложить большую по числу компонентов конструкцию. Поэтому поэзия Вяземского соответствует общему принципу - чем больше компонентов в конструкции, построенной по принципу синтаксического параллелизма, тем реже она встречается. Единственный пример из пяти компонентов представлен в стихотворении «Флоренция»:

И черным пламенем горела

Очей пылающая ночь;

И южным зноем пламенела

Младая северная дочь. [с. 252]

Структурно данный синтаксический повтор представлен как «определение - обстоятельство – сказуемое – определение – подлежащее». В данном контексте Вяземский сопоставляет природу Флоренции и красоту русской женщины (чуть раньше упоминая – «Но ничего там русской девы я упоительней не знал»).

2) Число повторов

Вяземский в своем творчестве использует преимущественно двучленные повторы (35 примеров). Единственное исключение – стихотворение «Картузов - сенатор», в котором представлены трехчленные синтаксические повторы с двумя и тремя компонентами соответственно.

Картузов — сенатор,

Картузов — куратор,

Картузов — поэт.

Везде себе равен,

Во всём равно славен,

Оттенков в нём нет:

*Худой он сенатор,
Худой он куратор,
Худой он поэт.* [с. 66]

3) Наиболее типичные конструкции

Можно выделить ряд типичных конструкций, чаще других встречающихся в стихотворных произведениях Вяземского. Как правило, это конструкции с подлежащим и сказуемым, распространенные одним или двумя второстепенными членами предложения:

А) дополнение – сказуемое – подлежащее

Льстят любят многие; хвалят умеет редкой. [с. 132]

Б) обстоятельство – сказуемое – подлежащее

*И в неге цепенеют взоры
И на душу летят мечты* [с. 305]

В) подлежащее – определение – дополнение – сказуемое

*Но сердце старыми мечтами молодеет
Но сердце старыми привычками живет* [с. 265]

Следует заметить, что зачастую четырехкомпонентные конструкции в поэзии Вяземского сочетаются с другой синтаксической фигурой – анафорой. Повтор слов в начале стихотворных строк позволяет поэту зафиксировать внимание читателя, усилив роль данного отрывка в тексте в целом.

4) Функции синтаксического параллелизма в творчестве П. А. Вяземского

Очевидно, что синтаксический параллелизм как фигура речи в творчестве Вяземского может использоваться с разными целями. К числу таких целей можно отнести следующие:

А) Создание сатирического эффекта

В раннем творчестве синтаксический параллелизм используется поэтом преимущественно с сатирическими целями. Здесь следует вспомнить уже упомянутое выше стихотворение «Картузов - сенатор», высмеивающее П. И. Голенищева-Кутузова, а также «Ты требуешь стихов моих...»:

Что комик наш Гашпар плач Юнга подорвал,

Что трагик наш Гашпар Скаррона побеждал [с. 90]

Гашпар – имя героя поэмы А. А. Шаховского «Расхищенные шубы». Арзамасцы прозвали именем Гашпара самого Шаховского. Таким образом, Вяземский иронически подчеркивал, что Шаховской конкурирует с поэтом-трагиком Эдуардом Юнгом и комедиографом Полем Скарроном.

Б) Противопоставление

Напротив, поздний Вяземский стремится совместить синтаксический параллелизм и идею противопоставления, что находит отражение во многих его стихотворениях. Таким образом, еще одной из фигур, сочетающейся в поэзии Вяземского с синтаксическим параллелизмом, является хиазм (крестообразное изменение последовательности элементов в параллельных синтаксических конструкциях):

В любви его роптала злоба

А в злобе теплилась любовь [с. 398]

И дни мои чернее ночи

И ночь моя чернее дня [с. 375]

Поглядишь! Хандра всё любит,

А любовь всегда хандрит. [с. 236]

В ряде случаев компоненты, встречающиеся в рамках конструкций, построенных по принципу синтаксического параллелизма, противопоставляются друг другу («любовь»-«злоба», «день» - «ночь» и т. п.). При этом, как отмечает Ю. А. Сергеева, «сочетание параллелизма с антитезой усиливает эффект противопоставления, делая контраст между противопоставляемыми явлениями еще более явным»²⁸⁵.

В) Ритмомелодическая организация стиха

²⁸⁵ Сергеева, Ю. А., Ритм в структуре современного короткого рассказа (на материале произведений Фей Уэлдон и Анни Сомон): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. М., 2008. С. 11.

В случаях полного синтаксического параллелизма у Вяземского наблюдается также выравнивание количества слов и слогов в симметричных частях, что способствует большей ритмичности стиха.

Но воздух тмится паром,

И солнце пышет жаром [с. 84]

(4 слова, 7 слогов в каждой из строк)

Молний быстрее

Быстро парит,

Птичек резвее

Резво летит. [с. 79]

(4 слова, 9 слогов в каждом из двустихий)

В подобных контекстах синтаксическое сходство частей конструкции обеспечивает интонационную близость компонентов стихотворения. Также во втором из приведенных примеров синтаксический параллелизм дополнительно сочетается с симметричным повтором однокоренных слов (*быстро-быстрее, резво-резвее*). Как отмечает Ф. И. Джаубаева, «синтаксический параллелизм, имеющий в своей структуре лексические повторы, способствует более тесному их объединению, сближению различных моментов содержания для усиления сходства, обострения контраста»²⁸⁶.

Таким образом, можно говорить о том, что Вяземский использует синтаксический параллелизм не обособленно, а с вполне конкретными целями (в раннем творчестве – с сатирическими, в позднем – в сочетании с идеей противопоставления), и при этом зачастую совмещает конструкции, содержащие фигуру параллелизма, с другими синтаксическими фигурами (к числу которых можно отнести анафору, антитезу, хиазм).

²⁸⁶ Джаубаева Ф. И. Гармония поэтического текста А.С. Пушкина: Полисиндетон / Под ред. проф. К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. С. 32.

3.2.3. Полисиндетон

Под полисиндетоном нами понимается построение предложения, при котором «все или почти все однородные члены предложения связаны между собой одним и тем же союзом (чаще союзом «и»)»²⁸⁷. Полисиндетон часто встречается в поэтическом творчестве, поскольку с помощью данной фигуры автор может решать целый ряд задач, от собственно стилистических до версификационных, связанных с ритмикой стиха, что позволяет называть его «полифункциональной фигурой поэтического текста»²⁸⁸.

Вышеуказанное утверждение, согласно которому полисиндетон проявляется через повторение союзов «и», подтверждается поэзией Вяземского в полной мере. Подавляющее большинство контекстов представляют собой примеры многосоюзия с повторяющимся союзом «и»:

И мимолетом обнимает

И даль, и глубь, и высоту.

И всё, что на душе под спудом... [с. 197]

А у него уж тут и химик, и сопрано,

И врач, и педагог, разноплеменный сбор... [с. 348]

Часто Вяземский использует повторение союзов в конструкциях из четырех однородных членов, очевидно, с версификационными целями:

Авангард его и свита -

Грохот, гул, и визг, и вой. [с. 310]

Любил скалы, леса, и облака, и волны. [с. 184]

Про всё и обо всех рассказы,

Рожденье, смерть, и смех, и зло... [с. 381]

Как отмечает А. П. Сковородников, «полисиндетон часто взаимодействует с другими стилистическими фигурами»²⁸⁹ - в одном из случаев повтор союзов «и» сопровождает появление другой фигуры речи – полиптота (употребления в одной фразе разных падежных форм одного и того же слова). Здесь использование этой

²⁸⁷ Квятковский А. П. Поэтический словарь. С. 161—162. М.: Советская энциклопедия, 1966.

²⁸⁸ Джаубаева Ф.И. Гармония поэтического текста А.С. Пушкина: Полисиндетон. С. 25.

²⁸⁹ Сковородников, А. П. Полисиндетон как стилистическая фигура / А. П. Сковородников // Русская речь. 2002. № 6. С. 44.

фигуры осложнено тем, что повторяемое слово употребляется в разных частях сложного предложения: сложность конструкции и включение однородного ряда расширяют возможность для повтора лексемы.

*Я пережил и многое, и многих,
И многому изведal цену я. [с. 260]*

Исключений из правила, согласно которому многосоюзиe проявляется через повтор союзов «и», немного, и почти все они касаются повторения сочинительных противительных союзов «но»:

*Но снов, но слез, но дум, желаний волны
Текут, кипят в болезненной груди... [с. 237]
Не жидкий, как вода или напиток детский,
Но Русью веющий, но сочный, но густой... [с. 266]*

На уровне сложного предложения полисиндетон в поэзии Вяземского проявляется через повторение союзного слова «где»:

*Ковчег минувшего, где ясно
Дни детства мирного прошли <...>
Где я расцвел под отчей сенью
На охранительной груди,
Где тайно созревал к волненью,
Что мне грозило впереди;
Где искры мысли, искры чувства
Впервые вспыхнули во мне <...>
Где я узнал по предисловью <...> [с. 228-229]*

В данном контексте намеренное увеличение количества союзных слов «где» замедляет речь вынужденными паузами, подчёркивает роль каждого из придаточных, создавая единство перечисления и усиливая выразительность речи, формирует период как одну из фигур речи.

Таким образом, функция полисиндетона как синтаксического средства, позволяющего подчеркнуть единство и целеустремленность перечисляемого, а

также способствующего увеличению выразительности поэтического текста в полной мере находит свое воплощение в творчестве П. А. Вяземского.

3.2.4. Вопросительные конструкции

Важная роль вопросительных предложений в целостной организации лирического текста не ставится исследователями поэзии под сомнение, поскольку вопросительные конструкции зачастую зависимы «от общих особенностей поэтики авторов»²⁹⁰ и в целом отражают эволюцию творчества поэта. Как отмечает В. Б. Сорокин, «в лирических жанрах литературы нового времени вопросительные предложения имеют множество смысловых оттенков и композиционных функций»²⁹¹. С помощью вопросов поэт способен проиллюстрировать рассуждения лирического героя, облакающего свою мысль в форму слова, выражающего собственный внутренний мир. Более того, сами по себе вопросительные конструкции позволяют «не только ярче озвучить основную тему произведения, но и обозначить участников коммуникативного акта, разворачивающегося в пространстве художественного текста»²⁹².

В 310 стихотворениях П. А. Вяземского нами было обнаружено 498 вопросительных конструкций (в среднем 1,6 вопроса на стихотворение). Статистика использования вопросительных конструкций в лирике Вяземского представлена в таблице 19 Приложения А.

Как видно исходя из данных, представленных в таблице 19 Приложения А, вопросы присутствуют лишь в 154 произведениях – то есть, менее чем в половине из стихотворений поэта. В то же самое время, специфика расположения вопросительных предложений в тексте указывает на то, что данной синтаксической конструкции Вяземский уделял большое внимание, концентрируя группы, состоящие из вопросов, в одном месте (используя так называемый прием сгущения).

²⁹⁰ Хазбулатова Т. А. Вопросительные конструкции как разновидность диалогических форм речи в поэзии Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама: 10.02.01. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2012. С. 23.

²⁹¹ Сорокин В. Б. Элегическое вопрошание поэтов XVIII века / Русская речь. 2010. №2. С. 3.

²⁹² Мухина А. С. Речевое поведение лирических героинь А.Ахматовой и М.Цветаевой. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. С. 87.

Разумеется, особый интерес для анализа поэтической речи представляют вторичные функции вопросов, связанные с передачей информации – ведь она в таком случае является экспрессивно окрашенной. Чаще всего у поэта встречаются вопросы с экспрессивно окрашенным утверждением:

*Я знаю, что о том давно уж споры стихли,
А все-таки спрошу: гекзаметр, полно, стих ли?* [с. 308]

...Не всем ли нам

В путь роковой идти всё тем же следом? [с. 339]

Или с экспрессивно окрашенным отрицанием:

Я вас обманывал - но мог ли обмануть? [с. 241]

Из нас кто мог бы хладнокровно

Завидеть русское клеймо? [с. 340]

Остальные типы вопросов, направленных на реализацию вторичной функции, у Вяземского встречаются значительно реже, как это бывает с вопросами, выражающими эмоциональную реакцию говорящего («*Ты мыслить вздумал? Ты? Дружок! Перекрестись!*» [с. 128]) и вопросами, направленными на активизацию внимания:

*Зато, когда из лиц почетных кто умрет,
Клеймит он прах его своею дружбой грязной.
Так что же? Тут расчет...* [с. 280]

Рассуждая о вопросительных конструкциях, нельзя не упомянуть и об их роли в организации поэтического синтаксиса. Вяземский в своей поэзии использует разные типы вопросительных конструкций. Наиболее часто встречаются:

1) риторический вопрос – использование формы вопроса в утвердительных или побудительных конструкциях²⁹³:

*Клянусь: и я любить умею,
Но натошак что за любовь?* [с. 60]

²⁹³ Хазагерев Г.Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 275.

2) гипофора – вопрос, обращенный говорящим к самому себе, ответ на который и дает говорящий²⁹⁴:

Что век зоила? - день! Век гения? - потомство! [с. 73]

Что мысли? Выдержки ума! [с. 206]

3) дубитация – вопрос, выраженный вслух в виде выражения сомнения в чем-либо²⁹⁵:

Вы говорите: жизнь есть благо, -

Что ж после назовете злом? [с. 376]

Для вопросительных конструкций в поэзии Вяземского характерен прием сгущения. О сгущении вопросительных предложений в поэзии Пушкина упоминает Л. Д. Беднарская, отмечая, что именно Пушкин «открыл мощное экспрессивное средство, которые переняли у него русские поэты»²⁹⁶. Безусловно, в таком случае влиянию Пушкина подвергся и Вяземский, поскольку поэт любит задавать читателю множество вопросов. С явлением сгущения мы сталкиваемся, к примеру, при чтении стихотворения «Святочная шутка»:

Скажите ж, видели ль вы черта?

Каков он? Немец иль русак?

Что на ноге его: ботфорта

Иль камер-юнкерский башмак?

Черноволос ли, белобрыс ли,

В усах ли, иль не дует в ус?

Что, каковы в нем чувства, мысли,

Что за приемы, речи, вкус?

Что от него вы переняли,

Иль не его ль учили вы? [с. 226]

При этом иногда поэт отвечает на поставленные вопросы. К примеру, стихотворение «Недовольный» состоит из чередования вопросов и ответов (18 пар предложений), обрамляемого двумя вопросительными конструкциями:

²⁹⁴ Хазагеров Г.Г. Указ. соч. С. 174-175.

²⁹⁵ Хазагеров Г.Г. Указ. соч. С. 180.

²⁹⁶ Беднарская Л. Д. Синтаксис А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Орёл: ОГУ, 2008. С. 95.

*Каких нам благ просить от бога?
 Фортуны? - Слишком быстронога,
 Едва придет и пропадет!
 Чинов? - За ними рой забот!
 Высоких титулов? - Тщетны звуки!
 Богатства? - Не запас от скуки!*

<...>

*Покоя? - И к монастырям
 Ему заложена дорога! -
 Каких же благ просить от бога? [с. 162-163]*

Таким образом, именно вопросительные конструкции являются попыткой ответить на основной вопрос стихотворения («Каких нам благ просить от бога?»), однако убедительного ответа поэт так и не находит, что заставляет Вяземского вновь задаться искомым риторическим вопросом.

Иногда Вяземский уклоняется от прямого ответа, давая возможность поразмыслить над заданными вопросами самому читателю:

*Но силой ли души иль слепотой почесть,
 Когда вы жизни сей, дарами столь убогой,
 Надежды лучшие дерзаете принести
 На жертвенник обязанности строгой?*

*Что к отреченью вас влечет? Какая власть
 Вас счастья призраком дарит на плахе счастья?
 Смиренья ль чистого возвышенная страсть,
 Иль безмятежный сон холодного бесстрастья?*

*Вы совершенней ли, иль хладнокровней нас?
 Вы жизни выше ли, иль, как в избранный камень
 От Пигмальноновой любви, равно и в вас
 Ударить должен чистый пламень? [с. 169]*

В позднем творчестве Вяземского сгущением вопросов наполнены философские стихотворения, посвященные поиску смысла жизни. Поэт сопоставляет прошлое, настоящее и грядущее и задается вопросами жизни и смерти:

А после? Вот вопрос. Как знать, зачем пришли мы?

Зачем уходим мы? На всем лежит покров... [с. 415]

В этом случае вопросительные конструкции часто содержат в себе антитезы, типичные для творчества поэта (см. § 3.2.1).

Разумеется, нельзя не отметить особые случаи использования Вяземским вопросительных конструкций для формирования структуры стихотворения. В ряде произведений Вяземский, начиная стихотворение вопросительным предложением или группой из вопросительных предложений, ими же свой стих и заканчивает (иногда в незначительно измененном виде). К числу таких произведений можно отнести уже упомянутое стихотворение «Недовольный», а также «Уж не за мной ли дело стало?»

Уж не за мной ли дело стало?

Не мне ль пробьет отбой?

<...>

Уж не за мной ли дело стало?

Теперь не мне ль пробьет отбой? [с. 279]

3.2.5. Другие фигуры речи

В данный раздел попали те фигуры речи, которые представлены в творчестве поэта в ограниченном количестве и не являются частотными, однако всё равно представляют интерес с точки зрения анализа поэтического синтаксиса.

1) Асиндетон

Делец пришел к начальнику с докладом,

Графиня ждет от графа денег на дом,

На бале граф - жену до петухов,

Бедняк - давно обещанного места,

*Купец - долгов, невеста - женихов,
 Пилад - услуг от верного Ореста;
 Им всем ответ: «Теперь мне недосуг,
 А после ты зайди ко мне, мой друг». [с. 204]*

В данном стихотворении союзы опущены, что придаёт ему большую стремительность, динамичность, тем самым позволяя автору передать быструю смену образов.

*В сих голосах мелодии пустыни;
 Я слушал их, заслушивался их,
 Я трепетал, как пред лицом святыни,
 Я полон был созвучий, но немых. [с. 227]*

Благодаря отсутствию союзов (а также повтору местоимения первого лица) внимание читателя сосредоточивается на анафорическом использовании тем самым подчеркнутого структурно и по смыслу местоимения, выдвигающего фигуру лирического субъекта на первый план.

2) Алогизм

Яркий пример алогизма наблюдается в стихотворении «Обжорство», которое является пародией на притчу «Осёл и рябина» графа Д. И. Хвостова. Вяземский при помощи разнообразных средств, в том числе и синтаксических, пытается добиться схожести с басней Хвостова. Взаимоотношения между частями сложного предложения и смысл предложения в целом здесь предельно замутнены:

*Мужик, вскочивши на осину,
 За обе щеки драл рябину,
 Иль, попросту сказать, российский чернослив:
 Знать, он в любви был несчастлив!
 Но наш француз
 С рожденья не был трус;
 Мужик же тож не пешка,
 И на ослину часть не выпало орешка.*

Здесь в притче кроется толикий узл на вкус:

Что госпожа Ослица,

Хоть с лаю надорвись, не будет ввек лисица. [с. 90]

Ю. М. Лотман отмечает, что данное стихотворение прекрасно своей бессмысленностью; перед нами «ряд семантических нелепиц»²⁹⁷: на осине растёт рябина, между персонажами – французом, мужиком и ослом – нет связи, более того, осёл к концу стихотворения становится ослицей. Мораль, заключающая басню, непредсказуема и кажется логичной только на первый взгляд.

3) Полиптит

Под полиптотом понимается фигура красноречия, основанная на употреблении в одной фразе разных падежных форм одного и того же слова. В данном случае у Вяземского использование этой фигуры осложнено тем, что повторяемое слово употребляется в разных частях сложного предложения: сложность конструкции и включение однородного ряда расширяют возможность для повтора лексемы.

Я пережил и многое, и многих,

И многому изведal цену я. [с. 260]

4) Анаколуф

Анаколуф – «грамматическая несогласованность частей или членов предложения, которая может быть <...> средством речевой выразительности – стилистическим приемом»²⁹⁸. У Вяземского анаколуф часто встречается в бессоюзных конструкциях:

Сани здесь — подобной дряни

Не видал я на веку [с. 303]

В данном случае анаколуф представляет собой нестандартное заполнение позиции сказуемого предикативным сочетанием слов (= ‘сани здесь дрянные’).

Здесь личность есть и самобытность,

Кто я, так я, не каждый мы,

²⁹⁷ Лютман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПБ, 1996. С. 127–130.

²⁹⁸ Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. — М.: Наука, 2005. С. 35.

Чувств подчиненность или скрытность

Не заморозила умы. [с. 351]

Вторая строка обосновывает наличие заявленной личностной самобытности, путем повтора местоимения «я» в его антитетической противопоставленности «мы».

А подвижной сей каземат,

А подвижная эта пытка,

Которую зовут: кибитка,

А изобрел нам зимний ад. [с. 214], –

союз «а», появляющийся в четвертой строке четверостишия, «сбивает с толку» читателя, и заставляет его искать параллели с первыми двумя строками, к которым конструкция «*А изобрел нам зимний ад*» не имеет отношения, поскольку является присоединительной и характеризует причины появления такого вида транспорта, как кибитка (в то время как конструкции из первой и второй строки четверостишия дают описательную характеристику самой кибитки).

3.2.6. Языковая игра на уровне синтаксиса

Рассуждая о языковой игре, мы должны сразу же оговориться, что однозначное толкование этому явлению дать довольно затруднительно в силу ряда факторов (неоднозначность понятия «игра» как такового и связи его с традиционной теорией тропов и фигур как стилистических приемов, сложность взаимоотношений «языка» и «речи» - и, как следствие, введение дополнительного термина «речевая игра», а также попытки разграничения языковой и речевой игры²⁹⁹). Поэтому мы вслед за Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой понимаем языковую игру как «те явления, когда говорящий «играет» с формой речи»³⁰⁰, как для создания комического эффекта, так и для усиления ее выразительности.

²⁹⁹ См. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: УрГПУ, 1996, Торопова О. В. Языковая игра как важнейший принцип смыслопорождения на стыке языка и речи. / Вестник Челябинского Государственного университета. 2013. №1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 276–278.

³⁰⁰ Земская Е. А. Языковая игра. Русская разговорная речь. / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М.: Наука, 1983. С. 172.

Говоря о языковой игре в творчестве того или иного автора, следует учитывать, что она, как правило, сосредоточена не избирательно на одном из уровней языка (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом), а затрагивает сразу несколько из них, вкуче с семантическим и прагматическим.

Безусловно, поэтическое творчество П. А. Вяземского содержит в себе элементы языковой игры. Даже сам поэт говорил о своей поэтической манере: «Позволяю себе неологизмы, то есть прибавления к словарю Российской Академии; но по крайней мере вольности мои не произвольны, а вытекают обыкновенно из самого состава и наказа языка»³⁰¹. Анализ поэзии П. А. Вяземского с точки зрения поиска случаев игры с формой речи позволил нам выделить несколько типовых приемов, часто встречающихся в творчестве поэта. К числу таких приемов относится создание лексико-семантическими средствами в сочетании с особым синтаксическим построением фразы иронического подтекста, трансформация фразеологизмов, активное использование семантически нагруженных сравнительных оборотов, а также включение иностранных слов и выражений в русскоязычный текст.

I. Синтаксис контекстов, содержащих иронию

Ранний Вяземский – мастер острого слова, его эпиграммы пользовались большим успехом в светском обществе, а в стихотворных произведениях часто встречаются двусмысленности и намеки. В некоторых случаях они могут быть непонятны современному читателю, тогда как для современника поэта смысл этих эпиграмм был понятен без дополнительных комментариев. Вяземский пристально следил за формой таких иронических конструкций, особым образом организуя текст стихотворения (в том числе и с точки зрения синтаксиса). К числу типичных синтаксических средств актуализации иронии, встречающихся у Вяземского, мы относим построенную на однофункциональных рядах или полипредикативных паратаксических структурах антитезу, вставные конструкции и риторические восклицания.

1. Антитеза

³⁰¹ Вяземский П. А. Записные книжки. М.: Русская книга, 1992. 315 с.

Конструкции с антитезой в творчестве Вяземского могут использоваться не только в собственно поэтических (см. параграф 3.2.1), но и в иронических целях. К примеру, стихотворение «Сравнение Петербурга с Москвой» [с. 56] у поэта строится на приеме антитезы. При этом можно соотнести те или иные строчки с реалиями конкретных городов (соответственно, Петербурга и Москвы):

<i>У вас Нева,</i>	(Петербург)
<i>У нас Москва.</i>	(Москва)
<i>У вас Княжнин,</i>	(Петербург)
<i>У нас Ильин.</i>	(Москва)
<i>У вас Хвостов,</i>	(Петербург)
<i>У нас Шатров.</i>	(Москва)

Здесь бессоюзно оформленная антитеза эллиптических конструкций усиливает образы, контрастирующие между собою, но связанные внутренним смыслом. В конце стихотворения противопоставление Москвы и Петербурга и вовсе сводится на нет, однако Вяземский не упускает случая отметить несоответствие пола человека и привычной одежды, оформив это несоответствие при помощи противопоставительной конструкции:

*Мужчин в чепцах,
А баб в портках
Найдешь у вас,
Как и у нас,
Не няля глаз.*

Любопытно, что финальная антитеза, оформленная в виде сложносочиненного предложения с сопоставительным значением, стала причиной, по которой это стихотворение было подвергнуто цензуре – под спящим кучером в последней строке подразумевался не кто иной, как Александр I, что вряд ли порадовало цензоров:

*У вас «авось»
России ось
Крутит, вертит,*

А кучер стит [с. 56]

Целый цикл стихотворений («Поэтический венок Шутовского») направлен против одного из представителей «Беседы любителей русского слова» А. А. Шаховского. Часть стихов этого цикла построена на контрастах, создающихся при помощи антонимичных пар в однородном ряду с общим ироническим эффектом:

В комедиях, сатирах Шутовского

*Находим мы **веселость** словаря,*

***Затейливость** месяцеслова*

*И **соль** и **едкость** букваря. [с. 88]*

***Комедией** друзей ты **плакать** заставляешь,*

***Трагедией** ты зрителя **смешишь**. [с. 88]*

*Ты в «**Шубах**» Шутовской **холодный**,*

*В «**Водах**» ты Шутовской **сухой**. [с. 89]*

Также Вяземскому не чужд такой прием, как грамматическая антитеза. Иронические колкости молодого Вяземского, выражаемые лексико-семантическими средствами в единстве с синтаксическим строением фразы, зачастую были направлены против конкретных лиц. Например, поэт обличал других авторов – в частности, С. С. Боброва (*тот в бочке прожил век, а наш свой прожил с бочкой [с. 57]*), противопоставляя его древнегреческому философу Диогену и намекая на его склонность к употреблению алкоголя.

Грамматическая антитеза встречается и в позднем творчестве поэта. В стихотворении «По поводу современного зоологического вопроса» есть следующие строки:

Спрошу: не больше ль правды в том,

Что вовсе не от обезьян,

А в обезьяны мы идем? [с. 406]

В этом случае грамматическое противопоставление «от обезьян» - «в обезьяны» позволяет по-новому взглянуть в том числе и на рассматриваемую проблему (смена предлога и падежа существительного меняет вектор

направления). И в этом случае грамматическая антитеза оформляется при помощи сочинительной связи с противопоставительным союзом «а».

2. Вставные конструкции

Вяземский при помощи вставных конструкций дает своеобразный авторский комментарий к описываемым в стихотворении явлениям. При этом нас особо интересуют те случаи, когда поэт использует вставные конструкции, стремясь добиться иронического эффекта. Любопытно, что подобного рода комментарии Вяземский предпочитает делать, когда в качестве объекта иронии выступает он сам и его поэтическое творчество:

Почтенной публикой (я должен бы сказать:

Почтеннейшей - но в стих не мог ее загнать) -

Почтенной публикой не очень я забочусь... [с. 331]

Подобного рода комментарий позволяет с одной стороны изменить угол восприятия (это своеобразная попытка диалога с читателем, тем более что стихотворение называется «Литературная исповедь»), а с другой – представляет собой явную самоиронию. Вяземский описывает себя как поэта, «загоняющего» слова в стих (и, более того, неспособного это сделать).

Или технически скажу

И местность красок удержу:

«Kurczeta, raczki i szparagi»

(Чего не стерпит лист бумаги

И рифма под моим пером?) [с. 175]

В этом случае поэт вновь, отходя от основной темы стихотворения, использует во вставной конструкции глагол «стерпеть» - «выносить что-то мучительное, неприятное». Таким образом, Вяземский явно иронически характеризует написанные им строки как нечто не заслуживающее внимания.

Но иногда Вяземский при помощи вставных конструкций может иронизировать и над другими поэтами:

Надутый самохвал, сыгравший жизнь вничью,

Влюбленный по уши в посредственность свою

(А уши у него Мидасовых не хуже)... [с. 362]

Здесь с помощью вставной конструкции обыгрывается сочетание двух устойчивых выражений: «быть влюбленным по уши» и «Мидасовы уши» (в соответствии со значением фразеологизма, человек, обладающий такими ушами, болтлив и глуп).

3. Риторические восклицания

Необходимо оговориться, что не все исследователи выделяют риторические восклицания как фигуру речи. К примеру, Г. Г. Хазагеров в своем «Риторическом словаре» дает риторическим восклицаниям статус квазитропа, отмечая, что говорить о риторическом восклицании «как о фигуре рана»³⁰². Если же мы обратимся к традиционному пониманию риторического восклицания как стилистической фигуры в форме восклицательного предложения, усиливающей эмоциональность высказывания, то в числе многообразия видов использования можем выделить те высказывания, которые представляют собой притворные эмоции, сочетающиеся с явно ироническим значением сказанного.

С помощью восклицательных предложений Вяземский может:

1) обличать своих оппонентов:

Вот каковы в наш век друзья! [с. 62] (в адрес П. И. Голенищева-Кутузова, реакционера, писавшего доносы на друзей поэта)

Прогресса вы сыны! [с. 407] (характеристика тех авторов, которые излишне вольно относятся к русскому языку)

2) язвительно комментировать происходящее:

*Всё это опыт, уверяют,
Терпенья надобно иметь,
И в ободренье обещают,
Что будет продолженье впродь.*

Благодарю! С меня довольно! [с. 412]

³⁰² Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. С. 303.

Также восклицательные предложения могут сочетаться с намеренным преувеличением, и именно восклицание делает такое преувеличение еще более убедительным и привлекающим внимание:

*Отечество спаслось Кутузова мечом
От мстительной вражды новейшего Батыя,
Но от твоих стихов, враждующих с умом,
Ах! не спаслась Россия!* [с. 66]

После распада «Беседы любителей русского слова...» и арзамасского кружка Вяземский отошёл от написания эпиграмм, и в позднем творчестве мы не встречаем у него той блестящей иронии, того мастерского владения пером как в раннем своем творчестве. В то же время большое число случаев языковой игры в эпиграммах (зачастую вкуче с их необычной синтаксической организацией) позволяет сделать вывод о важной роли данного приема в поэтическом синтаксисе автора.

II. Трансформированные фразеологизмы

Нередко мастера поэтического слова прибегают к различного рода структуральным и семантическим трансформациям узуальных оборотов, стремясь к более удачному и оригинальному словоупотреблению, к извлечению особых образных эффектов. В статье «Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов» Н. Л. Шадриним отмечается, что «выявить и систематизировать многочисленные способы и приемы этих преобразований невозможно, так как нет общего для них признака»³⁰³. Тем не менее, проблемой классификации трансформированных фразеологизмов занимались многие исследователи, в частности, А. И. Молотков³⁰⁴, В. П. Жуков³⁰⁵, Н. М. Шанский (чья типология фразеологических трансформаций заслуживает особого внимания³⁰⁶).

³⁰³ Шадрин К. Л. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов // Лингвистические исследования. 1972. Ч. 2. М., 1973. С. 79.

³⁰⁴ Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 183 с.

³⁰⁵ Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1999. 159 с.

³⁰⁶ Подробнее см. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1985. С. 149-150.

Зачастую трансформированные в структурном или семантическом плане фразеологические обороты используются с определенными выразительными и изобразительными целями в лирике, где возможно построение на устойчивых сочетаниях слов даже целых текстов. Одна из присущих творчеству П. А. Вяземского черт – склонность к употреблению разного рода фразеологических оборотов, в том числе и трансформированных, в лирических произведениях. Как отмечал И. М. Семенко, «Вяземский часто обыгрывает в стихах какой-либо речевой оборот. Сама повторяемость приема придает ему вид индивидуальной особенности авторской речи и в то же время осмысливается как характерная черта русской фразеологии»³⁰⁷.

В поэзии П. А. Вяземского нами было обнаружено три основных типа трансформации фразеологизмов:

- 1) замена одного из компонентов фразеологизма,
- 2) изменение грамматической структуры оборота,
- 3) распространение фразеологизма.

С точки зрения анализа поэтического синтаксиса нам в первую очередь будет интересна вторая группа трансформированных фразеологизмов³⁰⁸. В целом изменение грамматической структуры оборота в сравнении с двумя другими вариантами трансформации используется Вяземским реже, поскольку данный способ трансформации не приводит к сколь-нибудь существенным семантическим и образным эффектам; так фразеологизм «пожинать лавры» трансформируется поэтом в стихотворении «Стол и постеля»:

Пусть боец в кровавом деле

Пожинает лавр мечом. [с. 105]

Благодаря замене множественного числа на единственное, возможно, что этот фразеологизм является контаминацией двух других: «пожинать плоды» и «увенчать лаврами» – с сохранением значения фразеологизма «пожинать лавры».

³⁰⁷ Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М.: Художественная литература, 1970. 295 с.

³⁰⁸ В целом о трансформированных фразеологизмах подробнее см. Патроева Н.В., Лебедев А.А. Поэтическая фразеология П.А.Вяземского (статья) // Учен. зап. ПетрГУ. Сер.: Общ. и гум. науки. 2009. № 8 (102). С. 60-66.

Оборот «выбиться в жизнь» встречается в виде «выбиться на жизнь» в стихотворении «Сознание», таким образом, происходит замена предлога при управляющем глаголе:

Но промысл обмануть хотел я, чтоб украдкой

Мне выбиться на жизнь из-под его руки. [с. 327]

Способ трансформации – изменение предложного управления, возможная причина которого – версификационная (соблюдение метра).

Замена предложного управления в другом обороте («лоб со лбом» вместо «лоб в лоб») в стихотворении «Русские проселки» подчеркивает мотивирующую внутреннюю форму оборота и содействует буквализации его значения:

Я видел шибку: лоб со лбом они столкнулись. [с. 272]

Одновременные вставка и элиминация частиц могут способствовать замене в обороте противопоставительных связей соединительными (в сравнении с узуальным «не в бровь, а в глаз») и буквализации фразеологического значения с целью усиления эмоционального воздействия на читателя, как в стихотворении «К Илличевскому»:

И встречных ты и поперечных

Коли и в бровь и прямо в глаз. [с. 208]

В стихотворении «Важное открытие» находим оборот «в бровь, не прямо в глаз»:

Сказал я как-то мимоходом,

И разве в бровь, не прямо в глаз,

Что между авторским народом

Шпионы завелись у нас... [с. 281]

В результате перестановки и вставки частиц в противопоставительном фразеологизме значение оборота меняется на ему противоположное.

Фразеологизм «после дождичка в четверг» используется и в трансформированном, и в неизменном виде в стихотворении «Поскупись, судьба талана»:

Ничего не начинаю

После дождичка в четверг,

А как раз сажусь в дорогу

Перед дождичком в четверг. [с. 343]

Сочетание общеупотребительного и авторского вариантов фразеологизма создает эффект противопоставления, контраста, что обеспечивается еще и эпитетическим повтором.

Особо следует упомянуть фразеологизм «делать из мухи слона» приобретает несколько «странноватый» облик в стихотворении «Выдержка»:

Тот ставит свечку злomu духу,

Впрок не пойдет того казна,

Кто легкоумье ловит в муху,

Чтоб делать из нее слона. [с. 205]

Возможно, здесь наблюдается еще один вид трансформации оборотов – контаминация двух фразеологизмов: «ловить мух» (от фр. *beer aux mouche* – буквально «разинуть рот на муху» или «разинуть рот в муху») – бездельничать, и «делать из мухи слона» – преувеличивать³⁰⁹. Подобные существенные применения «затемняют», «остраняют» привычный контекст и выводят восприятие внешнего адресата стихотворения из автоматизма при «дешифровке» художественного текста. Подобного рода синтаксические контаминации, по мнению В. З. Санникова, относятся напрямую к синтаксическому уровню языка³¹⁰.

Сам Вяземский признавал, но не всегда поправлял «шероховатости» своего поэтического слова, стремясь к оригинальности выражения. Принимая упреки в некоторых несообразностях выражения, Вяземский объясняет свои «ошибки» тем, что «никогда не писал прилежно, постоянно; никогда не изучал... систематически языка нашего. Как певцы-самоучки, писал... более по слуху... Знаю, язык мой не всегда правилен; не довольно внимательно и строго покоряюсь законам его. Увлекаюсь не желанием, а скорее бессознательною потребностью

³⁰⁹ Русская фразеология: историко-этимологический словарь / Под. ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд. М.: Астрель-Аст: Хранитель, 2007. С. 455.

³¹⁰ Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 106-107.

сказать иначе, чем сказали бы другие. Это может быть достоинством, но может быть и погрешностью...»³¹¹.

В результате изменения фразеологизмов поэту удается достичь важных стилистических эффектов – усиления комического начала, создания иронического подтекста, эмоционального воздействия на читателя. Эти контексты Вяземского более выразительны и ярки, а строфы, в которых употребляются трансформированные фразеологизмы, сразу же привлекают к себе внимание читателя.

Большинство используемых Вяземским фразеологических оборотов имеют разговорную коннотацию, однако встречаются и книжные (восходящие к мифам или Библии) выражения, поэтому фразеологизмы, помимо образно-экспрессивных, выполняют и функцию создания аллюзий и реминисценций, обладают богатым интертекстуальным потенциалом.

Изобилие, по выражению В. Г. Белинского, оригинально-русских, не передаваемых ни на какой язык в мире образов и оборотов, «идиомов, руссизмов, составляющих народную физиологию языка»³¹² в стихотворном языке П. А. Вяземского вполне очевидно. Используя богатые фразеологические ресурсы родного языка, поэт наметил новые пути синтеза, гармонического сплава традиционно-книжного словоупотребления с живым русским народным выражением, оборотами-«прозаизмами», обогащающими монотонно-гладкий и «сладкий» язык лирики, между тем как эти «простонародные» стихи многими сторонниками «среднего» стиля карамзинской школы подвергались ограничениям и даже преследованиям. Чувствовавший прелесть родной речи и стремящийся раздвинуть границы традиционно-поэтического словоупотребления, Вяземский находился всегда в поиске оригинального смысла и формы своих воззрений, отыскивая «в себе собственное, коренное, родовое»³¹³.

III. Иноязычные вкрапления

³¹¹ Вяземский П. А. Записные книжки. С. 295.

³¹² Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1976. 614 с.

³¹³ Вяземский П. А. Записные книжки. С. 314.

Выстраивая синтаксическую архитектуру текста, Вяземский, хоть и изредка, допускает вставки из других языков, например:

1) польского

Притом цыплята, раки, спаржа,

Или технически скажу

И местность красок удержу:

"Kurczeta, raczki i szparagi" [с. 175]

Здесь Вяземский сознательно дает сначала русский перевод, а затем для придания колорита и создания большего эффекта упоминает польский вариант.

2) Латинского:

Досадно слышать: "Sta viator!"

Иль, изъясняясь простей:

«Извольте ждать, нет лошадей», [с. 171]

При этом точный перевод конструкции «Sta viator!» с латинского – «Постой, путник».

3) Немецкого:

Kennst du das Land, где фимиамом чистым

Упоены воздушные струи [с. 254]

«Kennst du das Land» - с немецкого «Ты знаешь ли край?», и именно с этой фразы начинаются четыре первые строфы одноименного стихотворения. Выбор немецкого языка Вяземским здесь не случаен – и название стихотворения, и эпиграф, и часть текста восходят к творчеству Гёте, выдающегося немецкого поэта. В последней строфе мы также можем встретить немецкое «Dahin, dahin» («Туда, туда»), органично вплетающееся в текст стихотворения.

4) Французского:

Faire la cour и волочиться

Смешно напоминает блажь [с. 178]

Два стихотворения из творчества поэта включают в себя активное использование средств иностранного языка: «"Per obbedir la", что ни спросишь», а также «Слезная комплянта, ки пе тетр ву фера рир»

В стихотворении «"Per obbedir la", что ни спросишь» Вяземский многократно повторяет конструкцию «Per obbedir la» (с вашего разрешения). Поэт указывает на неуместную повторяемость этих конструкций в речи некоторых людей, что иногда создает явно комический эффект и вызывает негативные эмоции у автора:

А буря барку потопила?

«Per obbedir la, и с людьми».

О, баста, баста, грудь изныла

От ваших слов, провал возьми! [с. 381]

Стихотворение «Слезная комплянта, ки пе тетр ву фера рир» содержит в себе элементы французского языка, как в заглавии, так и в самом тексте:

Он говорит: «Хочу в Женеву»,

Она в ответ: «Не жене ву».

<...>

И так довольна я судьбою:

Ле мьё се ленеми дю бьян.

<...>

Он плачет, а она... хохочет

И говорит: «Ле гран папа,

Всё о Женеве он хлопочет,

А я свое: «Же не ве па». [с. 393]

В последнем случае любопытен тот факт, что Вяземский записывает слова французского языка русскими буквами (это касается как элемента заглавия, так и самого стиха), поэтому данное стихотворение близко так называемой «макаронической» поэзии, «написанной своеобразным смешанным жаргоном, в котором слова местного языка чередуются со словами языка чужого и подчиняются его морфологическим законам»³¹⁴, и это позволяет создать «ощущение неожиданного контраста и обуславливает комический эффект»³¹⁵.

³¹⁴ Мокульский С. Макароническая поэзия // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 6. М, 1932. Стб. 709—713.

³¹⁵ Пузейкина Л. Н. Употребление русских имен собственных в смешанных немецко-русских колониетских песнях (по материалам коллекции немецких народных песен В.М. Жирмунского) // «Magister Dixit» -

3.3 Мелодика, строфика и метрика лирики П. А. Вяземского в соотношении с ее синтаксической организацией

Вопросы мелодики, интонации и ритма традиционно рассматривались исследователями поэтического синтаксиса в числе приоритетных в силу того, что ритм и интонация стихотворения являют собой «основное, фундаментальное свойство структуры поэтического сообщения»³¹⁶, а сам синтаксис стиха «строится в неразрывной связи с ритмом — со строкой и со строфой»³¹⁷. Именно поэтому нам видится логичным исследование строфических и интонационных особенностей, присущих лирике П. А. Вяземского.

3.3.1. Соотношение строфического, ритмо-метрического и синтаксического построения текста

Как отмечает В. Д. Левин, «синтаксис стихотворного произведения неотделим от его ритмического строения; в произведениях строфической формы эта зависимость осложняется структурным своеобразием принятой в данном произведении строфы»³¹⁸. С точки зрения строфического деления стихотворения Вяземского распределяются следующим образом (см. таблицу 20 Приложения А):

Таким образом, для поэзии Вяземского более характерны строфические (213 стихотворных произведений, 69% от всех), нежели чем астрофические (97 стихотворений, 31 % от всех) произведения. Можно привести отдельные наблюдения, связанные с синтаксическим оформлением разных типов строфических построений в творчестве поэта.

В проанализированном нами творчестве у раннего Вяземского присутствуют два дистиха-эпиграммы (законченные стихотворения, состоящие из двух строк), которые представляют собой отдельные сложные предложения:

Нет спора, что Бибрис богов языком пел:

Из смертных бо никто его не разумел. [с. 55]

научно-педагогический журнал Восточной Сибири. №1 (03). 2013. URL: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/2013-1-pusejkina-fin-korrekt_0.pdf.

³¹⁶ Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. С. 7.

³¹⁷ Эйхенбаум Б. Мелодика русского лирического стиха. Петербург: ОПОЯЗ, 1922. С. 5.

³¹⁸ Левин В. Д. Из наблюдений над синтаксическим строем «Евгения Онегина» // Вопросы филологии. М., 1969. С. 189.

Российский Диоген лежит под сею кочкой:

Тот в бочке прожил век, а наш свой прожил с бочкой. [с. 57]

Для всего творчества Вяземского, как и других русских поэтов, характерны четверостишия. При этом доля стихотворений, состоящих из катренов, в позднем творчестве Вяземского существенно возрастает (вплоть до 73% от числа всех стихотворений в 1860-70-е годы).

Пятистишия («К моим друзьям Жуковскому, Батюшкову и Северину», «Всякой на свой покрой», «Когда? Когда?») - пятая строка имеет меньшее количество слогов) являются сравнительно редким видом строфического построения для поэта, однако их можно встретить на протяжении всего творческого пути автора.

Шестистишия – (например, «Весеннее утро», «Давным-давно» - шестая строка имеет меньшее количество слогов, «Отложенные похороны» - шестая строка имеет большее количество слогов) встречаются преимущественно в 40-50-е годы XIX века.

Восьмистишия («Выдержка», «Погреб», «Катай-валяй» - восьмая строка имеет меньшее количество слогов), так же как и четырехстишия, можно встретить на протяжении всего творческого пути автора. К особой форме восьмистишия - ноэлю - следует отнести стихотворение «Спасителя рождением...»; ноэль подразумевает особое чередование шестисложных, восьмисложных и тринадцатисложных строк. Ноэль – сравнительно редкий для XIX века стихотворный жанр, известную популярность получивший в том числе и благодаря А. С. Пушкину.

В числе особенностей восьмистиший следует выделить существенно больший процент сложных предложений в сравнении с четверостишиями, что можно объяснить необходимостью заполнения синтаксическими позициями строф в два раза большего объема при стремлении к совпадению границ строфы и предложения.

В одном из стихотворений («На радость полувековую...») наблюдается чередование восьмистиший и четверостиший, и при этом восьмистишия в

большинстве своем состоят из двух предложений по четыре строки каждое, то есть демонстрируют «инерцию» построения по модели катрена. Стихотворение «Петербургская ночь» представляет собой чередование восьмистиший и шестистиший, и при этом почти все восьмистишия также состоят из двух предложений по четыре строки каждое.

Единственное десятистишие в числе анализируемых стихотворений – это «Осень 1830 года». В данном стихотворении нет чёткой взаимосвязи между синтаксическим и ритмическим делением:

*Не верьте небесам: им чувство доверялось,
Но сардонически и небо улыбалось.
Есть солнце на небе, а бедствует земля.
Сияньем праздничным одеяны поля,
И никогда пышней не зрелся нам мир божий,
Но светлых сих полей владетель и прохожий,
Земного царства царь, в владении своем,
Один под бич поник униженным челом,
Один, среди богатств цветущего наследства,
Он предан на земле в добычу зла и бедства. [с. 234]*

Чередование десятистиший и четверостиший наблюдается в стихотворении «Песнь на день рождения В. А. Жуковского» – все десятистишия здесь состоят из двух предложений по шесть и четыре строки соответственно:

*Нас судьбы размежевали,
Брошен он в чужой конец,
Но нас чувства с ним связали,
Но он сердцем нам близнец;
Ни разлуки нет, ни дали
Для сочувственных сердец.
Нежной дружбы тайной силой
И судьбе наперелом
В нас заочно - друг наш милый,*

И мы жизнью сердца - в нем. [с. 290]

Редкий случай для поэзии Вяземского - непоследовательное строфическое деление (5 стихотворных произведений построено по свободной строфической схеме):

*Брожу задумчиво, и с сумраком полей
Сольются сумерки немой мечты моей.
И только изредка звук дальний, образ смутный
По сонному уму прорежет след минутный
И мир действительный напомнит мне слегка.*

*Чу! Песня звонкая лихого ямщика
С дороги столбовой несется. Парень бойкой,
Поет и правит он своей задорной тройкой.
Вот тусклый огонек из-за окна мелькнул,
Тут голосов людских прошел невнятный гул,
Там жалобно завыл собаки лай нестройный-
И всё опять замрет в окoliце спокойной.*

*А тут нежданный стих, неведомо с чего,
На ум мой налетит и вцепится в него;
И слово к слову льнет, и звук созвучья ищет,
И леший звонких рифм юлит, поет и свищет. [с. 279]*

Несовпадение границ сложного предложения с границами строфы для творчества Вяземского - явление нечастое. Однако встречаются случаи, когда Вяземский в своих строфических произведениях использует предложения, которые занимают более двух строф (см. таблицу 21 Приложения А).

При этом в подавляющем большинстве случаев (75 случаев из 81) стихотворения с предложениями на несколько строф – это произведения, разделенные на четверостишия. Лишь один случай представляет собой шестиштишие, три – восьмиштишия, и два – десятиштишие.

При этом у Вяземского граница между строфами, как правило, совпадает с границей сложного или осложненного предложения либо с границей между однородными членами предложения (и для классического стихосложения такое положение дел является обычным). Однако в некоторых случаях наблюдается несовпадение интонационно-фразового членения в стихе с делением на строфы, что позволяет нам говорить о резком строфическом переносе (строфическом анжамбемане):

*1) В победе чести нет, когда бесчестен бой.
Раскройте новый круг, бойцов сзовите новых,
Пусть лавр, не тронутый корыстной рукой,
Пусть мета высшая самих венков лавровых*

***Усердью чистому явит достойный дар!**
И честолюбие, источник дел высоких,
Когда не возмущен грозой страстей жестоких,
Вновь пламенной струей прольет по мне свой жар. [с. 134]*

*2) Дом, юности моей преддверье,
Чем медленней надежд порыв,
Тем детства сердца суеверье
И давней памяти прилив*

***Меня к тебе уносит чаще;**
Чем жизнь скупее на цветы,
Тем умильней и слаще
Души обратные мечты. [с. 229]*

*3) Помню я младую братью,
Милый цвет грядущих дней:
Отрок с огненной печатью,*

С тайным заревом лучей***Вдохновенья и призванья******На пророческом челе,****Полном думы и мечтанья,**Крыльев наших на земле [с. 318]*4) *Довольно деток, слишком много,****Мы с нею по свету пустили******На произвол и на авось:****Одни, быть может, вышли в люди,**А многим - воля божья буди! -**Скончаться заживо пришлось. [с. 397]*

Как отмечает Л. В. Зубова, «сильный строфический раздел, преодолевающий сильную синтаксическую связь..., естественно, вызывает и сильную актуализацию слова во всей совокупности его семантических, грамматических и фонетических характеристик. Энергия раздела и акцентируемого слова готовит экспрессию следующих строк»³¹⁹.

Также в поэзии Вяземского было обнаружено 146 контекстов со строчным анжамбеманом (т. е., стихотворным переносом из строки в строку). В целом явление анжамбемана нехарактерно для поэзии поэта (данный прием наблюдается лишь в 87 стихотворениях – 28% от всех стихотворений поэта). При этом все формы анжамбемана можно разделить на три группы:

А) Фраза, которая занимает первую строку, оканчивается в начале следующей (31 контекст):

Он с любящей душой ум острый и свободный*Соединял; в своих он мненьях был упрям,**Но и простор давать любил чужим речам. [с. 362]*

³¹⁹ Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Издательство ЛГУ, 1989. С. 94.

Когда сдается мне, что выдержал бы суд

Жуковского; когда надеяться мне можно,

Что Батюшков, его проверив осторожно,

Ему б на выпуск дал свой цензорский билет [с. 362]

Б) Фраза, начинаясь в конце первой строки, переносится в последующую (87 контекстов)

Наш свет - театр; жизнь - драма; содержатель -

Судьба; у ней в руке всех лиц запас [с. 117]

Или день праздничный: кощёлы

Пустеют; полдень: будто пчелы,

Из ульев набожных трудов,

Расправля крылья золотые,

Спешат святоши молодые. [с. 177]

В) Фраза начинается в конце первой строки и заканчивается на границе второй (28 контекстов). При таком виде анжамбемана Вяземский может оставлять в первой строке одно слово, которое может быть как знаменательным:

Печальным облаком омрачена картина:

Тень грозной истины лежит на ней. Она

В хладеющую грудь проникнула до дна. [с. 235]

Так и незнаменательным:

И я был, сознаюсь, бойцом кулачным. Но,

«Журналов перешед волнуемое поле,

Стал мене пылок я и жалостлив стал боле». [с. 331]

А также в первой из строк могут оставаться и более пространные конструкции:

От свечки вспыхнули обои здесь; там на дом

Выкидывало из трубы. [с. 142]

Особо следует упомянуть о «сказовых переносах» (термин С. А. Матяша), которые «образуются на стыке двух <...> ультракоротких строк (1-2-стопных)

или на стыке ультракороткой строки с более длинной строкой»³²⁰. В поэзии Вяземского такие переносы единичны:

Окликай

Старика за меня... [с. 239]

От души

Почеши

Мокрый ус, то-то страсть! [с. 240]

Таким образом, поэзия П. А. Вяземского в полной мере подтверждает предположение С. А. Матяша, в соответствии с которым место сказовых переносов в лирике XIX века заняли переносы традиционные.

Особо следует упомянуть об используемых в творчестве поэта стихотворных размерах. Важность установления соотношения между грамматическими особенностями стихотворения и индивидуальной манерой автора отметил М. И. Шапир – в своей работе «Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов – Пушкин – Иосиф Бродский)» он призывал к изучению закономерностей на уровне синтаксиса в стихотворных текстах разных размеров, поскольку «каждая стиховая форма имеет собственную грамматику»³²¹. Подавляющее большинство стихотворений (264, 85% от всех) Вяземского написаны ямбом; при этом поэт предпочитает четырехстопный, шестистопный и вольный ямб; хорей встречается в творчестве Вяземского значительно реже (32 случая, 10%), и это преимущественно «песенный» четырехстопный хорей (27 случаев); исключения из этого правила редки – трехстопный хорей (три случая) и шестистопный хорей (один случай). Примечательным является стихотворение «На радость полувековую», посвященное пятидесятилетнему юбилею И. А. Крылова, в котором Вяземский комбинирует ямб и хорей, а также восьмистишия и четверостишия: текст стихотворения написан четырехстопным ямбом и восьмистишиями, в то время

³²⁰ Матяш С. А. Стихотворный перенос: к проблеме взаимодействия ритма и синтаксиса. // Славянский стих: стиховедение, лингвистика и поэтика. М. Наука, 1996. С. 198.

³²¹ Шапир М. И. Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов – Пушкин – Иосиф Бродский) // Вопросы языкознания. 2003. №3. С. 66.

как рефрен, повторяющийся между восьмистишиями, оформлен в виде четверостиший, написанных четырехстопным хореем.

Трехслоговые размеры – нечастое явление для творчества автора (всего 13 стихотворений); поэт предпочитает писать амфибрахийем (7 случаев), анапест встречается реже (5 случаев), а пример дактиля и вовсе единичен – его можно встретить в стихотворении «К друзьям». Примечательно, что сочетание двустопного дактиля в сочетании с чередованием мужской и женской клаузулы, а также с повторами обеспечивает отрывистость звучания текста, построенного еще и на грамматическом, морфемном и фонетическом повторах:

Неумолимый

Неумолим,

Невозвратимый

Невозвратим.

Утром гордится

Роза красой;

Утром свежится

Роза росой. [с. 79]

Специальных закономерностей, связанных с корреляцией между стихотворным размером и типом предложения, найдено не было; исключением являются лишь стихотворения, написанные александрийским стихом – в таких текстах число сложных конструкций значительно выше среднего. Специфика использования Вяземским более редких, чем широко распространенные в классической русской лирике четырехстопный или пятистопный ямб, стихотворных размеров представлена в таблице 22 Приложения А: следует отметить для трехсложных размеров резкое увеличение доли простых предложений (четырёхстопный хорей³²², трехстопный дактиль, четырехстопный амфибрахий, двустопный анапест) либо, напротив, усиление активности сложных конструкций (трехстопный хорей, двустопный дактиль, двустопный амфибрахий,

³²² Хорей четырехстопный как преимущественно «песенный» размер диктует стилистически значимую простоту синтаксического строения, напоминающую фольклорный песенный жанр.

четырёхстопный анапест) на фоне «средней» для Вяземского частотности типов конструкций. Шестистопный хорей и трехстопный амфибрахий демонстрируют одинаково высокую на фоне «нормы» активность простых и многочастных построений. Для трехстопного дактиля и четырехстопного более характерны осложненные построения, чем для других метрических схем в целом.

3.3.2. Интонационная структура лирики

Рассматривая лирические произведения Вяземского с точки зрения интонационного аспекта, мы будем опираться на пособие Н. В. Черемисиной-Ениколоповой «Законы и правила русской интонации», в частности, на изложенные в нём принципы анализа интонационной структуры предложения³²³.

Исследовательница предлагает два типа динамических структур:

1) обычные (предполагают ступенчатое движение силы синтагматических центров в направлении к силовому кульминанту – финальному фразовому центру);

2) эмфатические (предполагают, что силовой кульминант сосредоточен в неоконченной позиции – то есть, в нефинальной синтагме). На уровне сложного предложения самая частая причина эмфазы – инверсия синтагм.

Для удобной визуальной характеристики интонационной структуры Н. В. Черемисина-Ениколопова предлагает обозначение каждой из синтагм при помощи цифры; при этом:

- 1) Цифра 3 обозначает силу фразового, самого значимого ударения;
- 2) Цифра 2 – силу второго по значимости синтагматического ударения, нередко «предфразового»;
- 3) Цифра 1 – силу слабых препозитивных синтагматических ударений;
- 4) Если в структуре наличествуют однородные синтагмы, то сила каждого последующего члена превышает силу предшествующего на 0,5;

³²³ Черемисина-Ениколопова Н. В. Законы и правила русской интонации: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 1999. С. 170-188.

5) Вводные слова и предложения ослаблены в наибольшей степени и обозначаются как 0,5;

6) В случае с эмфатической структурой заударная синтагма оказывается наиболее слабой и может быть приравнена к 1 или 0,5;

7) При наличии в придаточном предложении распространителей, там тоже можно выделить иерархию силовых элементов. При этом цифровое обозначение в скобках указывает на положение синтагмы внутри предложения в целом.

В соответствии с вышеуказанными правилами и с опорой на контексты из творчества П. А. Вяземского можно представить следующую интонационную классификацию предложений в творчестве поэта:

1) Структура большинства сложных предложений (сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзных), каждая часть которых содержит лишь одну синтагму, подчиняется норме общей градации силы, заявленной Черемисиной-Ениколоповой (наиболее важная по смыслу часть постпозитивна³²⁴):

<i>Слепая приговор скрепила, // И с бала я попал в ухаб!</i>	2-3
<i>Когда безбожье было в моде, // Он был безбожья хвастуном</i>	2-3
<i>Чтоб более меня читали, // Я стану менее писать!</i>	2-3
<i>Здесь муза брода не найдет: // Она над бездною повисла.</i>	2-3

Исключения из этого правила в творчестве Вяземского носят единичный характер и связаны с использованием союзных слов «когда»:

У журналистов он не раз // Людей испытывал суровость, // Когда носил им напоказ // Экспромтов дюжинный запас. (3)-(2)

Как часто вас они коварно задирают // Когда вы их не ищите даров 3-2

2) Если придаточная часть сложноподчиненного предложения состоит из одной синтагмы или синтагм с однородными членами, то она включается в силовую градацию без уровней иерархии:

Пусть нежный баловень полуденной природы, // Где тень душистее, / красноречивей воды, // Улыбку первую приветствует весны! 1-2-2,5-3

³²⁴ Черемисина-Ениколопова Н. В. Указ. соч. С. 176.

3) Структура сложносочиненных и бессоюзных предложений, содержащих перечисление, сходна со структурой предложения с однородными членами, где «на каждом этапе нарастает смысловое и эмоциональное напряжение»³²⁵:

И гимны наши - голос муки, // И дни восторгов - дни разлуки! 2,5-3

Где дичь вкусней, // и трюфли благовонней, // И пьяный Вакх плодит роскошный дол... 2-2,5-3

Когда поэты будут скромны, // При счастье глупость не горда, // Красавицы не вероломны // И дружба в бедствиях тверда? 1-1,5-2-3

При этом имеет смысл отметить, что некоторые из предложений с однородными членами из творчества поэта затруднительно представить в данном виде, поскольку Вяземский использует большое количество однородных членов (пять и более), а классификация Черемисиной-Ениколоповой не подразумевает более дробного деления, чем 0,5:

Природы северной любяся зеркалом,

В вас любит он ее величье, тишину,

И жизнь цветущую под хладным покрывалом,

И зиму яркую, и кроткую весну.

4) Структура предложений с противопоставлением весьма своеобразна; если антитеза двучленна, то логические ударения на противопоставляемых словах неодинаковы по силе, и второе всегда сильнее:

И будет вывеской вельможей высокий дух, / а не звезда? 2-3

Ты требуешь стихов моих, // Но что достойного себя увидишь в них? 2-3

При четырехчленной антитезе два логических центра первой части сложного предложения противопоставляются двум центрам второй части. При этом более сильными и почти равными оказываются вторые ударения, более слабыми – первые ударения в каждой из частей сложного предложения

Не изменилась / ты, // но изменился / я. 1-2-1,5-3

Которого душа / есть пламень, // А ум / - холодный эгоист 1-2-1,5-3

³²⁵ Черемисина-Ениколопова Н. В. Указ. соч. С. 174.

Вместе с тем в лирике Вяземского есть отступления от этого правила, связанные с инвертированием членов предложения в одной из частей:

Успехов/ просит ум, // а сердце / счастья просит! 2-1-1,5-3

(вместо нейтрального порядка слов

Ум просит/ успехов, // а сердце просит/ счастья! 1-2-1,5-3)

5) В сложных предложениях, где каждая из частей включает в себя две и более синтагмы, может появляться целая иерархия динамических структур (в скобках дан верхний уровень иерархии):

Но в возраст тот // когда печальных истин свиток // В мерцанье радужном еще сокрыт от нас, // Для сердца жадного и самый благ избыток // Есть недостаточный запас. 1(3)-2(2)-3(2)-2(3)-3(3)

Сложные иерархические конструкции также в значительной степени подвержены инверсиям:

Икалось ли тебе, // Давыдов, // Когда шампанское // я пил // Различных вкусов, свойств и видов, // Различных возрастов и сил? 3(2)-1(2)-3(3)-1(3)-2(3)-2,5(3)

(Вместо нейтрального порядка слов

Давыдов, // икалось ли тебе // Когда я пил // различных вкусов, свойств и видов // различных возрастов и сил // шампанское 2(2)-3(2)-1(3)-2(3)-2,5(3)-3(3)).

Особую роль в построении эмфатических конструкций в поэтическом творчестве в целом и в лирике Вяземского в частности играет инверсия. Инверсия представляет собой перестановку слов, отступление от грамматического их порядка. С помощью инверсии поэты решают интонационные, версификационные и эстетические задачи (придавая определенному выражению большую яркость). В некоторых случаях инверсия может привести к усложнению, «затемнению» текста и нежелательным комическим эффектам. При этом Черемисина-Ениклопова, рассматривая интонационную структуру предложения, выделяет не только инверсию слов, но и инверсию синтагм, а также инверсию синтаксических частей предложения³²⁶.

³²⁶ Черемисина-Ениклопова Н. В. Указ. соч. С. 178.

Эмфатическая структура в сложных предложениях обеспечивается инверсией синтагм; Черемисина-Ениколопова отмечает, что «в сложных предложениях <...> эмфатические структуры сравнительно редки, потому что для облегчения правильного восприятия сложного предложения особенно важно сохранить простейшую схему градации силовых явлений»³²⁷.

Однако нужно отметить, что для творчества Вяземского весьма характерны случаи, когда простейшая схема градации силовых явлений не сохраняется; причиной этому могут служить как инверсии в рамках частей сложного предложения (см. примеры выше), так и сложноподчиненные предложения с постпозитивной придаточной частью, благодаря которым логическое ударение располагается не в конечной позиции, а в некоей неконечной синтагме:

Уважен будешь ты, // когда других уважишь. 3-2

Что-то всё не спится, // Хоть пью лекарства по ночам. 3-2

Зачастую инверсия в рамках частей сложного предложения и постпозитивная придаточная часть сочетаются в одной конструкции:

Счастлив / он //, если мог цветы струей омыть 3(3)-2(3)-2(2)

Таким образом, частое несоответствие интонационному естественному правилу - закону, «в соответствии с которым элемент, семантически наиболее значимый, располагается в финале ритмоинтонационной единицы», может быть дополнительной причиной, по которой стихи Вяземского считались и считаются сложными для прочтения и трудными для восприятия.

³²⁷ Черемисина-Ениколопова Н. В. Указ. соч. С. 179.

Заключение

Проделанная нами работа позволяет сделать следующие выводы.

1) В результате анализа поэтического творчества в качестве наиболее релевантных для поэтического синтаксиса Вяземского были определены такие синтаксические конструкции, как осложненные предложения, сказуемые с отвлеченной связкой (в силу их большого количества и специфики эстетического использования), односоставные предложения (процент которых в творчестве поэта сравнительно невелик для того времени, однако разнообразие типов конструкций обеспечивает разностороннее и эффективное воздействие текста на читателя) и сложные предложения, среди которых в текстах Вяземского преобладают бинарные бессоюзные и многокомпонентные с разными типами синтаксической связи.

2) Осложненное предложение является наиболее распространенным и самым важным типом построений в поэзии П. А. Вяземского. Среди осложняющих конструкций наибольшей активностью отличаются субстантивные, предложно-падежные и сравнительные обороты, что свидетельствует о ярко проявляющейся в синтаксисе Вяземского тенденции к оценочности, перифрастичности и именованному характеру поэтического высказывания.

Обилие вставных и вводных синтагм, а также использование присоединительных конструкций сближает поэтический синтаксис Вяземского с живой устной речью, демократизирует его. При этом сравнительно невысокая активность обращений делает поэзию Вяземского, особенно позднюю, «замкнутой» в собственном поэтическом мире, «одиноким размышляющей» о бытии вне открыто выраженного апелляциями к внутреннему либо внешнему адресату диалога.

3) Синтаксис односоставных предложений в лирике Вяземского разнообразен как с точки зрения видов односоставных предложений, так и с позиции выражения главных компонентов односоставного предложения, что позволяет, на наш взгляд, несколько скорректировать и уточнить идею об активизации односоставных конструкций впервые именно в эпоху «серебряного

века» русской поэзии. В соответствии со статистическими данными можно говорить о преобладании определенных типов односоставных предложений: чаще всего встречаются определенно-личные и безличные односоставные предложения, сравнительно немного неопределенно-личных и номинативных предложений, однако, на позднем этапе творчества активность номинативных и инфинитивных рядов у Вяземского возрастает. Увеличение доли безличных конструкций позволяет поэту подчеркнуть пессимистичный настрой его стихотворений, неверие в будущее, отрицание реалий, навязываемых чуждым душе автора окружающим миром.

В сфере односоставных предложений Вяземского преобладающим модальным смыслом является необходимость (одно из стихотворений – «Надо помянуть, непременно помянуть надо...» целиком строится на односоставных предложениях с подобным модальным значением).

4) Глагол-связку представляется возможным рассматривать как один из компонентов идиостиля писателя, поскольку разные формы связочного элемента участвуют в формировании художественного хронотопа, а присутствие материально выраженной связки настоящего времени стилистически значимо. При этом взгляд Вяземского как поэта обращен и в прошлое, и в настоящее, и в будущее, однако исходя из анализа грамматического значения отвлеченных связок становится понятно, что автор сосредоточивает свое внимание в первую очередь на событиях прошлого и настоящего.

Исходя из анализа формы отвлеченных связок будущего времени, можно сказать, что лирический герой Вяземского, идейно близкий самому автору, «не видит» в будущем себя, – те немногие формы составного именного сказуемого, которые присутствуют в его творчестве в будущем времени, преимущественно относятся к другим лицам, но не к самому Я поэта. А материально выраженная связка «есть» в формах настоящего времени именного сказуемого – отголосок синтаксической структуры прошлых веков – продолжает встречаться в стихотворном творчестве Вяземского, поэта пушкинской поры, что является отличительной особенностью его поэтического синтаксиса.

5) Полипредикативные построения в лирике П. А. Вяземского разнообразны с точки зрения строения и семантики и играют важную роль в формировании логической структуры текста.

Типичной для лирических стихотворений является активность бессоюзия, если сравнить его с подчинительной и сочинительной связью, — поэзия Вяземского подтверждает эту тенденцию в полной мере. В то же время в целом удельный вес гипотаксиса у Вяземского несколько выше в сравнении с его современниками-коллегами по поэтическому цеху, что свидетельствует о близости идиостиля Вяземского ломоносовской одической традиции. Сложноподчиненным предложениям отводится особая роль — они употребляются в том случае, когда нужно установить рациональную, причинно-следственную связь между событиями, о которых идёт речь в лирическом произведении. Сложносочиненные предложения используются им в разного рода лирических описаниях; бессоюзные предложения преимущественно участвуют в движении сюжета (мотивном ведении) стихотворения.

Наиболее активными, в сравнении синтаксисом других поэтов — предшественников и современников Вяземского, оказываются в его лирике сложноподчиненные предложения с атрибутивными отношениями, сложносочиненные с разделительными и бессоюзные с присоединительными отношениями, что свидетельствует о важной роли категории оценочности в поэзии Вяземского, а также тенденциях к дизъюнктивному (альтернативному) типу поэтического мышления, а также к демократизации синтаксиса (отсюда — активность характерного для разговорной стихии ассоциативного нанизывания — присоединения; усиление роли стилистически нейтральных и даже несколько стилистически «сниженных», на фоне синонимичных им книжных причастных оборотов, атрибутивных придаточных).

Союзы и союзные слова, встречающиеся в лирической поэзии Вяземского, типичны для автора девятнадцатого столетия. Окаzionaliальные и устаревшие союзные средства единичны (*бо, кой; пред тем чтоб*). В то же самое время нельзя говорить о том, что поэзия Вяземского в полной мере отражает тенденцию к

демократизации языка на уровне синтаксиса, поскольку в произведениях поэта сохраняются трудные тяжеловесные фразы, синтаксические конструкции большого объема.

6) На уровне текста также прослеживается четкая взаимосвязь между синтаксическими особенностями творчества П. А. Вяземского и его индивидуальным стилем. Важная роль синтаксической организации текста в создании различных стилистических приемов, присущих поэзии Вяземского, не подлежит никакому сомнению. Для творчества Вяземского характерен целый ряд фигур речи (антитеза, синтаксический параллелизм, полисиндетон), в построении которых немаловажное значение имеют синтаксические конструкции; а также в целом автор склонен осуществлять языковую игру с читателями текста путём целого ряда приёмов (в число основных из которых входит ирония, трансформация фразеологизмов, использование сравнительных оборотов интертекстуального характера и иноязычные вкрапления).

7) Неоспорима и связь синтаксического построения текста со строфической и интонационной структурой. Особенности строения поэтических текстов П. А. Вяземского влекут за собой целый ряд изменений в привычной канве поэтического текста. Изменения эти связаны в первую очередь с частыми стихотворными переносами (анжамбеманами), а также особой интонацией стихотворения, построенной на приеме инверсии в сочетании с большим количеством сложных предложений.

Особая сила и мудрость поэтических произведений П. А. Вяземского, сочетание необычной, порой нарочито сложной синтаксической структуры с не менее глубоким внутренним содержанием, возможно, сыграли злую шутку с поэтом. В середине мая 1826 года Пушкин написал в письме к Вяземскому: «Твои стихи <...> слишком умны. А поэзия, прости Господи, должна быть глуповата»³²⁸. Именно интеллектуальность поэзии, её глубина стала отличительной чертой творчества Вяземского; стремление к выстраиванию причинно-следственных,

³²⁸ Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. - М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 9. Письма 1815–1830. С. 231.

глубинных связей, нехарактерное для лирики в целом, нашло широкое отражение в творчестве этого выдающегося поэта и мыслителя. Немаловажную роль в оформлении сверхсодержательности и интеллектуальности поэзии П. А. Вяземского сыграл особый поэтический синтаксис, присущий его стихотворным произведениям.

Список использованной литературы

I. Источники

1. Баратынский, Е. А. «На что вы дни! Юдольный мир явленья...» / Е. А. Баратынский // Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений: В 2 т. — Л.: Сов. писатель, 1936. Т. 1. — С. 218.
2. Белинский, В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 3. / В. Г. Белинский. — Москва: Художественная литература, 1976. — 614 с.
3. Вяземский, П. А. Записные книжки / П. А. Вяземский — Москва: Русская книга, 1992. — 384 с.
4. Вяземский, П. А. Стихотворения / П. А. Вяземский. — Ленинград: Советский писатель, 1986. — 544 с.
5. Вяземский, П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / П. А. Вяземский. — Москва: Издательство «Правда», 1988. — 480 с.
6. Вяземский, П. А. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. Стихотворения / П. А. Вяземский. — Москва: Художественная литература, 1982. — 462 с.
7. Вяземский, П. А. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. Литературно-критические статьи / П. А. Вяземский. — Москва: Художественная литература, 1982. — 383 с.
8. Вяземский, П. А. Записные книжки (1813-1848) / П. А. Вяземский. — Москва: Академия наук СССР, 1963. — 513 с.
9. Пушкин, А. С. Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 1. Стихотворения 1814-1822. / А. С. Пушкин. — Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1959. — 645 с.
10. Пушкин, А. С. Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 6. Критика и публицистика / А. С. Пушкин — Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1962. — 583 с.

11. Пушкин, А. С. Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 9. Письма 1815–1830. / А. С. Пушкин. — Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1962. — 494 с.

II. Научная литература

12. Азарова, Н. М. Язык философии и язык поэзии — движение навстречу / Н. М. Азарова. — Москва: Логос/Гнозис, 2010. — 494 с.

13. Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского литературного языка: учеб. пособие / Г. Н. Акимова. — Москва: Высшая школа, 1990. — 168 с.

14. Алефиренко, Н. Ф., Чумак-Жунь, И. И. Коммуникативная ситуация как когнитивно-прагматический фактор порождения поэтического дискурса / Н. Ф. Алефиренко., И. И. Чумак-Жунь // *Auspisia. Recenzovaný neimpaktovaný časopis zaměřený na oblast společenských věd.* — České Budějovice: Vysoká škola evropských a regionálních studií. — № 1. — 2008. — С. 68-73.

15. Алёхина, Н. В. Синтаксис как доминанта структуры поэтического текста: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01. / Наталья Владимировна Алёхина. — Владивосток, 2005. — 177 с.

16. Ананьева, О. А., Бакалова, З. Н. Монтаж экспрессивного художественного текста средствами разделительной связи. / О. А. Ананьева, З. Н. Бакалова // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, т. 11, 4 (5). — 2009. — С. 1244-1248.

17. Арнольд, И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд // *Иностранные языки в школе.* — 1978. — № 4. — С. 23—31.

18. Арчакова, Р. А. Аппроксимация и идиостиль автора художественного текста / Р. А. Арчакова // *Университетские чтения-2008.* Пятигорск: Изд-во ПГЛУ. — 2008. — С. 105-110.

19. Аскоченская, А. А., Синтаксические особенности поэзии И. С. Никитина: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01. / Ася Альбертовна Аскоченская. — Воронеж, 1998. — 173 с.
20. Ахмедова, Ю. А. «Идиостиль сонетов И.-Северянина из цикла «Медальоны»: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01. / Юнна Александровна Ахмедова. — Челябинск, 2008. — 189 с.
21. Бабаев, Э. Г. А. И. Герцен и «метафизический» язык / Э. Г. Бабаев // Русская речь. — 1987. — № 2. — С. 30—35.
22. Бабайцева, В. В. Синкретизм парцелированных и присоединительных субстантивных фрагментов текста / В. В. Бабайцева // Филологические науки. — 1997. — №4. — С. 54—63.
23. Бараночникова, Л. В. Функционирование вводных и вставных компонентов в поэзии и прозе А. С. Пушкина: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01. / Лидия Владимировна Бараночникова. — Санкт-Петербург, 2011. — 170 с.
24. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва: Искусство, 1979. — 445 с.
25. Беднарская, Л. Д. Синтаксис романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Л. Д. Беднарская. — Орёл: ОГУ, 2008. — 372 с.
26. Бекбалаев, А. А., Вальваков, Р. В. Русские сложноподчиненные предложения с придаточными места: функционально-семантический аспект / А. А. Бекбалаев, Р. В. Вальваков // Вестник КРСУ. — 2012. — Том 12. № 8. — С. 131-135.
27. Береговская, Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису / Э. М. Береговская. — Москва: Рохос, 2004. — 208 с.
28. Бойков, А. И. Конструкции разговорного синтаксиса в поэтическом идиолекте А. Башлачёва / А. И. Бойков // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. — №3. — С. 162 – 166.

29. Болотнова, Н. С. Анализ идиостиля в коммуникативной стилистике художественного текста на основе теории текстовых ассоциаций / Н. С. Болотнова // Труды III Международного конгресса исследователей русского языка. — Москва, 2007. — С. 365—366.
30. Бондаренко, В. В. Вяземский / В. В. Бондаренко. — Москва: Молодая Гвардия, 2004. — 688 с.
31. Бондаренко, И. В. Функционирование сочинительных союзов на межфразовом уровне / И. В. Бондаренко // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. — 2009. — Вып. 2. — С. 21—27.
32. Борковский, В. И., Кузнецов, П. С. Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. — Москва: КомКнига, 2007. — 512 с.
33. Бочина, Т. Г. Акротеза с повтором тематического компонента в русской паремике / Т. Г. Бочина // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. — 2011. — №4 (18). — С. 158-162.
34. Брюсов, В. Я. Фиалки в тигеле. Собрание сочинений в семи томах. Т. 6. / В. Я. Брюсов. — Москва: Художественная литература, 1973-1975. — 647 с.
35. Букина, Г. Ю. Творчество П. А. Вяземского 1860-1870-х годов: проблемы мировосприятия и жанровое многообразие: автореф. дис. ... канд. филол. наук, 10.01.01. / Г. Ю. Букина. — Москва, 2012. — 28 с.
36. Букина, Г. Ю. Онтологические мотивы в поздней лирике П. А. Вяземского / Г. Ю. Букина // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». — №5. — 2011. — С. 123-126.
37. Булаховский, Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Т.2. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис / Л. А. Булаховский. — Москва: Учпедгиз, 1954. — 464 с.

38. Бутов, Р. Н. Enjambement как феномен ритмики и графики поэтического текста (к вопросу уточнения классификации) / Р. Н. Бутов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — Т.15. — №3. — 2009. — С. 46—49.

39. Буякова, М. В. Сочинение и подчинение в стихе и прозе в русском и французском языках / М. В. Буякова // Русский язык в научном освещении. — 2008. — №2. — С. 58—70.

40. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка: Учебник / Н. С. Валгина. — Москва: Агар, 2000. — 416 с.

41. Вежбицкая, А. Язык. Познание. Культура / А. Вежбицкая. — Москва: Русские словари, 1996. — 416 с.

42. Виноградов, В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума / В. В. Виноградов // Русская речь: Сборники статей / Под ред. Л. В. Щербы. Петроград: Издание фонетич. ин-та практич. изучения языков, 1923. — Ч. I. — С. 195—293.

43. Виноградов, В. В. О теории художественной речи : учеб. пособие для студ. филол. спец. ун-тов / В. В. Виноградов. — Москва: Высшая школа, 1971. — 238 с.

44. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. — Москва: Гослитиздат, 1959. — 656 с.

45. Виноградов, В. В. Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. — Москва: Художественная литература, 1961. — 612 с.

46. Виноградов, В. В. Пушкин и русский литературный язык XIX века / В. В. Виноградов // Пушкин — родоначальник новой русской литературы / АН СССР. — Москва-Ленинград, 1941. — С. 543—605.

47. Виноградов, В. В. Русский язык: (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — 3-е изд. — Москва: Высшая школа, 1986. — 640 с.

48. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. — Москва, Издательство Академии Наук СССР, 1963. — 256 с.

49. Виноградова, В. Н. Игорь Северянин / В. Н. Виноградова // Очерки истории языка русской поэзии. Опыт описания идиостилей. — Москва: Наследие, 1995. — С. 100—131.

50. Виноградская, Н. В. Синонимия бессоюзных сложных предложений со значением сопоставления и противопоставления и простых предложений / Н. В. Виноградская // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2009. — № 1. — С. 65-68.

51. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. — Москва: Учпедгиз, 1959. — 492 с.

52. Винокур, Г. О. Об изучении языка литературных произведений / Г. О. Винокур // Русская словесность. — Москва: Academia, 1997. — 896 с.

53. Винокур, Г. О. Пушкин и русский язык / Г. О. Винокур // О языке художественной литературы: учеб. пособие / Г. О. Винокур. — Москва: Высшая школа, 1991. — С. 158—179.

54. Воскобойников, В. В. Актуальные аспекты изучения идиостиля в современной лингвистике / В. В. Воскобойников // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. — Вып. 11. — 2013. — С. 164-169.

55. Вяткина С. В. К вопросу о становлении вставных конструкций в русском литературном языке / С. В. Вяткина // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2, История, языкознание, литературоведение. — 1987. — № 2. — С. 100—102.

56. Гак, В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации / В. Г. Гак // Теория функциональной грамматики. — Санкт-Петербург: Наука, 1996. — С. 6—26.

57. Гапоненко, П. А. Поэтическая индивидуальность П. А. Вяземского: от «Первого снега» — к «Зимним карикатурам»: К 120-летию со дня рождения П. А. Вяземского / П. А. Гапоненко // Литература в школе. — 2002. — № 1. — С.21—25.
58. Гармажапова, Л. А. Личные местоимения русского языка в семантико-функциональном аспекте (в сопоставлении с бурятским языком) : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Лариса Алексеевна Гармажапова. — Улан-Удэ, 2009. — 169 с.
59. Гаспаров, М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика / М. Л. Гаспаров. — Москва: Наука. 1984. — 319 с.
60. Гаспаров, М. Л., Скулачева, Т. В. Статьи о лингвистике стиха. / М. Л. Гаспаров, Т. В. Скулачева. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. — 288 с.
61. Гаспарян, С. К., Князян, А. Т. К вопросу об изучении индивидуального стиля автора / С. К. Гаспарян, А. Т. Князян // Филологические науки. — 2004. — №4 — С. 50—57.
62. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. — Москва: Просвещение, 1965. — 408 с.
63. Геймбух, Е. Ю. Языковая маска и языковая личность в «Повестях Белкина» / Е. Ю. Геймбух // Русский язык в школе. — 1990. — №3. — С. 46—54.
64. Гинзбург, Л. Я. Вяземский / Л. Я. Гинзбург // История русской литературы: В 10 т. Т. VI. Литература 1820—1830-х годов. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Москва; Ленинград, 1941—1956. 1953. — С. 390—399.
65. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. — Москва: Интрада, 1997. — 409 с.
66. Гиро-Вебер, М. О связке в русском языке / М. Гиро-Вебер // Предложение и слово. — Саратов, 1999. — С. 32—37.

67. Гиршман, М. М. Ритм художественной прозы. / М. М. Гиршман. — Москва: Советский писатель, 1982. — 368 с.
68. Гладкий, А. В. Синтаксические структуры естественного языка / А. В. Гладкий. — Москва: Изд-во ЛКИ, 2007. — 146 с.
69. Голуб, И. Б. Грамматическая стилистика современного русского языка / И. Б. Голуб. — Москва: Высшая школа, 1989. — 208 с.
70. Грек, А. Г. Поэтика бессоюзных соединений в языке Вяч. Иванова / А. Г. Грек // Поэтическая грамматика. Том I. Российская академия наук, Институт русского языка В.В. Виноградова. — Москва: Азбуковник, 2005. — С. 376—427.
71. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. — Екатеринбург: УрГПУ, 1996. — 214 с.
72. Гринбаум, О. Н. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: ритмико-смысловый комментарий / О. Н. Гринбаум. — Санкт-Петербург, 2012. — 328 с.
73. Григорьев, В. П. Грамматика идиостиля. В. Хлебников / В. П. Григорьев. — Москва: Наука, 1983. — 225 с.
74. Джанджакова Е. В. О поэтике заглавий / Е. В. Джанджакова // Лингвистика и поэтика. — Москва, 1979. — С. 207—214.
75. Джаубаева, Ф. И. Гармония поэтического текста А. С. Пушкина: Полисиндетон / Ф. И. Джаубаева. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. — С. 32.
76. Дмитрук, Т. И. Средства связи в однофункциональных конструкциях простого предложения в литературном языке XVIII в.: автореф... дис. канд. фил. наук. / Дмитрук Т. И. — Петрозаводск, 2006. — 19 с.
77. Душина, Н. П. Каузативные глаголы: семантика и грамматика. На материале поэзии Серебряного века : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Наталья Петровна Душина. — Тамбов, 2004. — 275 с.

78. Евсева, Р. А. Трехчастность лирических стихотворений: к проблеме методики анализа композиции / Р. А. Евсева // Вестник ОГУ. — 2006. — №11. — С. 45—50.
79. Ефимов, А. И. О языке художественных произведений / А. И. Ефимов. — Москва: Учпедгиз, 1954. — 288 с.
80. Жирмунский, В. М. Введение в метрику. Теория стиха / В. М. Жирмунский. — Ленинград: Academia. 1925. — 284 с.
81. Жирмунский, В. М. Композиция лирических стихотворений / В. М. Жирмунский. — Петербург: Издательство «ОПОЯЗ», 1921. — 109 с.
82. Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов / В. П. Жуков. — Москва: Просвещение, 1999. — 159 с.
83. Жунусова, М. К. Выразительное завершение произведения / М. К. Жунусова // European Researcher. — 2013. — Vol. (50), No 5 – 3. — p. 1477-1480.
84. Захидова, Л. С. Специфика идиостиля Ю. Полякова : лексико-семантический аспект : дисс... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Лариса Сергеевна Захидова. — Новосибирск, 2009. — 187 с.
85. Звонова, С. А. Слово Ф. И. Тютчева в лирике Ю. Н. Верховского / С. А. Звонова // Художественный текст и культура. Материалы международной научной конференции 6-7 октября 2005 г. Владимир: Владимирский государственный педагогический университет, 2006. — С. 90-95.
86. Земская, Е. А., Китайгородская, М. В., Розанова, Н. Н. Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь. — Москва: Наука. 1983. — С. 172—214.
87. Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., Сидорова, М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. — Москва: РАН, 1998. — 528 с.

88. Золотова, Г. А. Композиция и грамматика / Г. А. Золотова // Язык как творчество: Сборник научных трудов к 70-летию В. П. Григорьева. — Москва: Наука, 1996. — С. 284-296.
89. Золотова, Г. А. Синтаксис и стилистика / Г. А. Золотова. — Москва: Наука, 1976. — 282 с.
90. Золян, С. Т. От описания идиолекта — к грамматике идиостиля / С. Т. Золян // Язык русской поэзии XX в. Сб. научных трудов. — Москва: ИРЯ АН СССР, 1989. — С. 238-259.
91. Зубова, Л. В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект / Л. В. Зубова — Ленинград: Издательство ЛГУ, 1989. — 264 с.
92. Зуев, Н. Н. Константин Батюшков / Н. Н. Зуев. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 110 с.
93. Ицкович, В. А. К истории вводных слов и предложений в русском языке / В. А. Ицкович // Вопросы русского языкознания / Львовский гос. ун-т. — Львов, 1960. — Кн. 4. — С. 91—126.
94. Камынина, А. А. О двух функциях аппозиции в простом предложении современного русского языка / А. А. Камынина // Вопросы русского языкознания: сб. ст. / МГУ. — М., 1980. — Вып. 9. — С. 13—30.
95. Карасёв, А. Б. Значения числительных в английских и испанских идиомах / А. Б. Карасёв. — Москва: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2007. — 97 с.
96. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва: Наука, 1987. — 263 с.
97. Каримова, Т. Ф. К вопросу о синтаксическом статусе заголовке / Т. Ф. Каримова // Проблемы сверхфразовых единств. Семантико-синтаксическая структура. Уфа, 1985. — С. 46—49.
98. Кашкарова, О. Н. Из стилистического арсенала ранней лирики А. А. Ахматовой / О. Н. Кашкарова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2010. — № 2. — С. 49—54.

99. Ковтунова, И. И. Асимметричный дуализм языкового знака в поэтической речи / И. И. Ковтунова // Проблемы структурной лингвистики. 1983, под ред. В. П. Григорьева. — Москва: Наука, 1986. — С. 87—108.

100. Ковтунова, И. И. Изменения в системе осложненного предложения / И. И. Ковтунова // Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века: очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. — М.: Наука, 1964. — С. 369—482.

101. Ковтунова, И. И. Порядок слов в стихе и прозе / И. И. Ковтунова // Синтаксис и стилистика. — 1976. — С. 43—64.

102. Ковтунова, И. И. Поэтическая речь как форма коммуникации / И. И. Ковтунова // Вопросы языкознания. — 1986. — № 1. — С. 3—13.

103. Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. — Москва: Наука, 1986. — 206 с.

104. Кожевникова, Н. А. Андрей Белый / Н. А. Кожевникова // Очерки истории языка русской поэзии. Опыт описания идиостилей. — Москва: Наследие, 1995. — С. 7—99.

105. Кожевникова, Н. А. Симметричные конструкции в композиции стихотворения. / Н. А. Кожевникова // Поэтическая грамматика. Том II. Композиция текста. — Москва: Азбуковник. 2013. — С. 29—38.

106. Кожина, Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии / Н. А. Кожина // Проблемы структурной лингвистики. — Москва: Просвещение., 1984. — С. 167—183.

107. Кожина, Н. А. Способы выражения экспрессии в заглавиях художественных произведений / Н. А. Кожина // Проблемы экспрессивной стилистики. — Ростов-на-Дону, 1987. — С. 111—116.

108. Козлов, С. Л. К поэтике заглавий в русской лирике первой половины XIX в. / С. Л. Козлов // Вопросы жанра и стиля в русской и зарубежной литературе. — Москва, 1979. — С. 20—29.

109. Коломийцева, А. С. Полипредикативное сложное предложение-абзац как проявление идиостиля писателя и способ реализации текстовой категории «образ автора» / А. С. Коломийцева. // Историческая и социально-образовательная мысль. — № 3(8). — 2011. — С. 94-97.

110. Константинова, А. С. Вербализация концепта «Время» в лирике А. А. Фета / А. С. Константинова // Ученые записки. Электронный научный журнал курского государственного университета. — 2009. — №2. — С. 62-69.

111. Кормилицина М. А. Семантически осложненное (полипрозитивное) простое предложение в устной речи / М. А. Кормилицина. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1988. — 149 с.

112. Костылев, А. О. Система обращения современного русского языка / А. О. Костылев // Системно-функциональное описание словосочетания и простого предложения: межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1988. — С. 124—131.

113. Кочанова, Е. Н. Актуализация семантики номинативных предложений в стихотворном тексте (на материале лирики М. Цветаевой) / Е. Н. Кочанова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». — № 1. — 2009. — С. 106—111.

114. Кочанова, Е. Н. Структура, семантика, функции номинативных предложений в поэтическом языке М. И. Цветаевой : дисс... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Елена Николаевна Кочанова. — Москва, 2009. — 229 с.

115. Кошечкина, И. Г. Название как кодированная идея текста / И. Г. Кошечкина // Иностранные языки в школе. — 1982. № 2. — С. 8—10.

116. Кретьева, Л. Н. Элементы идиолектной семантики в ранней лирике Н. А. Заболоцкого (на материале глагольной лексики) : дисс... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Лариса Николаевна Кретьева. — Новосибирск, 2003. — 186 с.

117. Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.

118. Кузнецова, Н. Н. Средства создания экспрессивности в русской поэзии XX века: Дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Наталья Николаевна Кузнецова. — Москва, 2011. — 594 с.

119. Кулева, А. С. Усеченные прилагательные в языке русской поэзии: дисс... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Анна Сергеевна Кулева. — Москва, 2008. — 493 с.

120. Куликова, З. П. «Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов М. Цветаевой и Р. М. Рильке»: дисс... кандидата филологических наук : 10.02.19, 10.02.20 / Злата Павловна Куликова. — Ростов-на-Дону. 2007. — 191 с.

121. Лазуткина, Л. Н.. Бессоюзное сложное предложение с обобщенно-личной семантикой : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Лариса Николаевна Лазуткина. — Рязань, 1999. — 152 с

122. Ламзина А. В. Заглавие литературного произведения / А. В. Ламзина // Русская словесность. 1997. № 3. — С. 75—80.

123. Латкина, Т. В. Оценочность в идиостиле Ивана Алексеевича Бунина. Дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.01 / Латкина Татьяна Викторовна. — Волгоград, 2006. — 211 с.

124. Лебедева, Н. В. Синтаксис поэтической речи / Н. В. Лебедева // Русская речь. — 1971. — № 1. — С. 27—31.

125. Левин, В. Д. Из наблюдений над синтаксическим строем «Евгения Онегина» / В. Д. Левин // Вопросы филологии. — 1969. — С. 189.

126. Лекант, П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке / П. А. Лекант. — Москва: «Высшая школа» — 1976. — 141 с.

127. Лекомцева М. И. Семантика сравнения / М. И. Лекомцева // Текст: семантика и структура: сб. ст. — М., 1983. — С. 173—179.

128. Локиев, А. Взгляд психолога. / А. Локиев // Литературный клуб «XL». — Санкт-Петербург: «Серебряный век». 2011. — 128 с.

129. Ломоносов, М. В. Краткое руководство к риторике / М. В. Ломоносов // Полн. собр. соч.: в 11 т. / М. В. Ломоносов; АН СССР. — М.; Л., 1952. — Т. 7. — С. 89—378.

130. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха // Ю. М. Лотман. О поэтах и поэзии. — Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1996. — 846 с.

131. Лотман, Ю. М. Аутсайдер пушкинской эпохи / Ю. М. Ломоносов // Новое литературное обозрение. — 1994. — № 7. — С. 104—108.

132. Лотман, Ю. М. Заметки по поэтике Тютчева / Лотман Ю. М. // О поэтах и поэзии. — Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1996. — С. 553—564.

133. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. — Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1998. — С. 14—28.

134. Лукин, В. А. Художественный текст : Основы лингвистической теории и элементы анализа / А. Лукин. — Москва: Ось-89, 1999. — 192 с.

135. Ляпидевская, М. Е. Интертекстовые антропонимические единицы в творчестве Н. С. Лескова (структурный аспект) / М. Е. Ляпидевская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — Выпуск № 19. — том 2. — 2006. — С. 57-60.

136. Максимов, Л. Ю. Обращение в стихотворной речи / Л. Ю. Максимов // Ученые записки МГПИ. — Москва, 1965. — Т. 236. — С. 66—88. С. 69-70.

137. Марченко, Е. П. Полипредикативные сложные предложения в современном русском языке: структурно-семантический, коммуникативные и текстообразующие потенции: монография / Е. П. Марченко. — Краснодар: КубГУ, 2003. — 250 с.

138. Матяш, С. А. Стихотворный перенос: к проблеме взаимодействия ритма и синтаксиса / С. А. Матяш // Славянский стих:

стихovedение, лингвистика и поэтика. — Москва: Наука, 1996. — С. 189—202.

139. Мецлер, А. А. Структурные связи в тексте: (Парантезные конструкции) / А. А. Мецлер. — Кишинев: Штиинца, 1987. — 144 с.

140. Митрофанова, О. И. Базовые концепты русской ментальности в поэтическом языке П. А. Вяземского: дисс... канд. филолог. наук : 10.02.01 / Ольга Ивановна Митрофанова. — Казань, 2006. — 198 с.

141. Митрофанова, О. И. Своеобразие идиостиля П. А. Вяземского / О. И. Митрофанова // Вестник ВГУ. Сер. Филология, журналистика. — Волгоград, 2007. — №2. — С. 75-83.

142. Мишланов, В. А. Семантика и структура русского сложного предложения в сфере динамического синтаксиса / В. А. Мишланов. — Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1996. 270 с.

143. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. — Ленинград: Наука, 1977. — 183 с.

144. Мукаржовский, Я. Литературный язык и поэтический язык / Я. Мукаржовский // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. — Москва: Прогресс, 1967. — С. 406-431.

145. Мурашева, О. П. Семантика и функции местоимений в поэтическом тексте / О. П. Мурашева // Ярославский педагогический вестник. — 2004. — № 1-2. — С. 13-19.

146. Мухина, А. С. Речевое поведение лирических героинь А. Ахматовой и М. Цветаевой / А. С. Мухина. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. — 195 с.

147. Мяосюй, Ю. Хоть горшком назови... / Ю. Мяосюй // Русская речь. 2011. — №5. — С. 51-56.

148. Николина, Н. А. Категория времени глагола / Н. А. Николина // Поэтическая грамматика. Том I. — Москва: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2005. — С. 73-188.

149. Николина, Н. А. Номинативные предложения в композиции поэтического текста / Н. А. Николина // Поэтическая грамматика. Том II: Композиция текста. — Москва: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2013. — С. 38—56.

150. Огородникова, Л. А. Парадигматика родительного падежа в художественном тексте второй половины XVIII в. : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. / Лидия Александровна Огородникова. — Тюмень, 2003. — 208 с.

151. Останин, А. И. К понятиям осложнения и осложненного предложения (Постановка вопроса) / А. И. Останин // Вопросы теории и истории русского языка: сб. ст. / Саратовский гос. ун-т. — Саратов, 1976. — С. 55—58.

152. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация / Под ред. В. П. Григорьева. — Москва: Наука, 1995. — 260 с.

153. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыты описания идиостилей / Под ред. В. П. Григорьева. — Москва: Наследие, 1995. — 558 с.

154. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль / Под ред. В. П. Григорьева. — Москва: Наука, 1990. — 304 с.

155. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. / Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. — Москва: Наука, 1964. — 320 с.

156. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке / под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. — Москва: Наука, 1964. — 493 с.

157. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: изменения в строе сложноподчиненного предложения. / под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. — Москва: Наука, 1964. — 263 с.

158. Палиевский, П. В. Художественное произведение / П. В. Палиевский // Литература и теория. — Москва: Сов. Россия, 1979. — С. 5—34.

159. Патроева, Н. В. Заглавия в лирике Е. А. Баратынского (типология, функции, эволюция) / Н. В. Патроева // Атриум. Сер. Филология. — 1999. — № 1. — С. 19-23.

160. Патроева, Н. В. Зачины с экзистенциальным глаголом *есть* в русской поэзии XVIII-XX веков: опыт грамматического и функционально-семантического описания / Н. В. Патроева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. — 2012. — № 7 (128), вып. 1 (Т. 1). — С. 68—73.

161. Патроева, Н. В. Осложненное предложение и его функции в поэтической речи / Н. В. Патроева. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. — 272 с.

162. Патроева, Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения / Н. В. Патроева. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. — 333 с.

163. Патроева, Н. В. Функции и семантика личных местоимений в лирике Е. А. Баратынского / Н. В. Патроева // Русская словесность. — №6. — 1998. — С 8-12.

164. Патроева, Н. В. Художественный текст под филологическим микроскопом. / — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. 2014. — С. 46.

165. Патроева, Н. В. Языковая личность, языковая рефлексия, языковая игра (размышления над страницами "Записных книжек" П. А. Вяземского) / Н. В. Патроева // Личность. Культура. Общество. 2009. —Т. 11, вып. 1 (46/47). — С. 391—398.

166. Перетрухин В. Н. Расширение, распространение и осложнение в простом предложении / В. Н. Перетрухин // Филол. науки. — 1979. — № 4. — С. 46—50.

167. Петров, А. В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка / А. В. Петров. — Архангельск: Поморский университет, 2007. — 295 с.

168. Петров, А. М. Синтаксис русских духовных стихов / А. М. Петров. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. — 164 с.

169. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — Москва: Учпедгиз, 1956. — 511 с.

170. Пинежанинова, Н. П. Специфика русских инфинитивных предложений: семантика, прагматика, поэтика / Н. П. Пинежанинова // XXXIX Международная филологическая конференция. Вып. 22: Русский язык как иностранный и методика его преподавания: 60-летие преподавания РКИ в СПбГУ. 15–20 марта 2010 г. — Санкт-Петербург: Филологический факультет, 2011. — С. 51—56.

171. Пищальникова, В. А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект / В. А. Пищальникова. — Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1992. — 73 с.

172. Позднякова, К. С. П. А. Вяземский – критик: к истории вопроса. / К. С. Позднякова. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — №3. — 2009. С. 147—149.

173. Попов, А. С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие / А. С. Попов // Развитие синтаксиса современного русского языка. Под ред. Н. С. Поспелова и Е. А. Иванчиковой. — Москва: Наука, 1966. — С. 95—126.

174. Портер, Л. Г. Симметрия – владычица стихов: Очерк начал общей теории поэтических структур / Л. Г. Портер. — Москва: Языки славянской культуры, 2003. — 256 с.

175. Пospelов, Н. С. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина / Н. С. Пospelов. — Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1960. — 249 с.

176. Пospelова, Ю. О. Традиции и новаторство в описании сложноподчиненных предложений с придаточными времени / Ю. О. Пospelова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 1 (292). — С. 116-119.

177. Пoteбня, А. А. Поэзия и проза, их дифференцирование / А. А. Пoteбня // Теоретическая поэтика. — Москва: Высшая школа, 1990. — 344 с.

178. Поэтическая грамматика. Том I / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / И. И. Ковтунова, Н. А. Николина, Е. В. Красильникова (отв. ред.) и др. — Москва: Азбуковник, 2005. — 429 с.

179. Поэтическая грамматика. Том II / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — Москва: Азбуковник, 2013. — 320 с.

180. Прияткина, А. Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения / А. Ф. Прияткина. — Москва: Высшая школа, 1990. — 176 с.

181. Проект, Ю. Л. В диалоге с М. Ю. Лермонтовым: читательский отклик на стихотворение «И скучно, и грустно» в юношеском возрасте / Ю. Л. Проект // Universum: Вестник Герценовского университета. — 2014. — №2. — С 57.

182. Прохорова, И. Е. Христианство в творческом сознании П. А. Вяземского 1810-х годов / И. Е. Прохорова // Проблемы исторической поэтики, Петрозаводск, 2005. — Вып. 7. — С. 125—137.

183. Размашкин, И. Ю. Кинематографичность идиостиля Ю. Н. Тынянова: Композиционно-синтаксический аспект: дисс... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Игорь Юрьевич Размашкин. — Санкт-Петербург, 2001. — 198 с.

184. Ракова, К. И. Подчинительный комплекс с четырехкратным чередованием трех типов синтаксической связи. / К. И. Ракова // Лингвистические и методические основы филологической подготовки учителя-словесника : материалы междунар. науч.-метод. конф. : в 2 т. — БелГУ, Старооскол. фил. ; под ред.: И. Б. Игнатовой, Л. Н. Разинковой, Н. Н. Семененко. — Старый Оскол, 2005. — Т.1. — С. 180-186.

185. Ракова, К. И. Текстобразующий потенциал полипредикативного предложения с паратаксистом и гипотаксистом в современном английском языке: на материале поэтических текстов / К. И. Ракова // Филология и проблемы преподавания иностранных языков : сб. науч. тр. — Москва, 2010. — Вып.7. — С. 77-82.

186. Ремчукова, Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. / Е. Н. Ремчукова. — Москва: Книжный дом «Либроком», 2011. — 224 с.

187. Рогожникова, Р. П., Карская, Т. С. Словарь устаревших слов русского языка: По произведениям русских писателей XVIII-XX вв. / Р. П. Рогожникова, Т. С. Карская. — Москва: Дрофа, 2005. — 832 с.

188. Романова, Т. В. Модальность как текстобразующая категория в современной мемуарной литературе / Т. В. Романова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет. 2003. — 298 с.

189. Романова, И. В. Синтаксический перенос и синтаксическое развертывание в поэзии И. Бродского 1970-х гг. / И. В. Романова // Русская филология: ученые записки. Т. 10. — Смоленск: СмолГУ, 2006. — С. 242 — 252.

190. Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения / А. Г. Руднев. — Москва: Учпедгиз, 1959. — 198 с.

191. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва: Наука, 1980. Т. 2. — 709 с.

192. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — Москва: Языки славянской культуры, 2007. — С. 106—107.

193. Севбо, И. П. Графическое представление синтаксических структур и стилистическая диагностика / И. П. Севбо. — Киев: Наукова Думка, 1981. — 192 с.

194. Семенко, И. М. Поэты пушкинской поры / И. М. Семенко. — Москва: Художественная литература, 1970. — 295 с.

195. Сергеева, Ю. А., Ритм в структуре современного короткого рассказа (на материале произведений Фей Уэлдон и Анни Сомон): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Сергеева Юлия Александровна. — Москва, 2008. — 204 с.

196. Сидорова, М. Ю. Лирическое стихотворение как объект грамматики / М. Ю. Сидорова // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сб. науч. ст. к 80-летию К. Ф. Горшковой. — Москва: Изд-во МГУ, 2001. — с. 447—466.

197. Сильман, Т. И. Проблемы синтаксической стилистики / Т. И. Сильман. — Ленинград: Просвещение, 1967. — 152 с.

198. Сильман, Т. И. Синтаксико-стилистические особенности местоимений / Т. И. Сильман // Вопросы языкознания. — 1970. — №4. — С. 81-92.

199. Синило, Г. В. Эволюция поэтического синтаксиса Ф. Гёльдерлина и ритмико-синтаксические особенности его поздних гимнов (к вопросу о синтезе культурологического, философского и филологического подходов при анализе поэтического феномена) // Г. В. Синило // Международный сборник научных статей / отв. ред. проф. А. А. Гугнин. — Новополюцк: ПГУ, 2011. — С. 148—158.

200. Синтаксис текста / Отв. ред. Г. А. Золотова. — Москва: Наука, 1979. — 316 с.

201. Сковородников, А. П. Полисиндетон как стилистическая фигура / А. П. Сковородников // Русская речь. — 2002. — № 6. — С. 44.

202. Сковородников, А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: Опыт

системного исследования / А. П. Сковородников. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. — 255 с.

203. Скулачева, Т. В. Взаимодействие ритма, морфологии и синтаксиса в русском и английском стихе (четырёхстопный ямб) / Т. В. Скулачева. // Стих, язык, поэзия. Памяти М. Л. Гаспарова. — Москва, 2006. — С. 565-570.

204. Скулачева, Т. В., Буякова, М. В. Стих и проза: сочинение и подчинение / Т. В. Скулачева, М. В. Буякова // Вопросы языкознания. — 2010. — №2. — С. 37—54.

205. Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Под общ. ред. Л. А. Новикова. Санкт-Петербург: Изд-во «Лань», 2003. — 864 с.

206. Соина, И. Ю. Синтаксис как компонент идиостиля (на материале произведений А. А. Фета и А. А. Блока): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ирина Юрьевна Соина. — Харьков. 1996. — 215 с.

207. Сорокин, В. Б. Элегическое вопрошание поэтов XVIII века / В. В. Сорокин // Русская речь. — 2010. — №2. — С. 3.

208. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : В 3 т. / И. И. Срезневский. — Москва: Знак, 2003. — 773 с.

209. Станиславская, С. А. Контраст как принцип организации поэтического текста: На материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. / Сусанна Александровна Станиславская. — Саратов, 2001. — 195 с.

210. Стеценко, А. Н., Холодов, Н. Н. Об основных тенденциях и путях развития системы сочинения в русском языке (на материале сложного предложения) / А. Н. Стеценко, Н. Н. Холодов // Вопросы языкознания. — 1980. — №2. — С. 99—111.

211. Суодене, Э. Г. Анафора в лирике М. И. Цветаевой (стилистический аспект): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Эляна Генриховна Суодене — Минск, 1990. — 216 с.

212. Тавасиева, А. З. Инверсия подлежащего как синтаксическая фигура : На материале современной французской литературы: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Альбина Заурбековна Тавасиева. — Москва, 2002. — 164 с.
213. Тарасов, Л. Ф. Поэтическая речь: (Типологический аспект). / Л. Ф. Тарасов. — Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1976. — 140 с.
214. Тарасова, И. А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля / И. А. Тарасова // Вестник СамГУ, 2004. — № 1 (31). — С. 163—169.
215. Тарасова, И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: На материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского: Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Ирина Анатольевна Тарасова. — Саратов, 2004. — 484 с.
216. Томашевский, Б. В. Пушкин: Работы разных лет / Б. В. Томашевский. — Москва: Книга, 1990. — 672 с.
217. Томашевский, Б. В. Стилистика / Б. В. Томашевский. — Ленинград: Изд. ЛГУ, 1983. — 288 с.
218. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. — Москва: Аспект Пресс, 1999. — 334 с.
219. Торопова, О. В. Языковая игра как важнейший принцип смыслопорождения на стыке языка и речи / О. В. Торопова // Вестник Челябинского Государственного университета. — 2013. — №1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. — С. 276—278.
220. Тураева, З. Я. Лингвистика текста. / З. Я. Тураева. — Москва: Просвещение, 1986. — 127 с.
221. Фатеева, Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе. / Н. А. Фатеева // Известия АН. Серия литературы языка. — 1997. — Т. 56. — №5. — С. 12-21.
222. Фатеева Н. А. О лингвопоэтическом и семиотическом статусе заглавий стихотворных произведений / Н. А. Фатеева // Поэтика и стилистика. 1988-1990. — Москва, 1991. — С. 108-124.

223. Фатеева, Н. А. Семантические преобразования в поэзии и прозе одного автора и в системе поэтического языка / Н. А. Фатеева // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. — Москва: Наука, 1995. — С. 178-247.

224. Фатеева, Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1998. — Т. 57. — № 5. — С. 25—38.

225. Федорова, Н. Н. Трансформация языкового знака в поэтическом тексте: На материале поэзии А. А. Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Наталья Николаевна Федорова. — Краснодар, 2006. — 142 с.

226. Федосеева, Е. Н. «Элизиум теней» Ф. И. Тютчева и П. А. Вяземского / Е. Н. Федосеева // Федор Иванович Тютчев. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия: сб. науч. тр. — Москва: Пашков дом, 2006. — С. 255—279.

227. Федотов, О. И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха: в 2-х Кн. Кн. 1: Метрика и ритмика / О. И. Федотов. — Москва: Флинта: Наука, 2002. — 360 с.

228. Фокина, Ю. М. Особенности репрезентации индивидуально-авторской концептосферы в англоязычной и русскоязычной прозе (на материале рассказов А. П. Чехова и Д. Джойса). дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Юлия Михайловна Фокина. — Саратов, 2010. — 184 с.

229. Фоменко, Е. Г. Лингвотипологическое в идиостиле Джеймса Джойса: диссертация доктора филологических наук: 10.02.04 / Елена Геннадьевна Фоменко. — Запорожье, 2006. — 445 с.

230. Фоменко, Е. Г., Проблемы лингвотипологического описания идиостиля писателя / Е. Г. Фоменко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — №2. — 2006. — С. 95—102.

231. Фоменко, И. Н. Заглавие литературно-художественного текста как филологическая проблема / И. Н. Фоменко // Лексические единицы и

организация структуры литературного текста. — Калинин, 1983. — С. 84—98.

232. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. — Москва: Наука, 1984. — 175 с.

233. Хазбулатова, Т. А. Вопросительные конструкции как разновидность диалогических форм речи в поэзии Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Татьяна Алексеевна Хазбулатова. — Москва, 2012. — 26 с.

234. Холшевников, В. Е. Анализ композиции лирического произведения / В. Е. Холшевников // Анализ одного стихотворения. — Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1985. — С. 5—49.

235. Холшевников, В. Е. Стихovedение и поэзия / В. Е. Холшевников. — Ленинград: ЛГУ, 1991. — 254 с.

236. Холшевников, В. Е. Стихосложение / В. Е. Холшевников // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. — Москва-Ленинград: Наука, 1966. — С. 535—554.

237. Цивьян, Т. В. Из наблюдений над категорией определенности-неопределенности в поэтическом тексте (поэтика А. Ахматовой) / Т. В. Цивьян // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. Москва: Наука, 1979. — С. 348—363.

238. Черемисина-Ениколопова, Н. В. Законы и правила русской интонации: / Н. В. Черемисина-Ениколопова. — Москва: Флинта: Наука, 1999. — 520 с.

239. Чернышев, В. И. Язык и стиль стихотворений Е. А. Баратынского / Чернышев В. И. Избранные труды: в 2-х. т. — Москва: Просвещение, 1970. Т. 2. — С. 112—182.

240. Чичерин, А. В.. Ритм образа: Стилистические проблемы / А. В. Чичерин. — Москва: Советский писатель, 1980. — 236 с.

241. Чуглов В. И. Осложненные предложения в современном русском языке. Полупредикативные и пояснительные конструкции (в структурно-семантическом аспекте). / В. И. Чуглов. — Вологда: Издательский центр ВИРО, 2011. — 237 с.

242. Шадрин, К. Л. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов / К. Л. Шадрин // Лингвистические исследования. 1972. Ч. 2. — Москва: Наука, 1973. — 144 с.

243. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка. 3-е изд., испр. и доп. / Н. М. Шанский. — Москва: Высшая школа, 1985. — С. 149-150.

244. Шапир, М. И. Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов – Пушкин – Иосиф Бродский) / М. И. Шапир // Вопросы языкознания. — 2003. — №3. — С. 31—78.

245. Шатуновский, И. Б. Семантическая структура предложения, «связка» и нереферентные слова / И. Б. Шатуновский // Вопросы языкознания. — 1993. — №3. — С. 76—85;

246. Шведова, Н. Ю. Еще раз о глаголе быть / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. — 2001. — №2. — С. 3—13.

247. Шейко Е. В. Типы контекстов в изъяснительных сложноподчиненных предложениях / Е. В. Шейко // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 22. — С. 154—160.

248. Широкова, Н. А. Из истории союзных конструкций, выражающих отношения сравнения / Н. А. Широкова. — Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1966. — 184 с. С. 164—167.

249. Ширяев, Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке / Е. Н. Ширяев. — Москва: Наука, 1986. — 223 с.

250. Шпет, Г. Г. Эстетические фрагменты: в 3 т. Т. 2 / Г. Г. Шпет. — Петербург: Колос, 1922—1923. — 116 с

251. Шпильман, М. В. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких). дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Марина Владимировна Шпильман. — Новосибирск, 2006. — 191 с.

252. Шпильман, М. В. Об особенностях использования языковой личностью разных типов речевых масок / М. В. Шпильман // Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. — 2012. — №3. — С. 78-82.

253. Щемелева, Л. М. Значение антитезы в поэзии Тютчева / Л. М. Щемелева // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — Москва: Наука, 1977. — Т. 36. № 2. — С. 112—122.

254. Щепин А. Г. Обращение в поэтической речи / А. Г. Щепин // Русская речь. — 1976. — № 2. — С. 46—51.

255. Щербакова, Т. В. Коммуникативно-синтаксическая организация полипредикативных бессоюзных сложных предложений в художественных текстах / Т. В. Щербакова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — №4, — 2011. — С. 201-207.

256. Эйхенбаум, Б. М. Мелодика русского лирического стиха / Б. М. Эйхенбаум. — Петроград: ОПОЯЗ, 1922. — 199 с.

257. Якобсон, Р. Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге / Р. Якобсон // Работы по поэтике. — Москва: Прогресс, 1987. — С 80-98.

258. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии / Р. Якобсон // Семиотика: сборник статей. — Москва: Радуга, 1983. — С. 462-482

259. Holthausen J. Zum Problem der poetischen Syntax bei Baratynski / J. Holthausen // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1960. — J. V. H. 3-4. — S. 310—321.

III. Справочная литература и словари

260. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург: Норинт, 2000. — 1536 с.

261. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. / Г. А. Золотова. Москва: Наука, 1988. — 440 с.

262. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. — Москва: Советская энциклопедия, 1966. — 375 с.

263. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990. — 688 с.

264. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. Т. 2. П—Я. — Москва; Ленинград: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. — 1198 с.

265. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — Москва: Советская энциклопедия, 1987. — 751 с.

266. Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — Москва: Просвещение, 1985. — 357 с.

267. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. — Москва: Аграф, 1997. — 384 с.

268. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд. — Москва: Астрель-Аст: Хранитель, 2007. — 928 с.

269. Словарь русского языка XVIII века. — Ленинград: Наука, 1984—... Вып. 13. Молдавский—Напрокудить. — 272 с.

270. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. Кожинной М. Н. — Москва: Флинта: Наука, 2006. — 696 с.

271. Хазагеров Г. Г. Риторический словарь / Г. Г. Хазагеров. — Москва: Флинта: Наука, 2009. — 432 с.

272. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. — Москва: Наука, 2005. — 480 с

IV. Электронные ресурсы

273. Ашимова, А. Ф. «Идиостиль как проявление языковой личности автора на примере романа «Доктор Живаго» [Электронный ресурс]. / А. Ф. Ашимова // Вестник Мининского университета. — №3. — 2013. — Режим доступа: http://www.mininuniver.ru/mediafiles/u/files/Nauch_deyat/Vestnik/2013-12%203/Ashimova.pdf (дата обращения: 10.06.2015).

274. Бицилли, П. Пушкин и Вяземский. К вопросу об источниках пушкинского творчества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liternet.bg/publish6/pbicilli/salimbene/viazemski2.htm> (дата обращения: 30.06.2015).

275. Веселова, Н., Орлицкий, О. Заметки о заглавии (в русской поэзии 1980—90 гг.). [Электронный ресурс] / Н. Веселова, Ю. Орлицкий // Арион. Журнал поэзии. — №1. — 1998. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/arion/1998/1/vesel114-p.html> (дата обращения: 22.03.2015).

276. Гиндин, С. И. Структура стихотворной речи [Электронный ресурс] / С. И. Гиндин. — М., 2013. — 141 с. — Режим доступа: <http://www.verse-study.ru/Gindin1.pdf> (дата обращения: 28.02.2015).

277. Дурьлина С. Н. «П. А. Вяземский и „Revue Encyclopédique"» [Электронный ресурс]. / С. Н. Дурьлина / П. А. Вяземский и Франция. — С. 89-108. Режим доступа: http://www.old.imli.ru/litnasledstvo/Tom_31-32/2_vol31-32_П.А.Вземский.pdf (дата обращения: 18.11.2015).

278. Карпи Г., Пили В. «Поэтический синтаксис раннего Маяковского и проблема перевода: В. В. Маяковский и Антоний Слонимский». [Электронный ресурс] /

<http://www.rvb.ru/philologica/10pdf/10carpi-pili.pdf> (дата обращения: 29.08.2015).

279. Лотман, М. К. основам моделирующей поэтики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/reprint/trudy_ii/lotmann.pdf (дата обращения: 5.11.2015).

280. Мирошникова М. Г. Поэтический синтаксис в прозе Д. Рубиной (на материале романа Д. Рубиной «Вот идёт мессия!..») [Электронный ресурс] / М. Г. Мирошникова // Концепт. – 2015. – Современные научные исследования. Выпуск 3. – ART 85169. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/85169.htm>. (дата обращения: 29.11.2015).

281. Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru/>

282. Пузейкина, Л. Н. Употребление русских имен собственных в смешанных немецко-русских колониетских песнях (по материалам коллекции немецких народных песен В. М. Жирмунского) [Электронный ресурс] / Л. Н. Пузейкина // «Magister Dixit». — 2013. — №1 (03). Режим доступа: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/2013-1-pusejkina-fin-korrekt_0.pdf (дата обращения: 9.08.2015).

283. Цветкова, Н. В. А. С. Пушкин и П. А. Вяземский: диалог критиков, поэтов и друзей [Электронный ресурс] / Н. В. Цветкова // Псков. — 2002. — № 16. — С. 93-97. Режим доступа: http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/PSKOV/ps16/ps_16_11.pdf (дата обращения: 1.10.2015).

284. Шаркунова, О. В. Идиостиль художественного текста как индивидуальное сочетание экстра- и интралингвистических параметров, основанных на референтных отношениях [Электронный ресурс] / О. В. Шаркунова // Материалы международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологии, искусствоведения и культурологии». — 2011. — Режим доступа: http://sibac.info/files/2011_09_12_Phylology/2.4_Sharkunova.doc (дата обращения: 17.07.2015).

Приложение А. Таблицы

Таблица 1. Сравнительная характеристика предложений в поэтическом творчестве

<i>Тип предложения</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве М. В. Ломоносова</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве Г. Р. Державина</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве Н. М. Карамзина</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве П. А. Вяземского</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве А. С. Пушкина</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве Е. А. Баратынского</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве М. Ю. Лермонтова</i>
Двусоставные простые предложения	405 (19,45%)	370 (16,75%)	573 (23,70%)	959 (27,8%)	1191 (21,13%)	362 (23,48%)	388 (19,47%)
Односоставные простые предложения	58 (2,79%)	94 (4,26%)	198 (8,19%)	79 (2,29%)	330 (5,86%)	76 (4,93%)	91 (4,57%)
Двусоставные осложненные предложения	250 (12,01%)	209 (9,46%)	165 (6,82%)	462 (13,39%)	766 (13,59%)	213 (13,81%)	193 (9,68%)
Односоставные осложненные предложения	43 (2,07%)	68 (3,08%)	95 (3,93%)	68 (1,97%)	261 (4,63%)	35 (2,27%)	37 (1,86%)
Сложносочиненные бинарные предложения	99 (4,76%)	82 (3,71%)	136 (5,62%)	265 (7,68%)	347 (6,16%)	94 (6,10%)	140 (7,02%)
Сложноподчиненные бинарные предложения	325 (15,61%)	223 (10,10%)	207 (8,56%)	241 (6,99%)	322 (5,71%)	98 (6,36%)	170 (8,53%)
Бессоюзные бинарные предложения	258 (12,39%)	264 (11,95%)	353 (14,60%)	355 (10,29%)	826 (14,66%)	239 (15,50%)	239 (11,99%)
Многокомпонентные сложные предложения	644 (30,93%)	899 (40,70%)	691 (28,58%)	1020 (29,57%)	1593 (28,26%)	425 (27,56%)	735 (36,88%)
Всего	2082 (100,00%)	2209 (100,00%)	2418 (100,00%)	3449 (100,00%)	5636 (100,00%)	1542 (100,00%)	1993 (100,00%)

Таблица 2. Виды предложений в поэзии П. А. Вяземского

	Первый период	Второй период	Всего
Двусоставное простое и осложненное предложение	841 (44,71%)	591 (37,69%)	1432 (41,52%)
Односоставное простое и осложненное предложение	78 (4,15%)	58 (3,70%)	136 (3,94%)
Двучленное сложносочиненное предложение	140 (7,44%)	125 (7,97%)	265 (7,68%)
Двучленное сложноподчиненное предложение	155 (8,24%)	86 (5,48%)	241 (6,99%)
Двучленное бессоюзное предложение	190 (10,10%)	165 (10,52%)	355 (10,29%)
Многокомпонентное сложное предложение	477 (25,36%)	543 (34,63%)	1020 (29,57%)
Всего предложений	1881 (100,00%)	1568 (100,00%)	3449 (100,00%)

Таблица 3. Способы выражения подлежащих в поэзии П. А. Вяземского

Способ выражения подлежащего	Количество случаев в раннем творчестве	Количество случаев в позднем творчестве	Суммарная статистика
Существительное	1661 (58,65%)	1674 (58,88%)	3335 (58,77%)
Местоимение	1077 (38,03%)	1079 (37,95%)	2156 (37,99%)
Синтаксически неделимое словосочетание	74 (2,61%)	70 (2,46%)	144 (2,54%)
Субстантивированное прилагательное	11 (0,39%)	6 (0,21%)	17 (0,30%)
Субстантивированное наречие	4 (0,14%)	5 (0,18%)	9 (0,16%)
Числительное	3 (0,11%)	5 (0,18%)	8 (0,14%)
Глагол (инфинитив)	2 (0,07%)	0 (0,00%)	2 (0,04%)
Субстантивированное междометие	0 (0,00%)	4 (0,14%)	4 (0,07%)
Всего	2832 (100,00%)	2843 (100,00%)	5675 (100,00%)

Таблица 4. Типы сказуемых в поэзии П. А. Вяземского

Способ организации сказуемого	Количество случаев в раннем творчестве	Количество случаев в позднем творчестве	Суммарная статистика
Простое глагольное сказуемое	2109 (70,77%)	2141 (70,61%)	4250 (70,69%)
Составное глагольное сказуемое с фазисным компонентом	22 (0,74%)	7 (0,23%)	29 (0,48%)
Составное глагольное сказуемое с модальным компонентом	125 (4,19%)	119 (3,92%)	244 (4,06%)
Составное именное сказуемое с отвлеченной связкой	709 (23,79%)	741 (24,44%)	1450 (24,12%)
Составное именное сказуемое с полуотвлеченной связкой	6 (0,20%)	12 (0,40%)	18 (0,30%)
Составное именное сказуемое со знаменательной связкой	6 (0,20%)	8 (0,26%)	14 (0,23%)
Сложное трехчленное сказуемое	3 (0,10%)	4 (0,13%)	7 (0,12%)
Всего	2980 (100,00%)	3032 (100,00%)	6012 (100,00%)

Таблица 5. Однородные подлежащие в творчестве Вяземского.

Количество подлежащих	Количество случаев в раннем творчестве	Количество случаев в позднем творчестве	Суммарная статистика
2	51 (76,12%)	112 (77,78%)	163 (77,25%)
3	11 (16,42%)	22 (15,28%)	33 (15,64%)
4	3 (4,48%)	3 (2,08%)	6 (2,84%)
5	1 (1,49%)	2 (1,39%)	3 (1,42%)
6	1 (1,49%)	5 (3,47%)	6 (2,84%)
Всего	67 (100,00%)	144 (100,00%)	211 (100,00%)

Таблица 6. Однородные сказуемые в творчестве П. А. Вяземского

Количество сказуемых	Количество случаев в раннем творчестве	Количество случаев в позднем творчестве	Суммарная статистика
2	174 (68,50%)	246 (78,59%)	420 (74,07%)
3	54 (21,26%)	44 (14,06%)	98 (17,28%)
4	22 (8,66%)	20 (6,39%)	42 (7,41%)
5	4 (1,57%)	2 (0,64%)	6 (1,06%)
6	0 (0,00%)	1 (0,32%)	1 (0,18%)
Всего	254 (100,00%)	313 (100,00%)	567 (100,00%)

Таблица 7. Однородные второстепенные члены в творчестве П. А. Вяземского

Второстепенные члены предложения	Количество случаев в раннем творчестве	Количество случаев в позднем творчестве	Суммарная статистика
Однородные определения	102	152	254
Однородные дополнения	258	251	509
Однородные обстоятельства	62	66	128

Таблица 8. Односоставные конструкции в творчестве П. А. Вяземского.

Тип конструкции	Количество конструкций
Определенно-личные	279 (41,15%)
Обобщенно-личные	1 (0,15%)
Неопределенно-личные	37 (5,46%)
Инфинитивные	104 (15,34%)
Безличные	227 (33,48%)
Номинативные	30 (4,42%)

Таблица 9. Количество частей в сложных предложениях в поэзии П. А. Вяземского

Количество частей	Первый период	Второй период	В целом
2 части	485 (50,42%)	376 (40,91%)	861 (45,77%)
3 части	242 (25,16%)	259 (28,18%)	501 (26,63%)
4 части	132 (13,72%)	170 (18,50%)	302 (16,06%)
5 частей	54 (5,61%)	67 (7,29%)	121 (6,43%)
6 частей	21 (2,18%)	19 (2,07%)	40 (2,13%)
7 частей	11 (1,14%)	8 (0,87%)	19 (1,01%)
8 частей	10 (1,04%)	9 (0,98%)	19 (1,01%)
9 частей	5 (0,52%)	6 (0,65%)	11 (0,58%)
10 частей	0 (0,00%)	0 (0,00%)	0 (0,00%)
11 частей	1 (0,10%)	1 (0,11%)	2 (0,11%)
12 частей	0 (0,00%)	1 (0,11%)	1 (0,05%)
13 частей	1 (0,10%)	0 (0,00%)	1 (0,05%)
14 частей	0 (0,00%)	2 (0,22%)	2 (0,11%)
15 частей	0 (0,00%)	1 (0,11%)	1 (0,05%)
Всего	962 (100,00%)	919 (100,00%)	1881 (100,00%)

Таблица 10. Характеристика сочинительных отношений в лирике

<i>Тип синтаксических отношений между частями</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве М. В. Ломоносова</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве Г. Р. Державина</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве Н. М. Карамзина</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве М. Ю. Лермонтова</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве П. А. Вяземского</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве А. С. Пушкина</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве Е. А. Баратынского</i>
Соединительные	224 (72,96%)	314 (72,18%)	276 (62,44%)	427 (65,69%)	541 (59,26%)	1006 (70,94%)	191 (55,04%)
Противительные	77 (25,08%)	108 (24,83%)	157 (35,52%)	211 (32,46%)	303 (33,19%)	364 (25,67%)	125 (36,02%)
Разделительные	4 (1,30%)	9 (2,07%)	4 (0,90%)	6 (0,92%)	57 (6,24%)	31 (2,19%)	7 (2,02%)
Градационные	0 (0,00%)	0 (0,00%)	0 (0,00%)	0 (0,00%)	0 (0,00%)	0 (0,00%)	0 (0,00%)
Пояснительные	0 (0,00%)	0 (0,00%)	0 (0,00%)	0 (0,00%)	1 (0,11%)	0 (0,00%)	0 (0,00%)
Присоединительные	2 (0,65%)	4 (0,92%)	5 (1,13%)	6 (0,92%)	11 (1,20%)	17 (1,20%)	24 (6,92%)
Всего	307 (100,00%)	435 (100,00%)	442 (100,00%)	650 (100,00%)	913 (100,00%)	1418 (100,00%)	347 (100,00%)

Таблица 11. Отношения, выражаемые соединительными союзами, в поэзии П. А. Вяземского

Тип отношений	Количество репрезентаций
Соединительно-перечислительные отношения	413 (76,34%)
Соединительно-распространительные отношения	6 (1,11%)
Соединительно-результативные отношения	63 (11,65%)
Причинно-следственные отношения	56 (10,35%)
Противительно-уступительные отношения	1 (0,18%)
Соединительно-отождествительные отношения	2 (0,37%)
Всего	541 (100,00%)

Таблица 12. Отношения, выражаемые разделительными союзами, в поэзии П. А. Вяземского

Тип отношений	Количество репрезентаций
Отношения взаимоисключения	17 (30%)
Отношения чередования	31 (54,2%)
Отношения альтернативной мотивации	9 (15,8%)
Всего	57 (100%)

Таблица 13. Отношения, выражаемые противительными союзами, в поэзии П. А. Вяземского

Тип отношений	Количество репрезентаций
Отношения сопоставления	113 (37,29%)
Противительно-ограничительные отношения	137 (45,21%)
Противительно-уступительные отношения	10 (3,30%)
Противительно-возместительные отношения	10 (3,30%)
Отношения несоответствия	31 (10,23%)
Противительно-условные отношения	2 (0,66%)
Всего:	303 (100,00%)

Таблица 14. Характеристика подчинительных связей в лирике по типам придаточных предложений

<i>Тип синтаксических отношений между частями</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве М. В. Ломоносова</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве Г. Р. Державина</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве Н. М. Карамзина</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве М. Ю. Лермонтова</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве П. А. Вяземского</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве А. С. Пушкина</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве Е. А. Баратынского</i>
Атрибутивные	321 (33,61%)	235 (24,43%)	224 (31,38%)	256 (29,59%)	388 (36,29%)	360 (19,04%)	94 (30,23%)
Изъяснительные	216 (22,62%)	198 (20,58%)	140 (19,61%)	184 (21,27%)	231 (21,61%)	294 (15,55%)	69 (22,19%)
Сравнительные	9 (0,94%)	68 (7,07%)	43 (6,02%)	63 (7,28%)	67 (6,27%)	59 (3,12%)	23 (7,40%)
Времени	113 (11,83%)	114 (11,85%)	96 (13,45%)	107 (12,37%)	138 (12,91%)	246 (13,01%)	56 (18,01%)
Места	34 (3,56%)	30 (3,12%)	30 (4,20%)	8 (0,92%)	36 (3,37%)	24 (1,27%)	8 (2,57%)
Причины	12 (1,26%)	5 (0,52%)	6 (0,84%)	0 (0,00%)	9 (0,84%)	536 (28,34%)	3 (0,96%)
Условия	79 (8,27%)	131 (13,62%)	51 (7,14%)	87 (10,06%)	60 (5,61%)	119 (6,29%)	20 (6,43%)
Уступки	40 (4,19%)	81 (8,42%)	48 (6,72%)	90 (10,40%)	54 (5,05%)	120 (6,35%)	25 (8,04%)
Цели	91 (9,53%)	64 (6,65%)	42 (5,88%)	52 (6,01%)	64 (5,99%)	67 (3,54%)	10 (3,22%)
Образа действия	0 (0,00%)	7 (0,73%)	0 (0,00%)	3 (0,35%)	1 (0,09%)	6 (0,32%)	0 (0,00%)
Следствия	8 (0,84%)	11 (1,14%)	14 (1,96%)	2 (0,23%)	1 (0,09%)	24 (1,27%)	0 (0,00%)
Присоединительные	2 (0,21%)	5 (0,52%)	5 (0,70%)	7 (0,81%)	1 (0,09%)	26 (1,37%)	0 (0,00%)
Сравнительно-сопоставительные	6 (0,63%)	0 (0,00%)	1 (0,14%)	0 (0,00%)	16 (1,50%)	1 (0,05%)	1 (0,32%)
Сравнительно-противопоставительные	12 (1,26%)	6 (0,62%)	7 (0,98%)	0 (0,00%)	2 (0,19%)	0 (0,00%)	0 (0,00%)
Меры и степени	12 (1,26%)	7 (0,73%)	7 (0,98%)	6 (0,69%)	1 (0,09%)	9 (0,48%)	2 (0,64%)
Всего	955 (100,00%)	962 (100,00%)	714 (100,00%)	865 (100,00%)	1069 (100,00%)	1891 (100,00%)	311 (100,00%)

Таблица 15. Характеристика бессоюзных связей в лирике по типам отношений между частями предложений

<i>Тип синтаксических отношений между частями</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве М. В. Ломоносова</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве Г. Р. Державина</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве Н. М. Карамзина</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве М. Ю. Лермонтова</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве П. А. Вяземского</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве А. С. Пушкина</i>	<i>Кол-во репрезентаций в творчестве Е. А. Баратынского</i>
Перечислительные	325 (42,15%)	528 (51,56%)	444 (47,33%)	238 (30,59%)	675 (44,09%)	466 (29,64%)	92 (16,14%)
Сопоставления, противопоставления	36 (4,67%)	96 (9,38%)	71 (7,57%)	37 (4,76%)	93 (6,07%)	165 (10,50%)	49 (8,60%)
Изъяснительные	37 (4,80%)	33 (3,22%)	19 (2,03%)	21 (2,70%)	66 (4,31%)	99 (6,30%)	39 (6,84%)
Пояснительные	72 (9,34%)	101 (9,86%)	125 (13,33%)	112 (14,40%)	221 (14,44%)	391 (24,87%)	68 (11,93%)
Присоединительные	28 (3,63%)	52 (5,08%)	40 (4,26%)	53 (6,81%)	152 (9,93%)	117 (7,44%)	18 (3,16%)
Причины	128 (16,6%)	117 (11,43%)	141 (15,04%)	169 (21,72%)	198 (12,93%)	205 (13,04%)	126 (22,11%)
Следствия	99 (12,84%)	85 (8,30%)	98 (10,45%)	136 (17,48%)	112 (7,32%)	121 (7,70%)	149 (26,14%)
Атрибутивно-распространительные	46 (5,96%)	12 (1,17%)	0 (0,00%)	12 (1,54%)	9 (0,59%)	8 (0,5%)	29 (5,09%)
Всего	771 (100,00%)	1024 (100,00%)	938 (100,00%)	778 (100,00%)	3 (0,20%)	1572 (100,00%)	570 (100,00%)

Таблица 16. Первое предложение в творчестве П. А. Вяземского

Размер инициального предложения (в строках) Число строк в строфе	1	2	3	4	5	6	7	8	9 и более
Без деления на строфы	20	26	12	21	3	2	5	1	7
2	—	2	—	—	—	—	—	—	—
4	24	31	1	76	—	—	—	6	2
5	2	1	—	1	5	—	—	—	—
6	3	4	—	2	—	10	—	—	—
8	8	3	2	11	1	—	—	9	—
10	1	—	—	—	—	—	—	—	—
4 и 8	—	—	—	1	—	—	—	—	—
6 и 8	—	—	1	—	—	—	—	—	—
10 и 4	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Неравномерное деление на строфы	1	—	—	1	—	—	—	2	1

Таблица 17. Размер первого предложения в творчестве П. А. Вяземского

Размер инициального предложения (в строках)	Количество стихотворений
1	59 (19,03%)
2	67 (21,61%)
3	16 (5,16%)
4	113 (36,45%)
5	9 (2,90%)
6	13 (4,19%)
7	5 (1,61%)
8	18 (5,81%)
9 и более	10 (3,23%)
Всего	310 (100,00%)

Таблица 18. Способы синтаксической организации разных типов антитез в творчестве П. А. Вяземского

Тип синтаксической конструкции	«Вчера-сегодня-завтра»	«День-ночь»	«Жизнь-смерть»	Всего
Простое предложение	1	3	2	6 (10%)
Осложненное предложение с однородными членами	2	6	7	15 (25%)
Сложное предложение	9	8	10	27 (45%)
Разные предложения	4	3	5	12 (20%)

Таблица 19. Вопросительные предложения в поэзии П. А. Вяземского

Число вопросительных предложений в стихотворении	Число стихотворений
0	156 (50,32%)
1	63 (20,32%)
2	27 (8,71%)
3	16 (5,16%)
4	7 (2,26%)
5	16 (5,16%)
6	7 (2,26%)
7	3 (0,97%)
8	4 (1,29%)
9	4 (1,29%)
10 и более	7 (2,26%)

Таблица 20. Число строк в строфах стихотворных произведений П. А. Вяземского.

Число строк в строфе	Количество стихотворений
Без деления на строфы	97 (31,2%)
2	2 (0,6%)
4	140 (45,1%)
5	9 (2,9%)
6	19 (6,1%)
8	34 (11%)
10	1 (0,3%)
4 и 8	1 (0,3%)
6 и 8	1 (0,3%)
10 и 4	1 (0,3%)
Неравномерное деление на строфы	5 (1,6%)

Таблица 21. Размер предложения в строфах в поэзии П. А. Вяземского.

Размер предложения в строфах	Число случаев
2	60
3	14
4	4
5	3
Всего:	81

Таблица 22. Редкие размеры в поэзии П. А. Вяземского

<i>Тип предложения</i>	<i>Амфибрахий 2</i>	<i>Дактиль 2</i>	<i>Хорей 4</i>	<i>Дактиль 3</i>	<i>Хорей 3</i>	<i>Анапест 2</i>	<i>Амфибрахий 3</i>	<i>Анапест 4</i>	<i>Хорей 6</i>	<i>Амфибрахий 4</i>	<i>Итого</i>
Простые предложения	0 (0,00%)	1 (16,67%)	76 (40,43%)	6 (85,71%)	5 (25,00%)	23 (52,27%)	11 (40,74%)	7 (33,33%)	6 (42,86%)	14 (53,85%)	149 (41,98%)
Бинарные сложные предложения	0 (0,00%)	3 (50,00%)	70 (37,23%)	1 (14,29%)	12 (60,00%)	13 (29,55%)	5 (18,52%)	5 (23,81%)	2 (14,29%)	8 (30,77%)	119 (33,52%)
Многокомпонентные сложные предложения	2 (100,00%)	2 (33,33%)	42 (22,34%)	0 (0,00%)	3 (15,00%)	8 (18,18%)	11 (40,74%)	9 (42,86%)	6 (42,86%)	4 (15,38%)	87 (24,5%)

Приложение Б. Использование информационных технологий в рамках анализа сложных предложений³²⁹

Следует заранее оговориться, что использование в рамках анализа поэзии информационных технологий и математических методов не является как таковым предметом исследования в данной работе, и потому данный вопрос будет рассмотрен лишь обзорно. В то же время в этом направлении нами выполнен ряд работ³³⁰ междисциплинарного характера, которые могут привлечь внимание как филолога, исследующего синтаксис текстов, так и математика, интересующегося теорией графов.

Поэтический синтаксис сегодня включает в себя анализ явлений, находящихся на стыке разных компонентов художественного текста. В последние годы появились исследования, в которых собственно лингвистические методы сочетаются с методами других дисциплин (в частности, математическими методами). Дело в том, что синтаксический анализ любого литературного произведения – это сложная и трудоемкая задача, для решения которой нужно приложить немало усилий. Значительную сложность представляют именно стихотворные произведения, в которых «внешность лирического стихотворения <...> образуется из целого ряда составных элементов, сочетание которых и воплощает более или менее полно чувство и поэтическую идею художника»³³¹.

³²⁹ Более подробно данная тема раскрыта в работе «Теоретико-графовые модели с упорядоченной иерархической структурой и их использование в анализе синтаксиса поэтических текстов» (Варфоломеев А. Г. Теоретико-графовые модели с упорядоченной иерархической структурой и их использование в анализе синтаксиса поэтических текстов / А. Г. Варфоломеев, Д. В. Кузнецов, А. А. Лебедев, Н. Д. Москин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия "Естественные и технические науки". - Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. - №6. - С.113-118).

³³⁰ См. Москин Н.Д., Варфоломеев А.Г., Лебедев А.А. Представление моделей синтаксической структуры поэзии П. А. Вяземского с помощью технологии XML // Информационные технологии и письменное наследие: материалы IV междунар. науч. конф. Петрозаводск; Ижевск, 2012. С. 174-178., Кузнецов Д. В., Лебедев А. А., Москин Н. Д., Варфоломеев А. Г. Проект электронной библиотеки поэтических текстов с теоретико-графовой формализацией синтаксической структуры // Труды XV Всероссийской научной конференции RCDL-2013 «Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции» (Ярославль, 14-17 октября 2013 года). Ярославль: ЯрГУ, 2013. С. 409-410., Кузнецов Д. В., Лебедев А. А., Москин Н.Д., Варфоломеев А. Г. Теоретико-графовые модели с упорядоченной иерархической структурой и их использование в анализе синтаксиса поэтических текстов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета 2013. №6 (135). С. 113-118. Варфоломеев А. Г., Кузнецов Д.В., Лебедев А.А., Москин Н. Д. Применение теоретико-графовых моделей для анализа переводов англоязычных поэтических текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015 г. №12 (42), ч. 1.

³³¹ Брюсов В. Я. Фиалки в тигеле. Собрание сочинений в 7-и томах. Т. 6. М., 1973-1975.

Именно полипредикативные конструкции с многообразием и сложностью синтаксических связей между отдельными их частями, оказывают немаловажное влияние как на форму стихотворения, так и на его содержание, а также на восприятие литературного произведения читателем. Разумеется, читатель стихотворения не подсчитывает в уме число тех или иных синтаксических конструкций и не анализирует каждую из синтаксических связей, однако данные факторы комплексно оказывают прямое влияние на восприятие поэтического текста, так как «каждая синтаксическая конструкция обладает определенным текстообразующим потенциалом»³³². Более того, в некоторых случаях синтаксическая структура также может стать ключевой с точки зрения поиска синтаксических отличий между стихотворной и прозаической речью³³³.

Сложное предложение в современной лингвистике является объектом пристального научного интереса. Одна из немаловажных проблем, актуальных для данной сферы исследования, – типологизация сложных предложений, описание их структуры и составляющих. Исследователи-грамматисты отмечают, что «трудности, с которыми сталкивается синтаксическая наука при решении проблем типологии сложного предложения, начинаются уже на первых этапах классификации»³³⁴. В связи с этим ощущается потребность в создании некоего механизма, позволяющего размечать сложные предложения с точки зрения их структуры, что облегчило бы их последующий анализ, установление взаимосвязей между частями предложения, а также определение роли того или иного сложного предложения в тексте произведения или в целом в творчестве писателя. Сложные предложения в стихотворных произведениях могут рассматриваться, с одной стороны, как показатель той эпохи, к которой принадлежит творчество поэта (очевидно, что со временем синтаксическая структура текстов меняется, и задача

³³² Ракова, К.И. Текстообразующий потенциал полипредикативного предложения с паратаксом и гипотаксом в современном английском языке : на материале поэтических текстов // Филология и проблемы преподавания иностранных языков : сб. науч. тр. Москва, 2010. Вып.7.С. 77-82.

³³³ См., напр.: Скулачева Т. В., Буякова М. В. Стих и проза: сочинение и подчинение / Вопросы языкознания, 2010, №2. С. 37-54.

³³⁴ Мишланов В. А. Семантика и структура сложного предложения в сфере динамического синтаксиса. Пермь, 1996.

исследователя-филолога – определить эти изменения), а с другой стороны - как проявление идиостиля писателя³³⁵.

В современной теории синтаксиса широко используются так называемые деревья зависимостей и деревья составляющих³³⁶. Одним из первых их применил А. М. Пешковский³³⁷ для изображения сочинительных и подчинительных связей между словами. Суть деревьев зависимостей сводится к следующему: считается заданным анализ предложения, устанавливающий подчинительные связи между словами согласно правилам традиционной грамматики и грамматики зависимостей. Результаты анализа представляются в виде графов, вершины которых соответствуют словам, а дуги соединяют их в соответствии с синтаксическими связями. В терминах деревьев зависимостей можно выражать многие стилистические характеристики текстов³³⁸.

Деревья зависимостей обычно используются в описаниях языков со свободным порядком слов (например, русского). Для описания языков с фиксированным порядком слов преимущественно используется второй тип графов – деревья составляющих³³⁹. При этом в предложении выделяются группы слов, функционирующие как отдельные синтаксические единицы – составляющие. Система составляющих – это множество отрезков предложения, которое обладает тем свойством, что каждые два входящих в него отрезка либо не пересекаются, либо один из них содержится в другом. При графическом изображении система составляющих тоже приобретает вид дерева.

В качестве модели представления структуры сложного предложения нами была выбрана вертикальная структурная схема. По филологической традиции, вертикальные структурные схемы используются в рамках выполнения синтаксического разбора многочленных сложных предложений. С ее помощью можно пронаблюдать расположение предикативных частей, средства связи между

³³⁵ Коломийцева А. С. Полипредикативное сложное предложение-абзац как проявление идиостиля писателя и способ реализации текстовой категории «образ автора». Историческая и социально-образовательная мысль, № 3(8), 2011.

³³⁶ Гладкий А. В. Синтаксические структуры естественного языка / А. В. Гладкий. М., 2007.

³³⁷ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

³³⁸ Севбо И. П. Графическое представление синтаксических структур и стилистическая диагностика. Киев, 1981.

³³⁹ Гладкий А. В. Синтаксические структуры естественного языка. М., 2007.

ними, а также направление зависимостей между частями сложного предложения. Вертикальная схема удобна в силу того, что не теряется наглядность направления связей в сложных предложениях (может быть продемонстрирован уровень глубины соотношения блоков внутри многокомпонентных сложных предложений). Вертикальная схема является оптимальным вариантом для представления тех сложных предложений, которые состоят из четырех и более компонентов.

При этом сочинительные связи отображаются с помощью прямых линий, подчинительные связи – с помощью стрелок, ведущих от главной части к придаточной. В некоторых случаях в качестве компонента сложного предложения может выступать блок, который объединяет несколько тесно связанных между собой частей. Внутри такого блока при более подробном анализе также можно выстроить систему связей.

Таким образом, теоретико-графовая модель представляет собой иерархическую структуру с несколькими уровнями вложенности. Синтаксическая структура предложения представима в виде математической графоподобной модели – это и позволяет нам, имея подготовленную базу данных синтаксических структур, сравнивать их между собой и оценивать степень их различия между собой при помощи математических формул и алгоритмов. В синтаксической структуре, как и в графе, имеются узлы – простые части предложения, соединенные между собой синтаксическими связями.

На основе вышеупомянутого метода нами разрабатывается программное обеспечение, позволяющее работать с базами данных синтаксических структур предложений: вести запись, просмотр, редактирование таких баз данных, проводить вычисления степени различия между синтаксическими структурами. Программное обеспечение автоматизирует процесс вычислений и предоставляет пользователю доступ к различным настройкам используемых алгоритмов, в том числе к таблице схожести типов связей. При помощи математического метода, используемого в анализе стихотворных текстов, можно не просто выявлять специфику поэтического синтаксиса определенного автора, но и решать иные

задачи, в частности, проводить параллели между синтаксическим строем лирических произведений двух авторов, а также сравнивать переводы текста с точки зрения их синтаксической эквивалентности.